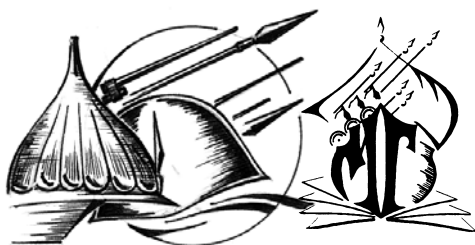

Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2016

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валентин КАТАСОНОВ. Сколько можно дурачить народ?	3
Людмила РЯБИЧЕНКО. Ювенальные времена	108
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Зрада, ганьба, перемога... ..	114
Валерий БУХВАЛОВ. Проблем с совестью не будет	153
Юрий СЕЛИВАНОВ. Сворачённые длинным рублём	158

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Лестница. Роман. Продолжение	11
Александр ЛОМТЕВ. Короткие рассказы	124
Антон ЛУКИН. Рассказы	163

ПОЭЗИЯ

Алексей РЕШЕТОВ. Соломинка с крыши родной. Стихи. Предисловие Нины Бойко	91
Алла ЛИНЁВА. Посреди морозной заметы. Стихи	140
Борис ЩЕРБАТОВ. Сеятель. Стихи	147
Олег КОЧЕТКОВ. На грани моленья. Стихи	187

Николай ПЕРЕЯСЛОВ. Я — не один.	
Недописанная поэма	192
Любовь ДЕМИДОВА. Как пахнет лунный свет.. Стихи	195

РУССКИЙ МИР

Дневник Алексея Мозгового	198
Сергей ПАНТЕЛЕЕВ. Разделённый народ	223
Сергей БЕЛЯКОВ. Потерявшие нравственность потеряют страну	228
Виктор АКСЮЧИЦ. Рано или поздно мы воссоединимся	233

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Всеволод ТРОИЦКИЙ. Восстановить разрушенное	237
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владислав ЖУКОВСКИЙ. Цирк шапито	246
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Порча	248
Иван ЗАЦАРИН. Наследство Тевтонского ордена	251

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир СМЫК. Вперёд к Пушкину! (Перед кем предстоит писатель?)	254
---	-----

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	273
--	-----

КРУГ ЧТЕНИЯ

Людмила САТАРОВА. Литературные судьбы	282
--	-----

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Галина ЧУДИНОВА. Проблемы современной России	286
---	-----

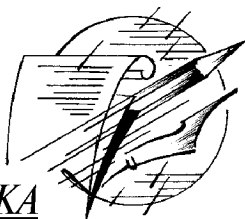
СКОЛЬКО МОЖНО ДУРАЧИТЬ НАРОД?

Об истоках инфляции в России, о настроениях, царящих в регионах, и какую роль играет Кудрин, выступающий с позиций Запада, — беседа Ксении Авдеевой («Свободная пресса») с профессором МГИМО, доктором экономических наук Валентином Катасоновым.

— *Что сейчас происходит с экономикой в России? Обычные граждане увидели замораживание зарплат, сокращения, трудности в трудоустройстве и одновременно повышение цен на все виды товаров и услуг, плюс невозможность выехать куда-либо в отпуск, потому что у людей просто нет денег.*

— За четверть века реформ наша экономика только разрушалась. Несмотря на формальные показатели роста ВВП, реального роста не было и нет. Наше статистическое ведомство Росстат просто научилось рисовать необходимые цифры. И откуда может быть рост, если у нас на протяжении 25 лет происходила так называемая интеграция в мировую экономику?! В результате мы в международном разделении труда стали специализироваться как поставщики сырья и большую часть товаров закупаем на мировом рынке.

Кстати, мы и ресурсы вывозим за бесценок. Правда, нам создают иллюзию, что мы не задарма их вывозим, потому

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

что вроде как поступает валюта. Простой пример. Предположим, мы вывезли нефть, природный газ, лес на 100 млрд. долларов, из которых 50 млрд. остается где-то за рубежом в офшорах. Еще половина возвращается в Россию. Эту валютную выручку экспортеры меняют на рубли, которые используются для закупки сырья, полуфабрикатов, на заработную плату и на оплату налогов. Вот такая схема.

За счет этой валюты происходит денежная рублевая эмиссия. Хочу обратить внимание, что валюта в резервах — это фактически денежные расписки, которые не могут быть использованы для того, чтобы что-то покупать. Показателен пример с Ираном, валютные резервы которого то размораживали, то замораживали. То есть если вы сформировали резервы, это вовсе не означает, что вы сможете ими распорядиться. Те же самые Соединенные Штаты говорят, что за счет этих денег они покрывают свои ущербы, например, от террористических актов. И все. Создается иллюзия того, что мы что-то зарабатываем.

Естественно, что такая сырьевая модель экономики не может обеспечить необходимый жизненный минимум для всех нас. А самое главное, мы полностью зависим от внешних факторов, от импорта.

— *Причем зависим и от станков, не только от обычных товаров.*

— Да, от инвестиционных товаров, от станков. Посмотрите статистику Росстата. На сегодняшний день у нас производство станков составляет всего несколько тысяч единиц. Импорт составляет тоже несколько тысяч. Но у нас их производство в лучшие годы исчислялось миллионами. Я говорю про Советский Союз. Да, станки с программным управлением мы импортировали, но мы и экспортировали станки сотнями тысяч. Сегодня у нас практически нет производства средств производства. А это база экономики, потому что экономика базируется на так называемой тяжелой промышленности.

— *Правительство не хочет ничего менять. Более того — уступить место тем, кто может это сделать. А народ живет все хуже и хуже, особенно в регионах. К чему приведет такое отношение к народу со стороны правительства?*

— Во-первых, у нас не правительство, а колониальная администрация, которая четко выполняет указания «хозяев денег». По мнению правительства, никаких ошибок они не совершали. За 25 лет они сумели сыграть множество разных «водевилей» и «спектаклей». Например, вспомним медведевский лозунг: «Индустриализация, институты, инвестиции...»

Или — «два ВВП» (удвоение валового внутреннего продукта). Или создание «Международного финансового центра». Каждый год-полтора правительство меняет лозунги. Единственное, чем они занимаются, — вербальными интервенциями. Бла-бла-бла. Некоторые обыватели даже в это верят.

Не исключаю, что те, кто управляет нашей колониальной администрацией, заинтересованы в том, чтобы создать здесь взрывоопасную ситуацию. Поэтому, например, приглашают Кудрина в экономический совет при президенте. Кудрин выступает с позиции Запада и поляризует настроение в обществе. Национально-патриотические силы еще больше накаляются от его заявлений. Готовят и белоленточников, и либеральную оппозицию, в общем, готовится почва для социальных взрывов. И, может быть, в Москве это не так остро ощущается, а вот в регионах ситуация очень серьезная. Сейчас в регионах даже учатся владеть оружием, и не какие-нибудь маргиналы, а люди достаточно уважаемые.

А чем сегодня общая ситуация отличается от ситуации 30-х годов прошлого века?! В Европе формируются национал-социалистические настроения. Для того чтобы ускорить этот процесс, им подбросили катализатор в виде эмигрантов.

— *То есть развал Евросоюза неминуем?*

— Конечно. У нас бывают люди с Донбасса и Луганска, которые говорят, что мы отстаем на полшага от них. Это иллюзия, что мы находимся в спокойном месте.

— *Вы общаетесь с предпринимателями. Скажите, какие основные проблемы их волнуют? Что реально стопорит развитие бизнеса в России? Например, даже в антикризисных программах Кудрина и Глазьева оппоненты сошлись в том, что надо снизить давление правоохранительных и контролирующих органов на бизнес.*

— Если под бизнесом понимать тупое извлечение «бабков», то в России у бизнеса никогда не было, и нет у него здесь перспектив. Мы так традиционно устроены. Россия — это определенная цивилизация, нацеленная на духовно-нравственные идеалы.

Прибыль вообще кончается во всем мире, потому что никто не заинтересован в создании реальной экономики уже лет тридцать. Все ушли в игорный дом, на игровые площадки. Поэтому все разговоры про экономику — это о том, как делить тот самый сокращающийся продукт, шагреновую кожу.

— *Это из-за перепроизводства?*

— Это из-за платежеспособного спроса. Спрос есть. Посмотрите, сколько в мире голодающих. А денег нет. А почему платежеспособный спрос сокращается? Потому что вся

экономика в мире зиждется на кредитных деньгах. И Россия одна из последних прицепилась к составу под названием «капитализм». Поэтому мы еще в выигрышном положении и еще не дошли до той ручки, как они дошли. Вы думаете, Америка процветающая страна? Они уже давно живут в долг.

— *Что вам предприниматели говорят?*

— У всех тоска в глазах... Вот на днях разговаривал с одним банкиром, он переживает: сегодня-завтра отберут лицензию. А как же иначе, если знать, как устроены наши банки?

У нас сегодня 700—800 банков. Приди в любой, баланс такой, что нужно сразу же отнимать лицензию. Но не сразу у всех всё отнимать! Сначала нужно одного обработать, потом другого.

В советской системе было три банка: Госбанк, Промстройбанк и Внешторгбанк. Хорошая была система и никаких банкротств. А сегодня банкротство банка означает и банкротство корпоративных клиентов. И это диверсия. Потому что корпоративным клиентом, например, может быть предприятие «Оборонсервиса».

— *А вы не утрируете? Сплошной негатив получается в России.*

— Позитив начинается тогда, когда в голове будет порядок. И, кстати, тот банкир сказал, что он мечтает стать филиалом государственного банка. И не будет никаких проблем, никаких наездов, никакого жульничества. А так они вынуждены крутиться, вертеться, участвовать в разных коррупционных схемах. Многим людям это противно, не все же у нас мерзавцы от рождения. Некоторые даже уходят, потому что не могут там работать, морально не выдерживают.

— *По каким законам должна развиваться экономика в России, чтобы мы увидели рост несырьевого сектора, развитие производства? Назовите пункты вашего антикризисного плана.*

— Я ограничусь пятью пунктами и назову только чрезвычайные меры, на реализацию которых требуется от одного до трех месяцев. Всё остальное — это уже следующий список, потому что есть краткосрочная чрезвычайная программа и есть долгосрочная.

Первый пункт — введение ограничений и затем запрета на трансграничное движение капитала. Второй — ликвидация офшоров. Пункт третий — немедленный выход из ВТО. Радикальная перестройка деятельности Центрального банка и изменение его статуса — четвертый пункт. И последнее — введение моратория на погашение обязательств по внешним долгам.

— *Неоплата внешних долгов может стоить жизни членам нашего правительства...*

— Против нас объявлены экономические санкции. С какой стати мы должны оплачивать эти долги?! Мы можем освободиться от выполнения обязательств по кредитным соглашениям в случае форс-мажора. Экономические санкции — это одна из разновидностей форс-мажора. Это вам любой юрист-международник скажет.

— *А почему так важно ограничивать движение капитала из страны и в страну? Из-за спекуляций?*

— Вспомните обвал рубля в октябре 2014 года. Почему он произошел? Потому что был резкий отток капитала и возник бешеный спрос на иностранную валюту. Всё просто. Любой инвестор, приходящий в Россию, на входе обменивает валюту на рубли, на выходе идет обратный процесс обмена рублей на валюту. Соответственно, все начали «толкаться» на выходе, и спрос на иностранную валюту возрос.

— *Как мы можем зафиксировать предложение спроса на валюту через движение капитала?*

— В 2014 году частный отток капитала составил 151 млрд. долларов. Причем на 99% это был спекулятивный капитал, который пришел сюда не создавать, не строить, не созидать. Он пришел сюда мародерничать, особенно на финансовом и валютном рынке. Естественно, спекулянты приходят на наш рынок только с гарантией того, что их выпустят. И наши власти гарантировали, что в ближайшие годы никаких ограничений не будет. Вот поэтому они так нагло сюда и заходят, зная, что в любой момент они отсюда выскочат. Без этого не произошел бы обвал рубля. То есть это была спланированная операция, разыгранная четко по нотам.

Кстати, среди стран БРИКС Россия единственная страна, которая не имеет никаких ограничений по движению капитала. В Китае имеются жесткие ограничения, так же в Индии, Южной Африке. В Бразилии действует налог на движение трансграничного капитала. В нашей стране все ограничения по движению капитала были ликвидированы в середине 2000-х годов поправками к федеральному закону о валютном регулировании и валютном контроле. Постарался для этого и Кудрин, наш «великий» финансист.

— *Многие говорят о точках роста для российской экономики. На какие ниши надо делать ставку, по вашему мнению?*

— Нам не точки роста нужны, а нам нужен здоровый организм. Экономика — это движение товаров, ресурсов и денег. В человеческом организме существует метаболизм, обмен веществ, движение крови и так далее. В экономике то же самое.

Мы Россия, и это не Швейцария, не Голландия, не Монако. Мы целый континент. Мы должны стать самодостаточной страной. Нам не надо ни с каким брендом никуда выходить, мы просто не должны зависеть ни по экспорту, ни по импорту от мирового рынка. А если мы начинаем сильно зависеть от внешних рынков, то нами начинают управлять хозяева денег. Если бы этого не понимал Сталин, то мы бы не просто не выиграли войну, мы бы ее проиграли в первый же месяц. Сталин провел индустриализацию, провел две с половиной пятилетки, главной целью которых было достижение самообеспеченности.

Я видел программу, где главным приоритетом российской экономики хотят сделать беспилотники. Вот такую точку роста нашли. Вы кому-нибудь в Липецкой области расскажите, что он должен определить приоритет своего малого и среднего бизнеса и ориентироваться на беспилотники. Причём беспилотники в общем смысле, это и «беспилотные» автомобили, и локомотивы. Это что, самое главное, чего нам не хватает сегодня?!

Загляните в историю. С чего начиналась индустриализация? Ведь у Сталина и его министров был определенный алгоритм. Сначала закладывали условия для тяжелой промышленности. Строили Кузбасс, Донбасс и т.д., потому что нужны были свой уголь, железо и сталь. На этом этапе, естественно, станки импортировали. Во время второй пятилетки, при наличии своего железа, пошли станки. Третья пятилетка, которую не успели закончить, — это уже было производство особого оборудования, рассчитанного на создание вооружения.

— *Вы считаете, что тот алгоритм можно перенести в сегодняшний день?*

— Да. Конечно, третья мировая война не будет по образу и подобию Второй мировой войны. Сегодня идут другие войны. Но нам все равно нужна независимая экономика, единый народно-хозяйственный комплекс с набором отраслей от А до Я.

— *Вы видите людей, способных все это организовать?*

— Сегодня ситуация намного сложнее, чем в годы индустриализации. Потому что сталинскую индустриализацию делали спецы, которые имели образование и получали опыт еще в дореволюционной России. С момента революции до старта индустриализации прошло примерно 10 лет. У нас уже прошло 25 лет, людей осталось мало. Они еще есть, но их очень мало. Недавно на Урале люди мне рассказывали, что получили оборонные заказы, а специалистов набрать не могут.

И деньги есть, и заказ есть, а людей нет. И оборудование ещё есть, хотя с ним тоже большой напряг. У нас же всё прецизионное оборудование — это импорт. А если нам блокаду объявят? Нам пока ее не объявляют, потому что мы спрос не предъявляем. А как только мы «зашевелимся», Запад тут же наложит на это свою лапу.

— *Правительство всё время ставит основной целью снижение инфляции до 4%. Только почему-то ничего не получается. И наши денежные власти выполняют эти рекомендации с огромным ущербом для страны. Объясните народу, почему Кудрин и прочие в корне не правы.*

— У нас ставка рефинансирования составляет 11%. Это означает то, что коммерческие банки меньше чем под 15% кредит не выдают. Норма рентабельности, по данным Росстата, находится в пределах 5—8%, а она должна быть не ниже ставки рефинансирования ЦБ. Поэтому, если ты взял кредит, ты фактически программируешь свою компанию на банкротство. Другими словами, делаешь сам себе «харакири». Я разговаривал со многими предпринимателями и интересовался у них про структуру издержек. Большинство отвечают, что помимо издержек на заработную плату, самые крупные затраты идут сейчас на погашение и обслуживание долга, то есть кредитов. Далее правило простое. Если у вас растут издержки производства, значит, у вас растут цены. А инфляция и измеряется динамикой цен. А почему цены стали расти? Потому что растет процентная ставка.

— *Порочный круг. Никто этого не понимает?*

— Эти люди перепутали причину и следствие. Ну сколько можно дурачить народ?!

Показательны примеры других стран. Например, в Дании вообще отрицательная ставка у коммерческих банков. В США 0,25%—0,5%, а инфляция у них 3%.

Причем печатный станок в США раскалился до невероятности, а его продукция идет не на потребительские рынки, а за пределы США, на финансовые рынки. Если представить, что финансовые рынки начнут падать, если вся эта масса хлынет на потребительские рынки... Это до поры до времени всё хорошо. Эти ребята понимают, что может быть наводнение. А наш читатель слишком наивен и простодушен. Я не рекомендую нашему русскому человеку в эти дела погружаться, потому что если он даже начнет погружаться, то его всё равно обманут.

— *А что России делать?*

— Деньги для предпринимателей должны быть бесплатными, потому что если есть процент на деньги, то будет инф-

---

ляция, будут дисбалансы экономики, обязательно будут кризисы, будет стремление эти дисбалансы компенсировать за счет получения части денежной выручки на мировых рынках. Значит, начнется грызня на мировых рынках, которая может перейти в горячую фазу, в мировую войну. Вот я тезисно объяснил вам устройство всей экономической науки — как экономика плавно переходит в политику.

— *А контролируемая эмиссия должна быть?*

— Нам нужна не контролируемая эмиссия, а выпуск денег под создание товарной массы. Если мы будем выпускать деньги под производство, то никакой инфляции не будет. И не важно, под какое производство: танков, каши, сосок... Если у нас деньги идут на производство чего-либо, то баланс обеспечивается и инфляции не будет. А если деньги уходят куда-то налево, если появляется ссудный процент, то баланс нарушается.

ЛЕСТНИЦА

РОМАН

Глава 12

Две недели отпуска пролетели как один день. Тепляков почти ежедневно посещал заветную квартиру, но чаще всего в присутствии Татьяны Андреевны. Да и предлог вскоре нашелся: повторение школьной программы, чтобы в следующем году, если позволят обстоятельства, поступить в какой-нибудь институт. Инициатива в этом вопросе принадлежала Машеньке. Более того, она все чаще звонила ему, требуя немедленно явиться, потому что раздобыла новую программу за среднюю школу, а у нее завтра легкие уроки, тем более что она их уже выучила, а им надо повторить английский и алгебру. Тепляков знал, что, конечно, программу она раздобыла, и английский с алгеброй повторить совсем не плохо, но «явиться немедленно» — это потому, что у них будет час или два, чтобы побыть вдвоем. И каждый раз Тепляков испытывал двойственные чувства: Машенька все сильнее привязывалась к нему, их ласки становились все более откровенными, и Тепляков очень боялся, что под воздействием

Продолжение. Начало в №9 за 2016 г.

ПРОЗА

ее пробудившейся страсти они могут переступить некую запретную черту, которую переступать он не имеет права. Поэтому приходил он не тотчас же после звонка, а с солидной задержкой, и был доволен, что близость их ограничивалась двумя-тремя поцелуями, — правда, долгими и со стонами, — после которых Машенька по-детски дулась на него и требовала обещания, что в следующий раз он не опоздает ни на минуту. Он обещал и опаздывал.

Вчера он пришел к двум, как и обещал, рассчитывая, что застанет дома Татьяну Андреевну. Но Машенька встретила Теплякова в коротеньком халатике и сразу же кинулась ему на шею — и не нужно быть провидцем, чтобы понять: в квартире, кроме них двоих, никого больше нет.

— Простудишься! — воскликнул он громким шепотом, взяв ее за талию и приподнимая. — Я ж с мороза!

— Ну и простужусь! — откликнулась она капризно. — Я думала, что ты, как всегда, опоздаешь. Даже не переоделась...

— Так иди переодевайся, а я пока разденусь.

— А вот и не буду, — прошептала она, надув губки и отстраняясь от Теплякова.

Перед ним стояла его любовь, такая тоненькая и прозрачная в своем ситцевом коротеньком халатике, под которым, похоже, ничего, кроме трусиков, не было, что у него перехватило дыхание.

— Почему не будешь? — спросил он вдруг севшим голосом, отводя взгляд от ее голых ног и сосредоточившись на шнуровке своих ботинок.

— А я тебе такой не нравлюсь? — кокетливо повела Машенька худеньким плечиком, потрянув густыми волосами.

— Ангел мой, ты мне нравишься всякой, но... — Тепляков кашлянул, прочищая горло, и закончил уже вполне нормальным голосом: — Но лучше все-таки тебе переодеться.

— Но почему? — воскликнула она. — Я ведь дома. И всегда хожу в этом халате. Потому что у нас жарко.

— А еще потому, — подстроился Тепляков под ее капризный тон, — что ты у меня такая прелесть, и я так тебя люблю, что мне в голову не полезут никакие знания.

— Ну и пусть! — И она, вскинув свою прелестную головку, засияла такой очаровательной улыбкой, какой Теплякову видеть еще не доводилось.

— Машенька! Ну что ты со мной делаешь? — взмолился он, становясь на колени. — Ведь мы же не муж и жена. Да и лет тебе... Мне и так стыдно смотреть в глаза твоей маме.

— А я виновата? А если ты мне по ночам снишься — что тогда?

— И что тогда?

— А то, что сегодня мне приснилось, что ты целуешь меня... всю-всю-всю. Я проснулась и плакала, — пожаловалась Машенька, опускаясь перед ним на корточки.

— Бедненькая ты моя, — прошептал Тепляков, беря ее за руку. — Как я тебе сочувствую.

— И вовсе не бедненькая! Мне было так хорошо, так хорошо, что и не знаю как. И так обидно, что это только во сне.

— Но ты же у меня умница и должна понимать... — начал было Тепляков, но Машенька закрыла ему рот ладошкой.

— Юрочка, я не хочу ничего понимать! Я... я так тебя люблю, так люблю... — Глаза ее, широко распахнутые, вдруг будто бы позеленели, наполнившись слезами, она моргнула — и по щекам ее потекли прозрачные ручейки.

Тепляков, задохнувшись от жалости и осознания своей вины, вскочил, подхватил Машеньку на руки и принялся целовать мокрые щеки ее и глаза. Он долго ходил по гостиной от окна к двери и обратно, держа ее на руках, что-то говорил между поцелуями, Машенька восторженным эхом повторяла: «И я тоже! И мне тоже!», то обвивая тонкими руками его шею, то откидываясь и выгибаясь всем телом, подставляя ему свои небольшие мраморные груди с розовыми отвердевшими сосками.

Неизвестно, сколько бы это продолжалось и к чему привело, но за окном вдруг громко заголосила потревоженная кем-то или чем-то машина, Тепляков вздрогнул, остановился, пришел в себя. Машенька лежала у него на руках, сомлевшая, с закрытыми глазами, между припухшими губами белела влажная полоска зубов, и вся она казалась Теплякову такой беззащитной и покорной, готовой на все, что ему стало немного жутковато.

В ее возрасте Теплякову почти не пришлось целоваться с девчонками. Правда, как-то на Новый год целовался он на лестничной клетке с соседкой по дому. Ей тринадцать, ему четырнадцать, она впервые и он впервые же, и ничего хорошего в этих поцелуях он не нашел. Но девчонка все-таки что-то нашла, и время от времени зазывала к себе домой, когда там никого не было, помочь разобраться в алгебре. И он постепенно стал тоже что-то находить в поцелуях, тем более что соседка на третий или четвертый раз разделась до трусиков, а на пятый или шестой они «занимались алгеброй голыми», и в конце концов случилось то, что и должно было случиться, о чем оба знали из сериалов и эротических наставлений по Интернету. А потом соседка пропала. Поговаривали, что родители отправили ее к тетке в другой город. На этом любов-

---

ная история для Теплякова закончилась. Осталась тоска и сновидения, от которых он просыпался в горячем поту. Потом училище, армия, летние каникулы и первый отпуск, пришел опыт, но ни разу он не испытывал ничего подобного тому, что испытывал и чувствовал от поцелуев с Машенькой. В прошлом поцелуи служили предисловием к соитию двух тел, по их страстности он мог судить, как скоро оно свершится, но лишь одно опустошение доставалось ему от этих случайных плотских утех. Возможно, кто-то из его бывлых партнерш рассчитывал на большее, но, видимо, до сих пор он не встречал в своей недолгой еще жизни такой, как Машенька, так неожиданно и стремительно завладевшая всеми его мыслями и желаниями.

Тепляков подошел к дивану, бережно неся на согнутых руках будто уснувшую Машеньку, сел, осторожно соединил на ее груди две половинки халата, застегнул пуговицу. Машенька открыла глаза, глянула на него с таким изумлением, точно видела впервые. Затем прижалась к нему и судорожно вздохнула, как вздыхают дети, перестав плакать.

— Я думаю, — начал Тепляков, не зная, как объяснить Машеньке столь резкую перемену в его настроении.

— Давай я напою тебя чаем, — поспешно предложила она, отстраняясь и заглядывая ему в глаза. — Мама испекла пирожки с капустой... твои любимые. Она сегодня придет поздно... И Даша тоже, — прибавила она.

— Нет, подожди, — заговорил Тепляков. — Я должен тебе сказать... Да. Я уже говорил тебе, но только сейчас понял, какая на мне лежит ответственность за наше с тобой будущее.

Машенька улыбнулась, но как-то грустно — и это тоже было впервые.

— У меня завтра в десять встреча с человеком, которого мне придется охранять. Я не знаю, кто он. Более того, я не знаю своего будущего... Нет, ты послушай меня! — воскликнул Тепляков, предупреждая желание Машеньки возразить. — Пожалуйста. Я не хочу, если со мной что-то случится...

— Нет! — вскрикнула Машенька, прижавшись к нему всем телом. — Нет, нет и нет! И слышать не хочу! А если даже и случится что-то такое, я всегда, всю жизнь буду с тобой! Только с тобой! Всю-всю мою жизнь!

— Я верю тебе, мой ангел. И не хочу тебя пугать. Прости меня. Но тебе только шестнадцать. Тебе надо закончить школу, потом... — Он взял в ладони ее лицо, отстранил, мучительно наморщил лоб и спросил, заглядывая Машеньке в глаза: — Может, нам на какое-то время расстаться?

— Нет! — снова вскрикнула она, как вскрикивает раненая птица, и с таким отчаянием, что Тепляков пожалел о сказанном. — Я не хочу быть Наташей Ростовой! Я не хочу, не хочу ждать! Ведь это же целых два года! Не хочу, не хочу, не хочу! Я хочу быть всегда с тобой. Каждый день! Иначе я умру. Ведь вот же, на Украине, там можно выходить замуж в шестнадцать лет. Поедем туда и поженимся. Или ты меня уже не любишь?

— Ну что ты, ангел мой! Да я тебя люблю еще больше! С каждой минутой все больше и больше! Только поэтому я и хочу как-то защитить тебя от всяких случайностей.

— Юра! Ну ты такой взрослый, а до сих пор не понимаешь, что если я тебя люблю, значит... значит, что будет с тобой, то будет и со мной. Ведь ты не разлюбишь меня? Нет?

— Ну конечно! О чем ты спрашиваешь?

— Во-от! — засмеялась Машенька таким знакомым радостным смехом. — И я тебя никогда не разлюблю, глупенький мой. И у нас с тобой будет трое детишек. Два мальчика и одна девочка. А школу я закончу. Ты не думай. — И, соскочив с его колен, потянула за руку. — А сейчас пойдем пить чай. Я ужасно как проголодалась!

Глава 13

В понедельник с утра Тепляков, в своем единственном и не самом модном костюме, в ослепительно-белой рубашке и при галстукке, сидел в «предбаннике» перед дверью кабинета директора фирмы «Кристалл» Ильи Константиновича Рассадова и ждал вызова под испытующими взглядами Элен.

— Леночка, ангел ты наш хранитель! Скажи мне, грешному, кто меня ожидает в ближайшем будущем? — спросил он, молитвенно сложив руки.

— Дама-пик и казенный дом, — усмехнулась Элен.

— Свят-свят-свят! — воскликнул Тепляков. — Избавь меня Всевышний от казенного дома, а от дамы-пик я и сам избавлюсь!

— Нет уж, голубчик, не избавишься! На то и дамы-пик, чтобы держать вашего брата в пиковых рукавицах, — продолжала нагонять туману Элен.

— А ударение на слове «пиковых» на каком слоге? — пытался рассеять этот туман Тепляков.

— На первом, естественно.

— О, всемилостивейший аллах! — воздел он вверх руки. — До чего же некоторые дамы любят пользоваться своим положением, чтобы унижить беззащитного мужчину. Я бы таких дам не подпускал к ним и на пушечный выстрел.

— И что бы вы, беззащитные мужчины, делали без этих дам?

— Радовались бы жизни и не забивали свои мозги ненужными проблемами.

— А если мозги отсутствуют?

— Тогда совсем другое дело, госпожа привратница. Тогда таких дам пропускают через мясорубку и заполняют этой массой пустую черепную коробку мужчин.

— Болтун ты, Тепляков, — хохотнула Элен. — И за что тебя девки любят?

— Боже, Леночка! Покажи мне хотя бы одну из них, и я тебя расцелую!

— Нужны мне твои поцелуи.

Между тем Тепляков догадывался, кто его ждет: он пришел на полчаса раньше назначенного срока, устроился под грибом, оставшимся от прежних хозяев детсада, и видел, как к воротам за пять минут до десяти подкатил черный лимузин, как из него выбралась женщина в шубке из серебристого песца, с чернобуркой вместо воротника. Самое интересное, что она выбралась с левой — водительской — стороны, огляделась и, не заметив ничего подозрительного, проследовала к калитке, которая отворилась при ее приближении: женщину, судя по всему, ждали. И вот уже двадцать минут она в кабинете Рассадова, а о чем они там говорят, известно разве что одному из множества божеств, которым поклоняется многомиллиардное население планеты.

От скуки и нечего делать Тепляков собрался было продолжить свою болтовню и что-нибудь выведать у Элен, но тут шелкнуло в динамике, и голос Рассадова, странно благодушный, если не сказать — разнеженный, будто человек только что из бани, произнес, растягивая гласные:

— Тепляко-ов где-есь?

— Ждет, — коротко ответила Элен, презрительно дернув губами.

— Пригласи-и.

Тепляков поднялся, сочувственно скривив лицо: про отношения женатого шефа со своей секретаршей ходили среди курсантов всякие слухи. Элен глянула на Теплякова, в ответ тоже состроив физиономию, которую надо было понимать так, что, мол, ничего не поделаешь: все мужики сволочи, и пожелала:

— Ни пуха!

— К черту! — откликнулся Тепляков, по привычке одернулся и шагнул к двери.

Первое, что он увидел, перешагнув порог кабинета, это голые по локоть полные руки сидящей к нему вполоборота женщины, сохранившие летний загар, густые темно-каштановые волосы, рассыпанные по плечам и спине, прикрытым вязаной безрукавкой.

Женщина повернулась на звук открываемой двери на вращающемся кресле и с любопытством уставилась на вошедшего.

— Здравствуйте, — произнес Тепляков, остановившись в ожидании следующей команды, испытывая неловкость от пристального, изучающего взгляда незнакомки. Было что-то еще в этом взгляде, что-то странное и едва уловимое, с чем Теплякову сталкиваться еще не приходилось. Он попытался погасить в себе возникшую тревогу, переведя взгляд на Рассадова.

— Вот это и есть Юрий Николаевич Тепляков, — не ответил на приветствие, представил его Рассадов деловым тоном. И уже Теплякову: — Проходи, Юра, садись! — и показал рукой на свободное кресло. — А это (кивок в сторону женщины) Лидия Максимовна Коврова. Она здесь представляет своего шефа, который нуждается в телохранителе, — добавил он со значением. — Из всех претендентов Лидия Максимовна выбрала тебя. Я уверен, что вы сработаетесь.

— С кем? С Лидией Максимовной или с ее шефом? — спросил Тепляков.

— И со мной тоже, — опередила с ответом Коврова.

Пока Тепляков шел от двери и садился под ее внимательным взглядом, чувство тревоги, еще не выраженное словами, поселилось в нем и не отпускало. Теперь и он взглянул на женщину в упор, чуть сощурился, и, по привычке, привитой на курсах, отмечать всякое лицо, попавшее в поле зрения и привлекшее внимание, мысленно составил ее словесный портрет: лет сорок-сорок пять, скорее всего — разведенка, нос прямой, рот большой и узкий, про который говорят — злой, брови подбриты, ресницы удлинены, глаза небольшие, черные, «пронизывающие», подбородок несколько тяжеловат, шея короткая, на правой щеке, возле уха с золотой серьгой, родинка величиной с яблочное семечко, рост сто семьдесят, фигура средняя, несколько полноватая. Вывод: баба жесткая, цену себе знает, не остановится ни перед чем и, не исключено, оказывает сильное влияние на своего шефа. Особенно, если он ее муж или любовник. С ней надо будет держать ухо востро.

— Буду стараться, — произнес Тепляков, снова переведя взгляд на директора фирмы «Кристалл» и вполне успокоившись.

— Надо понимать так, что вы, Юрий Николаевич, не против стать телохранителем моего шефа.

— Нет, не против, — подтвердил он. — Собственно говоря, мне все равно, с чего... вернее, у кого начинать свою службу.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Рассадов с облегчением, как будто не ожидал, что Тепляков согласится. — Надеюсь, Юра, что ты оправдаешь оказанное тебе доверие.

— Я постараюсь, Илья Константинович.

— Тогда что ж? Остается лишь подписать договор.

И договор был подписан. Это был типовый договор, с перечислением прав и обязанностей той и другой стороны. Единственное, что отличало один от другого, это незаполненная графа о заработной плате. И Тепляков, прежде чем поставить свою подпись, глянул выжидательно на Коврову.

— Что касается вашего оклада, Юрий Николаевич, то об этом мы, надеюсь, договоримся у меня в офисе, — с милой улыбкой ответила она на его взгляд.

— Подписывай, Юра, подписывай! — поддержал Рассадов Коврову. И добавил многозначительно: — Не пожалей.

Тепляков пожал плечами и подписал: выбирать было не из чего.

Выходили из офиса вместе: Коврова впереди, Тепляков чуть сзади. Возле машины остановились.

— И когда вы, Юрий Николаевич, намерены приступить к работе? — спросила она, повернувшись к нему всем телом.

— Да хоть сейчас, — ответил он. — Или у вас другие планы?

— Что ж, сейчас так сейчас. Тогда прошу за руль. — И она, открыв дверцу, царственным жестом пригласила Теплякова занять свое место.

Тепляков сел, включил зажигание. Стартеру понадобилось совсем немного времени, чтобы заставить заработать двигатель. Он послушал его ровное гудение и остался доволен. Правда, успел заметить, что машина старая, что внизу и на кромках крыльев проступила ржавчина, но резина новая, шипованная, и внутри салона все выглядело вполне пристойно. Подумал: «Или не хочет выделяться, или жмотка. Или это не ее тачка». Подождя с минуту, Тепляков плавно тронул машину с места — служба началась. Что-то она ему сулит.

— Вы, Юрий Николаевич, как мне известно, не женаты. Какие у вас на этот счет планы? — спросила Коврова весьма доброжелательным тоном, едва они отъехали от бывшего детсадика.

— Вполне определенные — жениться в ближайшие год-два, — ответил Тепляков.

— И невеста имеется?

— Имеется.

— И что за невеста?

— Женского рода, разумеется, — ответил Тепляков, не отрываясь от дороги. И тут же, чтобы сгладить резкость своего тона, добавил: — Как сказал один мудрец: «От невесты до жены расстояние, как от земли до луны».

— Я имею в виду возраст, род занятий вашей невесты, — пояснила Коврова все тем же доброжелательным тоном. — Вы, Юрий Николаевич, не подумайте, что я спрашиваю вас из праздного любопытства. Я не собираюсь вторгаться в вашу личную жизнь. Мне важно знать, чем дышит человек, которому я должна довериться по всем пунктам. Между тем, ваша личная жизнь может сказываться определенным образом на ваших обязанностях. Или у вас на этот счет другое мнение?

— Разумеется, сказываться может. Но пока ничего определенного ответить на ваш вопрос не могу. И не только вам, но и самому себе. В любом случае, когда дело дойдет до женитьбы, вы об этом узнаете одной из первых.

— Ну что ж, спасибо и на этом, — согласилась Коврова. И тут же, слегка подавшись вперед и показывая рукой: — А-ааа... вот здесь сверните, пожалуйста, налево.

— Здесь нельзя сворачивать налево, — ответил Тепляков. — Видите знак?

— Вижу, но-о... Я всегда здесь сворачиваю.

— Вы хотите, чтобы у меня отняли права? Доедем до перекрестка, там и свернем. — И, повернув голову к своей повелительнице, спросил: — Или у вас имеются какие-то основания для срочного изменения маршрута?

— Нет-нет! Никаких оснований. Здесь в эту пору редко ходит транспорт и нет видеокамер. Пока мои нарушения сходили мне с рук.

— Все это до поры до времени, Лидия Максимовна, — снисходительным тоном пояснил Тепляков, впервые назвав Коврову по имени-отчеству. И далось это ему не просто.

— Совершенно с вами согласна, — легко уступила она.

И Тепляков понял, что женщина его проверяла и, похоже, осталась довольна своей проверкой. И тогда он задал ей вопрос, который давно вертелся у него на языке:

— Тогда, если вас не затруднит, ответьте мне: что заставило вашего шефа нанять телохранителя? Ведь ни с того ни с сего такие вещи не делают.

— Об этом мы с вами, Юрий Николаевич, поговорим в другое время и в другом месте.

Тепляков лишь передернул плечами: в другом так в другом.

Они выехали на улицу Дворянскую, некогда именовавшуюся улицей «50-летия Октября». Возле старинного двухэтажного здания, расположенного посредине сквера, Коврова показала Теплякову, куда поставить машину, велела:

— Пойдемте со мной: я познакомлю вас с нашим заведением и объясню вам кое-какие нюансы вашей службы.

Они миновали пост охраны, поднялись на второй этаж по широкой мраморной лестнице, укрытой малиновой ковровой дорожкой, остановились перед дубовой резной дверью, которая не отличалась от многих других, разве что номером — 24. За двойной дверью, как и ожидал Тепляков, сидела секретарша, пожилая женщина с весьма невыразительным лицом. Перед нею стоял компьютер, чуть в стороне — два телефона. Все остальное походило на обстановку «предбанника», в котором хозяйничала Элен. Разве что мебель была сделана под старину и вызывала ощущение надежности и умиротворения.

— Это Ольга Петровна, — представила женщину Коврова. — А это, — повела она рукой в сторону Теплякова, — Юрий Николаевич. С этого дня личный водитель и телохранитель Михал Михалыча. Прошу любить друг друга и жаловать.

Тепляков и Ольга Петровна обменялись взглядами и вежливыми наклонами головы. После чего хозяйка пригласила Теплякова в кабинет и попросила секретаршу принести им кофе.

Для начала был решен вопрос с окладом: он получает сорок процентов по бухгалтерской ведомости из рук Ольги Петровны, остальные шестьдесят — в конверте лично от Лидии Максимовны. Эти сорок процентов и будут вписаны в договор. Затем была названа общая сумма, которая Теплякова более чем устраивала. После этого был согласован распорядок его рабочего дня: с утра он подъезжает на машине к ее дому, встречает ее возле квартиры, отвозит на работу или туда, куда будет указано. А далее... далее делает то, чему его учили. Что касается возникшей необходимости в телохранителе, то она, во-первых, вызвана усилившейся конкуренцией, а во-вторых, желанием некоторых преступных элементов поживиться за счет их фирмы.

— Так кого же я должен охранять: вас или Михал Михалыча? — спросил Тепляков.

— Все зависит от обстоятельств. Сейчас Михал Михалыч в Москве. Он является собственником и одновременно гене-

---

ральным директором торговой фирмы «Кедр». Я — его жена. В отсутствии мужа замещаю его по должности. Теперь вам понятно?

— Теперь понятно. А до этого у вас был телохранитель?

— Был. Но проворовался и был выгнан с волчьим билетом. Еще вопросы?

— Спасибо, больше вопросов не имею.

После такой инструкции и чашки кофе Коврова вызвала в кабинет начальника охраны, предварительно уведомив Теплякова, с кем ему придется работать;

— Павел Сергеевич Пучков начинал в КГБ, затем работал в милиции, следовательно, человек опытный, знающий. Свои обязанности выполняет добросовестно. У нас к нему нет никаких претензий. Но ваше появление он, скорее всего, воспримет без энтузиазма. Постарайтесь, Юрий Николаевич, с ним не ссориться. В конце концов, вы вместе с ним будете делать одно дело — обеспечивать безопасность сотрудников, следовательно, нормальную работу фирмы.

В кабинет — после предупреждения Ольги Петровны — вошел человек лет пятидесяти, плотный, несколько полноватый, с седым ежиком волос на круглой голове, с толстым угреватым носом и маленькими серыми глазками, выглядывающими из-под нависших лохматых бровей.

— Добрый день, Лидия Максимовна, — произнес он, даже не взглянув на Теплякова.

После представления мужчин друг другу Коврова попросила Пучкова показать офис. Пучков смерил Теплякова неприязненным взглядом, переспросил:

— Все показывать?

— Все, что интересует Юрия Николаевича, — ответила она ледяным тоном. — И надеюсь, между вами не возникнет никакого соперничества. У каждого из вас свои обязанности, но в известных случаях они могут потребовать от вас взаимодействия. Имейте это в виду. А пока можете быть свободны.

Тепляков покинул кабинет вслед за Пучковым. Они спустились на первый этаж, прошли немного по коридору, вошли в комнату с табличкой на двери: «Начальник охраны».

— Присаживайся, — показал Пучков на стул возле стола, сам сел по другую сторону, сложил руки на столе, велел: — Рассказывай.

— О чем? — спросил Тепляков.

— Обо всем. Кто ты? Откуда? Как попал в нашу контору?

— А может, начнем с вас? Вы все-таки хозяин в этой конуре, вам и карты в руки. Опять же — законы вежливости и гостеприимства.

— Я не картежник. И особой вежливостью не отличаюсь. И учти: на побегушках у тебя быть не собираюсь. Так я тебя слушаю.

Тепляков смотрел на старика с сочувствием, не зная, смеяться ему или послать этого служаку к такой бабушке. И он заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я не претендую на ваше место, Павел Сергеевич. Если именно это вас беспокоит. Это — во-первых. Я не люблю, когда на меня давят. Тем более таким тоном. Это — во-вторых. Мадам верно сказала: не исключено, что нам в известных случаях придется действовать сообща. И тогда ваши знания и опыт могут сыграть решающую роль. Это — в-третьих. Что касается ваших закоулков, так вы можете перепоручить эту миссию одному из ваших подчиненных. Лично мне все равно, кто будет моим экскурсоводом.

Пучков выдвинул ящик стола, достал из него пачку сигарет, толкнул ее в сторону Теплякова.

— Закуривай!

— Спасибо, бросил.

Пучков закурил, разогнал дым рукой.

— Тут был уже один, — заговорил он сварливо. — Из вашей же конторы. Порядочная, между прочим, сволочь. Выгнали. Теперь взяли тебя. Посмотрим, что ты за птица... А показать... что ж, показать можно, — примирительным тоном закончил он.

К концу «экскурсии» по зданию Пучков окончательно подобрел.

— С шефом ты знаком? Или так — как бомбу в конверте?

— Почему бомбу?

— Любимая его поговорка. Выдумал, вот и мусолит ее к месту и не к месту.

— А что — тяжелый человек?

— Это еще мягко сказано, — произнес со значением Павел Сергеевич, будто обнюхав и облизав взглядом лицо Теплякова. — Впрочем, сам увидишь. В субботу он возвращается.

Глава 14

Над землею, покрытой снегом, плыли низкие серые облака с редкими, едва различимыми просветами между ними. Иногда облака опускались до самой земли, и тогда с дальнего конца взлетно-посадочной полосы надвигалась серая стена, погребая под собой и красные огни вдоль нее, и черную

кромку леса, и стоящие в стороне пассажирские самолеты. Стена надвигалась беззвучно и неумолимо. И вот уже первые снежинки-разведчицы плавно закружились за стеклами терминала, точно заглядывая внутрь, а вслед за ними небо обвалилось густыми хлопьями снега. За стеклами терминала резко потемнело, а в зале ожидания, наоборот, стало как будто светлее.

Тепляков вздохнул, глянул на часы: четверть шестого. Четвертый час он ждет самолета, на котором должен прилететь из Москвы Михал Михалыч.

По радио передали: самолет сел на аэродром соседнего города, что в трехстах километрах отсюда, и, как только позволит погода, так не пройдет и часа, как приземлится в нашем аэропорту.

Но пока не видно, чтобы погода менялась к лучшему.

Тепляков набрал номер телефона Машеньки, и тут же услышал ее взволнованный голос.

— Юра! А я жду-жду, а ты все не звонишь и не звонишь!

— Радость моя! Я сижу в аэропорту и жду своего шефа. Но погода, сама видишь какая, и сколько мне еще ждать, не знает и сам господь бог. А о метеорологах и говорить нечего.

— Но ты все-таки после работы зайди к нам обязательно! — велела Машенька. — Мама приготовила пельмени — пальчики оближешь.

— Я постараюсь, мой ангел! Но совершенно не знаю, когда освобожусь.

— Когда освободишься, тогда и приходи. Я буду ждать.

— Но не ночью же. К тому же, я уже тут два раза пил кофе с булочками. Правда, место для пельменей еще имеется... Извини, больше не могу говорить: звонят.

Убрав один мобильник в карман, он достал другой: звонила Лидия Максимовна, интересовалась, когда будет самолет. Выслушав ответ Теплякова, велела ждать. Что ж, ждать так ждать. Как говорится, солдат спит, служба идет. А спать и ждать — одно и то же. И он, откинув кресло, вытянул ноги и закрыл глаза. И, как всегда, увидел улыбающееся лицо Машеньки.

— Молодой человек, — произнес над ним женский голос, и чья-то рука дотронулась до его плеча.

— А? Что? — Тепляков открыл глаза и увидел лицо пожилой женщины. И тоже улыбающееся.

— Ваш рейс должен приземлиться минут через десять, — сообщила она. И уточнила: — Ведь вы ждете двести семнадцатый? Не так ли?

— Да-да! Спасибо, — поблагодарил он, вспомнив, что женщина эта стояла рядом, когда он в справочной узнавал о времени прилета самолета со своим шефом.

Михал Михальча, как ни странно, Тепляков до сих пор не может себе представить живым человеком, со всеми полагающимися человеку особенностями. И это несмотря на то, что видел его фотографию: человек как человек, ничего особенного. Разве что шея короткая и такая широкая, что голова на ней будто бы взята у другого человека. Но добродушное лицо, несмотря на узкий лоб, не вязалось с представлением Теплякова о торговце, который держит в своих руках тысячи и тысячи человеческих жизней. Он представлялся ему как некий символ алчности, что-то вроде статуи, изуродованной болезненной прихотью скульптора, но статуи живой, напичканной электроникой, зато начисто лишенной человеческих чувств. Впрочем, Теплякова это ничуть не пугало. В его прошлой жизни командира взвода такими же виделся ему и боевики, безжалостные, падкие до денег, прикрывающиеся трескучими фразами о боге, чести, свободе и своем предназначении.

— А вы так улыбались во сне, что мне жалко было вас будить, — добавила женщина. Спросила: — Приснилось что-нибудь приятное?

— Да-да, приснилось. А вы — учительница?

— А что, заметно? — удивилась женщина.

— Речь у вас очень правильная, почти литературная.

— Надо же... А я и не замечала. Впрочем, вы угадали. Я преподаю в медучилище анатомию человека. — И пояснила: — Детям нельзя преподавать, пользуясь косноязычной речью.

— Совершенно с вами согласен. Моя мама тоже была преподавателем. Правда, она преподавала музыку.

— Не имеет значения, что именно преподавать. Важно, как это делать... А... А почему вы сказали: была?

— Она вместе с папой погибла в авиакатастрофе.

— Я вам сочувствую, молодой человек. Кстати, вы женаты?

— Нет еще.

— Встречаете свою девушку?

— Почему вы так решили?

— По тому, как вы улыбались во сне. И если я не ошибаюсь насчет девушки, то, извините, как же вы — и без цветов?

— Вы ошиблись. Я встречаю своего шефа. И он — не женщина.

— А-ааа, вот как. Ну, тогда совсем другое дело. Я имела в виду...

Но тут радио сообщило, что борт номер двести семнадцать приземлился, встречающих просят пройти в зал номер четыре.

— Вы тоже встречаете этот борт? — спросил Тепляков, когда они стояли на движущейся лестнице эскалатора.

— Да, тоже. Я встречаю сына. Он спасатель, получил ранение в Сомали. Они доставляли туда медикаменты. Какой-то тип ударил его ножом. Лечился в Москве, долечиваться отпустили домой.

Михал Михалыча Тепляков узнал сразу: он походил и не походил на свою фотографию, вместившую в себя лишь голову и часть шеи. Это был здоровяк под метр девяносто, с мощной короткой шеей и маленькой круглой головой на широченных плечах. Все в нем было несоразмерным. Когда-то он занимался тяжелой атлетикой, был даже призером России, но, как часто это случается с бывшими спортсменами, раздался во все стороны и теперь походил на обрубок мощного ствола с немногими ветками.

Тепляков наблюдал за ним через стекло, отделяющее зал выдачи багажа от встречающих. Он видел, как Михал Михалыч звонит по мобильнику, топчась на одном месте, а потом вглядывается — тоже через стекло — в разношерстную толпу, пытаясь отыскать в ней своего телохранителя. Но Тепляков держался несколько в стороне от всех, щупая глазами мужчин и женщин, которые должны вести себя несколько не так, как обычно ведут себя встречающие близких им людей. Человека три-четыре, тоже держащиеся в стороне и тоже внимательно изучающие толпу, привлекли его внимание. Возможно, кто-то из них был детективом, кто-то оперативником, кто-то из охраны аэропорта, или такие же, как и он сам, ожидающие своего шефа. Теракт, случившийся в Московском аэропорту Домодедово, заставил усилить режим охраны в других аэропортах, но, как часто это бывает, напряжение постепенно спадает, и все продолжает течь как и прежде... до следующего ЧП.

Опыта у Теплякова почти никакого, инструкции и наставления по выявлению опасности для своего подопечного перепутались в его голове, и он мучительно искал в каждом из примеченных им людей возможного покусителя на жизнь Михал Михалыча, ожидающего свой багаж.

Тепляков видел, как женщина, разбудившая его, встрети-лась со своим сыном, как она плакала, уткнувшись в плечо рослого парня, а он, глядя ее волосы, что-то говорил ей, и она, соглашаясь, лишь встряхивала головой.

Точно так же могла встречать Теплякова и его собственная мать. От этой мысли в душе его зазвенела тонкая струна, но тотчас же оборвалась, едва он увидел Михал Михалыча, который, переваливаясь с боку на бок, как моряк после качки, двинулся на выход, катя за собой огромный чемодан на колесиках. Вот он миновал проверяющего, предъявив ему квитанцию на багаж, вот пересек черту, разделяющую прилетевших и встречающих, прошел метров десять, остановился, продолжая покачиваться, и огляделся. Тепляков в это время находился в трех шагах от него, все еще пытаясь определить возможную опасность. Но никого, похоже, не интересовал Михал Михалыч, и Тепляков, приблизившись вплотную к своему шефу, произнес:

— С приездом вас, Михал Михалыч. Я Тепляков, ваш телохранитель. Похоже, все чисто. Прошу, машина вас ждет.

— И какого черта ты заставлял меня пялиться по сторонам? — прорычал Михал Михалыч, с брезгливой гримасой смерив Теплякова взглядом своих заплывших жиром маленьких глаз. — Ты должен был, бомбу в конверте твою мать, подойти ко мне у выхода и принять багаж.

— Извините, Михал Михалыч, но свои обязанности я знаю, — ответил Тепляков, дернув головой, как от удара. Однако ручку чемодана все-таки перехватил и, нарушая все инструкции, пошагал к выходу, слыша за спиной пыхтение своего шефа.

Тепляков шел, стараясь подавить в себе обиду и злость и ни о чем не думать. При этом — исключительно по инерции — шаривал глазами ближайшее пространство, вглядываясь во всякого, кто оказывался в этом пространстве. Но ничто не задерживало его внимания, и до самой машины он шел так, будто это он сам прилетел откуда-то и все остальное его не касается.

Умная машина при его приближении сама замигала фарами, словно радуясь возвращению своего хозяина. Тепляков открыл заднюю дверцу, но Михал Михалыч садиться сзади отказался. Тепляков пожал плечами: не начинать же прямо здесь объяснять подшефному, где тот должен сидеть и почему. Подождав, пока Михал Михалыч втиснет свои телеса в утробу машины, он поставил в багажник чемодан, сел за руль и тронул машину с места. Но, не проехав и десяти метров, остановился, заметив, что Михал Михалыч сидит, откинувшись на спинку кресла, и не думает пристегиваться ремнем безопасности.

— Шеф! — произнес бесстрастным голосом Тепляков, продолжая смотреть прямо перед собой. — Я буду весьма признателен вам, если вы пристегнетесь.

— Ты давай рули и не суй свой нос не в свои дела! Весьма признателен... — заперхал Михал Михалыч, точно подавившись. — На хрен мне нужна твоя признательность! Бомбу в конверте твою... Гони вперед!

— Я не сдвинусь с места, пока вы не пристегнетесь, — отрезал Тепляков, положив обе руки на руль.

— Да т-ты чо? Ты чо себе позволяешь, щенок? — взвился Михал Михалыч, тяжело поворачиваясь всем телом к Теплякову. — Крутой, да? Да я тебя по стенке размажу! Понял? Рули давай!

На Теплякова пахнуло перегаром. Не отвечая, он достал мобильник, нажал на вызов Лидии Максимовны.

Та откликнулась тотчас же.

— Да, Юра, я слушаю.

— Мы в машине. Шеф отказывается пристегиваться. Может, вы на него повлияете?

— Он что, пьян?

— Похоже.

— Хорошо, — произнесла Лидия Максимовна и отключилась.

И сразу же запиликал мобильник Михал Михалыча.

О чем говорила Лидия Максимовна, Тепляков не слышал. Зато он слышал, что говорил Михал Михалыч, и видел, как тот изменился, превратившись из самоуверенного и наглого человека в напроказившего мальчишку.

— Дуся моя! Ну что ты, что ты? Да я просто так... Ну да, выпил маленько! Но ты же знаешь, как я тяжело переносу эти чертовы самолеты! Бомбу в конверте... Все, Дуся моя! Все! А этого щенка... Хорошо, Дуся моя! Хорошо! Не буду! Черт с ним! Как ты пожелаешь, Дуся моя...

Убрав мобильник, Михал Михалыч, принялся, сопя и пугаясь, возиться с ремнем безопасности.

— А ты все ж таки — дерьмо собачье... как там тебя? Стукач! На кой ... мне сдался такой пес, который... Я тебе это припомню, бомбу в конверте... Ты у меня...

— Тогда вот что, Михал Михалыч... или как там вас? — повернул голову к шефу Тепляков, заметив, что тот все-таки сумел пристегнуться. — Домой я вас, так и быть, отвезу, а дальше... чхать я на вас хотел! — ищите себе другого пса, который будет лизать вашу задницу.

Теперь запиликал телефон Теплякова.

— Юра, — раздался в нем голос Лидии Максимовны. — Везите его домой. И постарайтесь не обращать внимания на его выходки. Проспится, будет как шелковый. А я вам компенсирую моральные издержки.

— Хорошо, — произнес Тепляков. Убрав мобильник, он резко прибавил газу, так что машина рывком сорвалась с места, отбросив Михал Михалыча на сиденье.

— Ну ты... — начал он, но вовремя остановился, и всю дорогу ни тот, ни другой не проронили ни слова.

Уже в городе, едва Тепляков попытался свернуть на Дворянскую, Михал Михалыч рявкнул:

— Куда тебя черти несут? Давай прямо, бомбу в конверте, твою мать! — И через минуту: — Ты чо, все время на Дворянскую ездил? — спросил он, буравля лицо Теплякова маленькими глазками.

— Да, — ответил Тепляков.

— Ну-ну, — проворчал он со скрытой угрозой, совершенно непонятной Теплякову, и дальше командовал, куда ехать.

Они пересекли бульвар Свободы, проехали по какой-то улице, названия которой Тепляков не успел разглядеть, свернули налево в узкий проулок. Проехав метров двести мимо мусорных баков и разнотипных гаражей, остановились возле железных ворот и будки охранника. В темноте сквозь падающий снег светились окна многоэтажек.

Из будки выбрался охранник, подошел, пригнулся, глянул внутрь через боковое стекло.

— А-а, Михал Михалыч? С приездом вас! — Лицо его расплылось в подобострастной улыбке. — Милости прошу! Милости прошу!

Ворота поехали в сторону, Тепляков повел машину к левому дому-башне, в направлении которого Михал Михалыч ткнул пальцем-сосиской.

Возле подъезда их встретила Лидия Максимовна.

Оба, и Тепляков и она, молча наблюдали, как Михал Михалыч, чертыхаясь, выбирается из машины.

— Юра, машину отведите в гараж. В понедельник — к восьми, на этом же самом месте, — распорядилась Лидия Максимовна.

— Но если ваш муж... — начал было Тепляков, но она перебила его:

— В понедельник обо всем и поговорим. А сейчас вы можете быть свободны.

— Но я обязан встречать вас возле дверей вашей квартиры, — упрямо вскинул голову Тепляков.

— Хорошо. Спросите у Пал Сергеича.

Возле подземного гаража топтался начальник охраны Пучков.

— А я уж думал, не дождусь тебя, — заговорил он. — Или случилось что?

— Погода, — не стал вдаваться в подробности Тепляков.

— Да, погодка — будь здоров. То теплынь до конца ноября, то морозы и снег в начале октября. Экология, черт бы ее побрал!

— Экология — всего лишь наука. Другое дело, что она служит тем, кто ее поддерживает и направляет...

— Вот и я говорю про то же самое, — продолжал ворчать Пучков. — А поддерживает и направляет ее тот, кто больше всего гадит во всемирном масштабе. Чтоб, значит, она, эта наука, не замечала одних, а собак спускала на других.

Тепляков отвел машину на подземную стоянку, вернулся к воротам.

— Кстати, звонила Максимовна, велела передать тебе электронный ключ и пропуск в квартал «Сибирские огни». Это туда, куда ты отвозил Михал Михалыча. — И с этими словами Пучков передал Теплякову запечатанный пакет. — И как тебе хозяин? — спросил он.

— По-моему, типичный самодур, — ответил Тепляков, убирая пакет в боковой карман.

— Во! — воздел палец вверх Павел Сергеевич. — Это ты, парень, верно подметил! А все потому, что сам он только числится директором, а правит всеми делами Максимовна. Вроде она ему жена, а вроде и не жена вовсе.

— А кто же? — заинтересовался Тепляков.

— Папаша этого Мих-Миха, как мы промеж себя его кличем, денег в девяностых наворовал, создал фирму «Кедр», а Максимовна при нем была вроде как секретаршей. Ну и... любовницей, само собой. Баба она умная, да еще с образованием, постепенно и прибрала дело в свои руки. Папашу Мих-Миха то ли убили, то ли он сам на себя руки наложил, — сам черт не разберет! Я в ту пору в милиции служил, но к этим делам не касался, — пояснил Павел Сергеевич. — Однако слухи до нас доходили всякие. Мих-Мих тогда спортом занимался, мышцы накачивал, на Шварценеггера хотел походить. А тут, значит, такое дело: спорт по боку и впрягайся в работу. Мышцы у него будь здоров какие, а мозгов явная нехватка. Вот он и попал под каблук Максимовны, бесится, а поделать ничего не может: без нее дело может развалиться.

— И зачем вы мне все это рассказываете? — спросил Тепляков.

— А затем, Юрик, чтобы ты тоже не попал впросак, как твой предшественник. Да и, честно тебе скажу: понравился ты мне. Уж не знаю чем, а понравился. Вот я тебя и предупредил.

— Спасибо за предупреждение, Павел Сергеевич. При случае можете рассчитывать и на меня.

— Что ж, учту на будущее, — протянул руку Пучков и, не отпуская руки Теплякова, добавил: — Ты, парень, с Мих-Михом будь поосторожней: силища у него как у медведя. Если ухватит, то уж не вырвешься — задавит.

— А что мой предшественник? — спросил Тепляков. — Вы говорили, что он проворовался...

— А-а! — махнул рукой Павел Сергеевич. — Ну да, говорил! Потому что был обвинен в краже, торговле наркотой и попытке изнасилования малолетки... А в действительности принял не ту сторону. Не сориентировался в обстоятельствах. Попал под влияние Мих-Миха. Вместе пили, вместе девок портили. Когда их застукали, Мих-Мих все свалил на него. А сам откупился. Такие вот, брат, дела. — И засуетился, заспешил. — Ну, все! Время-то вон уж сколько. До дому-то доберешься, или подбросить?

— Доберусь: трамваи еще ходят. Вы только назовите мне номер дома, этаж и квартиру. В темноте я там ничего не успел разглядеть.

— А хозяйка что?

— Велела у вас спросить

— А-а. Ну тогда записывай.

— Я так запомню.

— Бульвар Свободы, 8, квартира 84. Дальше ты сам знаешь, что и как.

— Спасибо, Павел Сергеевич, — попрощался Тепляков, но вдруг остановился, спросил: — А как фамилия Михал Михальча?

— Что, не сказали? Дела-аа! А фамилия у него Укутский. Ну — до понедельника! — И, спохватившись: — Да, у меня два билета в оперетту. Не хочешь сходить?

— На когда?

— На завтра, на девятнадцать тридцать. Принесли тут, понимаешь ли, а у меня жена приболела.

— Давайте. У меня завтра выходной.

— А-ааа... Ну, тогда приятного выходного.

Глава 15

В квартире Яловичевых все давно спали, и лишь Машенька ворочалась с боку на бок. В ее головке возникали всякие ужасные картины, какими набиты под завязку многие телепередачи. То она представляла себе, как ее Юрочка, сидя за рулем машины, врезается лоб в лоб в другую машину, которая на огромной скорости выскочила на встречную полосу. Обе

машины крутятся на дороге, сталкиваясь то с грузовиком, то с автобусом, то с легковушками. Вот все встало, слышны вопли аварийных сигналов, и она видит своего Юрочку, уткнувшегося окровавленной головой в рулевое колесо, — и сердце Машеньки бьется так часто, словно она долго-долго бежала вверх по лестнице, а по щекам текут слезы.

То ей вдруг представится, что на таинственного Юрочкиного подопечного напали вооруженные бандиты, и Юрочка — он ведь такой честный и самоотверженный! — закрывает того своим телом, при этом у него нет ни бронжилета, ни пистолета, и все это случилось так неожиданно, что... что... — и сердце Машеньки замирает и проваливается в бездну от ужаса.

Наконец она не выдерживает, накидывает на себя коротенький ситцевый халатик, берет с тумбочки свой «накрученный» мобильник, подаренный ей опять же Юрочкой, сует в темноте ноги в шлепанцы и идет на кухню. Осторожно прикрыв за собой дверь, она нажимает на слово «Юра» и ждет, затаив дыхание.

— Машенька! Что случилось? — звучит его голос, и она видит улыбающееся лицо своего Юрочки, живого и невредимого, но все еще хлопает носом, не в силах вымолвить ни слова. — Господи! Да что случилось-то? — И дорогое, любимое ею лицо на экране перестает улыбаться и с тревогой смотрит на нее испуганными глазами.

— Н-ничего, — с трудом выговаривает она, вытирая кулаком слезы, и улыбка постепенно расцветает на ее лице. — Время уже вон сколько, а ты не идешь и не звонишь. И я подумала... мне показалось...

— Машенька! Радость моя! Ну разве так можно? Видишь, я еду в трамвае. Жив, здоров, только что отвез шефа домой... Я же не виноват, что самолет опоздал на целых шесть часов. Если ты каждый раз будешь выдумывать разные ужастики, то... то ты быстро состаришься. Да-да-да! За границей ученые провели исследования и доказали, что некоторые мнительные женщины через несколько лет замужества за летчиками, полицейскими, ну и там еще за кем-то, стареют на десять лет. Я совсем не хочу, чтобы ты к восемнадцати годам выглядела на тридцать.

— Я больше не буду, — продолжает Машенька хлопать носом, но уже больше от радости, что все страхи остались позади. — Я тебя очень хочу видеть. Ну, пожалуйста, Юрочка. Хоть на минуточку. Я сейчас оденусь и выйду. Хорошо?

— И даже не думай, ангел мой! — воскликнул Тепляков в испуге, представив, что пока он доедет и добежит, а Машень-

---

ка одна на улице, темные окна домов, хруст снега под чужими ногами... Бррр! — Я сейчас приеду, поднимусь на ваш этаж, и ты убедишься, что я жив и здоров. Ради бога! Не выходи из квартиры!

— Хорошо, не выйду, — улыбается Машенька счастливой улыбкой. — Я уже и так вижу, что ты жив и здоров. Но я хотя бы дотронуся до тебя. Хотя бы одним пальчиком...

— Договорились, — легко соглашается Тепляков, и все лицо его расплывается в улыбке. — И еще: я не стану к вам звонить, а чуть-чуть поскребу по двери. Ладно? А то, чего доброго, всех на ноги подниму. Все. Минут через двадцать я буду на месте.

И лицо Теплякова пропадает с экрана.

Машенька вздохнула и повернулась. И увидела маму, которая стояла в дверях и явно слышала ее разговор с Юрой.

— Ма! Ты чего не спишь?

— Ты с Юрой разговаривала?

— Да. Ты меня осуждаешь?

— Нет, доченька, не осуждаю. Но... но ты же не жена ему. И тебе всего-навсего шестнадцать лет. Нельзя же так... так вот — назойливо...

— Ма-а-ама! — воскликнула Машенька в отчаянии громким шепотом. — Мамуленька! Родная моя! Но чем же я виновата, если люблю его так, что... больше жизни? И он меня тоже, — закончила Машенька жалобным голосом. Затем подошла к маме, обняла ее и заплакала.

— Ну вот, здравствуйте! — проворчала Татьяна Андреевна, глядя рукой Машенькину головку, и глаза ее, в лучиках преждевременных морщинок, заблестели непролитыми слезами. — Плакать-то зачем? Сейчас Юра придет, а ты вся зареванная. Он небось устал... Тоже ведь ему не сладко...

— Я сейчас, — отстранилась Машенька и юркнула в ванную комнату.

Зашумела вода, стало слышно, как Машенька там плещется и сморкается, приводя себя в порядок.

— Теперь лучше? — спросила она, выходя из ванной. Лицо ее лучится неподдельной радостью и ничем не напоминает о пережитых страхах.

— Сойдет, — улыбнулась Татьяна Андреевна, успев насухо вытереть свои глаза. — Иди, встречай... Господи, хотя бы переделась! — спохватилась она. — Все-таки чужой человек. Мужчина...

— Ну и что? И так сойду! — беспечно и весело, но тем же полупшепотом возразила Машенька.

— Иди, иди! Слышишь? Уже скребется... Приглашай в гости, а я пока чай приготовлю.

Машенька открыла дверь и, едва Тепляков переступил порог, повисла у него на шее, целуя его холодное с мороза лицо.

— Машутка, простудишься, — пеняет ей Тепляков, краем глаза замечая, что на кухне горит свет, слыша, как там осторожно стучат друг о друга чашки и ложки, следовательно, там кто-то есть, и этот кто-то наверняка Татьяна Андреевна.

Татьяну Андреевну Тепляков побаивается. Было бы Машеньке восемнадцать, тогда бы совсем другое дело, тогда бы никто не стал бы его укорять, что он соблазнил или пытается соблазнить малолетку. Ему страшно представить, что кто-то возьмет и сообщит в милицию, что так, мол, и так, начнется расследование, начнут таскать к следователю Машеньку и его, еще, чего доброго, станут выяснять, было что-то между ними или нет. Все это так унижительно, так мерзко, что он иногда подумывает, не прекратить ли ему эти встречи вообще, более всего ради спокойствия Машеньки и ее родных, чем ради своего. Но стоит вообразить, что этих встреч не будет, как в голове его все перепутывается, и он уверяет себя, что со стороны их отношения должны выглядеть исключительно дружескими, хотя бы на том основании, что он когда-то служил с братом Машеньки, и что поэтому никто не может заподозрить его в преступных намерениях. Тем более что этих намерений нет и в помине.

Тепляков раздевался и разувался, когда из кухни вышла Татьяна Андреевна. Он выпрямился и, с тревогой заглядывая в ее глаза, произнес:

— Добрый вечер, Татьяна Андреевна. Извините...

Но Татьяна Андреевна не дала ему договорить.

— Не надо извиняться, Юра. Я все понимаю. Маша мне все объяснила. И я вас совсем не осуждаю. Что поделаешь, если так все получилось, — закончила она с грустной улыбкой.

Машенька кинулась ей на шею.

— Мамуленька! Родная! — шептала она, целуя лицо матери. — Ты у меня самая хорошая, самая умная! Самая понятливая!

— Ну, будет, будет, — пыталась остановить Машеньку Татьяна Андреевна. — А то Юра подумает бог знает что.

— И ничего он не подумает! Он и сам все время говорит, что нам лучше встречаться как можно реже. Но как же реже? Да я просто умру! Мы и так редко встречаемся...

Тепляков, так и не сняв один ботинок, стоял, разводя руками и пожимая плечами, давая тем самым понять Татьяне Андреевне, что он в этом не виноват, и на лице его блуждала довольно глупая улыбка. Он никак не ожидал, что его отношения с Машенькой раскроются таким неожиданным образом, и не знал, как себя вести.

— Ну что же ты, Юра? — спросила Татьяна Андреевна. — Снимай свой ботинок, иди мой руки — чай будем пить.

— Да! — подхватила Машенька. — Ты же ведь прямо с работы...

— Вообще говоря, да, — подтвердил он. — Но, честно говоря...

— Говоря-говоря! — воскликнула Машенька с радостной улыбкой. — Уже все сказано! — И тут же, всплеснув тонкими руками: — Ой, нет! А пельмени! Мамуленька! Я ведь обещала ему твои пельмени!

Они втроем сидели за столом, и Тепляков, ужасно стесняясь, ел из тарелки пельмени, обильно сдобренные сметаной.

Машенька сидела рядом и, подперев голову рукой, следила с умилением за каждым его движением.

— Ну, ладно, — поднялась Татьяна Андреевна. — Вы тут теперь сами. А я пойду спать. — И, обращаясь к дочери: — Не задерживай Юру. А то завтра в театре спать будете.

На лестничной площадке, укрыв Машеньку полами своей куртки, он целовал ее глаза, щеки, губы, чувствуя, как все сильнее дрожит ее тело.

— Ты замерзла, иди домой, — шептал он, но Машенька лишь плотнее прижималась к нему, подставляя свои губы.

— Еще! Ну, еще немножечко! Я так давно тебя не видела! — И тут же, оторвавшись, вполне деловито: — Ты, как только выплывешь, сразу же приходи к нам. Да, и не спорь! И от нас поедем в театр... А теперь еще раз! И еще! Юрочка, как мне не хочется тебя отпускать!

Утром, умывшись и особенно тщательно побрившись, Тепляков, хмурая лоб, рассматривал свой выходной костюм. Хотя единственную свою белую рубашку он надевал всего лишь два раза, воротник ее имел серовато-желтоватый оттенок. Точно так же выглядели и манжеты, будто он эту рубашку не снимал целую неделю. Да и сам костюм не отличался свежестью. Рубашку, конечно, можно постирать, но для этого придется обращаться к хозяйке, потому что у него нет ни мыла, ни стирального порошка, а он привык рассчитывать исключительно на самого себя, и любая необходимость обращаться

ся к кому бы то ни было за помощью приводила его в замешательство. С костюмом проще: его достаточно отутюжить, и здесь никаких проблем не возникнет: утюг — вон он, стоит на подоконнике. А вот что делать с рубашкой? Пока постираешь, высушишь да погладишь... А Машенька ждет, что он поспеет к завтраку.

В дверь постучали.

— Открыто, заходите, Валентина Семеновна!

Дверь приоткрылась и в нее просунулась голова молодой женщины, с коротко остриженными волосами, выкрашенными под блондинку, но уже изрядно потемневшими от корней, с помятым лицом, с темными кругами под глазами и ярко накрашенными губами.

— Можно к вам?

— Заходите, — разрешил Тепляков, догадываясь, что это и есть та самая Зинка, дочь хозяйки, о которой столь нелестно отзывался Иван, соседский мальчишка.

Она вошла, прикрыла за собой дверь. На ней, как на вешалке, висел ситцевый халат, поверх халата — клеенчатый фартук. На голые ноги ее, обвитые синими венами, смотреть было неприятно и даже стыдно.

— Здравствуй, — произнесла женщина, слегка присев, изобразив что-то вроде реверанса. — Меня зовут Зинаидой. Я здесь живу. Иногда, — поправила она. — Андрюшка — мой сын. Вы, наверное, знаете.

— Знаю, — подтвердил Тепляков, не выказывая ни интереса к молодой женщине, ни радушия.

— Какой вы... неприветливый... однако, — игриво изогнулась Зинка. — К вам все-таки женщина зашла в гости.

— Извините, Зинаида, но я очень спешу, а мне еще надо привести в порядок свой костюм. — И Тепляков кивнул на брюки, лежащие на гладильной доске.

— Да что вы! Давайте я вам их поглажу! — обрадовалась Зинаида, кинувшись к гладильной доске с таким рвением, что, зацепившись за коврик, едва не сбила и саму доску, и стоящий на ней горячий утюг. Благо Тепляков успел перехватить ее уже падающее тело на руку, Зинка вцепилась в его руку и повисла на ней, повизгивая от восторга.

Тепляков с трудом оторвал ее от себя, поставил на ноги.

— Нет-нет! Спасибо. Я уж как-нибудь сам. Так что вы извините, но я, правда, очень спешу.

— Не хотите, как хотите. Я к вам по делу, — решительно усевшись на кровать, заявила Зинка, при этом глаза ее остекленели, губы поджалась, и вместо готовности на что-то доброе, появилось что-то злое и упрямое.

— Я вас слушаю. Только покороче, пожалуйста, — говорил Тепляков, расправляя штанины брюк, сбитые Зинкой.

— Можно и короче, — согласилась она. И заявила: — Мне нужны деньги.

— Мне тоже, — равнодушно произнес Тепляков, помня наказ Валентины Семеновны, чтобы Зинаиде, если попросит, денег он не давал. «Как работать, так ее нет, а как побираться по знакомым, так она первая, — жаловалась хозяйка».

— Ты не врубился, парень, — перешла на уличный жаргон Зинка. — Я здесь прописана. Эта квартира и моя тоже. Ты даешь матери, а теперь будешь давать мне. Усек?»

— Договор я подписывал с Валентиной Семеновной, деньги за квартиру даю ей. Она, между прочим, кормит твоего сына, одевает и обувает. Ты обратилась не по адресу.

— Так не дашь?

— Нет.

— Крутой, да? Есть и покруче, — погрозились Зинка, поднялась, качнулась, пошла к двери. В дверях задержалась. — Смотри, парень, пожалеешь. Кровью плевать будешь! — вскрикнула она, выплеснув вслед за этим целый набор нецензурщины.

Тепляков продолжал отпаривать штанины, повернувшись к Зинке спиной, в то же время следя в зеркале за каждым ее движением: мало ли что придет в голову этой дурище. Но ей в голову, судя по всему, ничего больше не приходило, и она, закрыв за собой дверь, спустя несколько секунд запустила в нее чем то, судя по звуку, его же армейским ботинком.

Глава 16

Как давно Тепляков не был в театре. Он почти забыл, что театры существуют — так далеко они располагались от тех тропинок, по которым он петлял, пытаясь устроить свою жизнь.

Он шел к Яловичевым в тщательно отутюженном костюме, но в той же несвежей рубашке, надеясь, однако, что никто этого не заметит, и в то же время ему казалось, что все будут оглядываться на него и пожимать плечами, недоумевая, как он осмелился явиться в храм искусства в столь непочтительном одеянии.

Он хорошо помнил, как давным-давно мама водила его, еще школьника, в театр на оперы и оперетты, но чаще всего на симфонические концерты, которые давали заезжие музыканты, помнил, как она принаряжала его в костюмчик, тоже не очень-то шикарный, но обязательно с жилеткой, белой

рубашкой, черной бабочкой и торчащим из нагрудного кармана кончиком белого платка. И мама надевала свое самое лучшее платье; если зимой или в непогоду, новые туфли на высоком каблуке клались в черную сумочку, в раздевалке снимались сапоги или старые, повседневные туфли, и обувались эти, из сумочки.

Нельзя сказать, что он так уж любил театр и не мог без него прожить. Если он и ходил туда, то исключительно ради мамы, потому что для мамы редкие посещения театра были праздником, а еще потому, что не ходить же ей одной, если папу в театр не затащишь даже силой. Но постепенно Тепляков к театру привык, с помощью мамы стал разбираться в музыке, полюбил то, что любила мама: симфонии и концерты Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина, отдельные вещи западных композиторов, оперы, но не все, а самые-самые, то есть те, которые любила мама. А потом... потом наступило время военного училища, армии — и все стало забываться, гложуть в оглушительной пустоте назойливой, вихляющейся и дергающейся музыки и сопровождающих ее бессмысленных словосочетаний.

Основываясь на своих воспоминаниях, Тепляков полагал, что театр остался прежним: с пышными декорациями, нарядными костюмами, с оркестром, едва помещающимся в оркестровую яму, поэтому испытывал почти то же самое волнение, что и в далеком детстве, только на этот раз окрашенное счастливой улыбкой Машеньки, для которой сегодняшний вечер — почти то же самое, что выход в «свет» Наташи Ростовой..

Как Тепляков и обещал, к Яловичевым он пришел к завтраку, и, как повелось, с полным пакетом фруктов и всяких лакомств, в которых он не очень-то разбирался. Стоя перед дверью квартиры, все еще находясь под впечатлением таких разных событий вчерашнего дня и утреннего посещения его Зинкой, он не знал, как встретит его Татьяна Андреевна, и, чтобы придать себе решительности, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул и только после этого нажал кнопку звонка. Но встретили его приветливо, Машенька даже чмокнула его в краешек губ, и Дарья, смеясь, поцеловала в щеку, как будто здесь с раннего утра между обитателями этой квартиры все было оговорено и решено относительно его и Машеньки. После чего оставалось лишь поцеловать руку Татьяне Андреевне, уловить ее снисходительную улыбку и вздохнуть с облегчением.

Завтрак пролетел быстро, и все потому, что Машенька обратила внимание на манжеты его рубашки, велела ее снять,

---

дав Теплякову какую-то женскую кофту, забрала у него такой же несвежий платок и скрылась в ванной комнате. Теплякову оставалось ждать, помогая Татьяна Андреевна в передвижении платяного шкафа всего на полметра.

— Уж сколько времени мы собираемся его передвинуть, да все руки не доходят, — жаловалась она. — Сперва ждали возвращения Саши, а потом уж как-то и не до этого было.

Тепляков заметил, что о сыне она вспомнила как бы между прочим, и лишь высказавшись, умолкла и погрузилась.

Зато обед длился долго, изобиловал разнообразием блюд. При этом выпили по бокалу сухого вина, правда, ограничившись тостом «за здоровье присутствующих», но Теплякову показалось, что сегодня состоялась молчаливая помолвка его и Машеньки — так все было наполнено тайным смыслом и значением.

После обеда они с Машенькой пробовали заниматься по программе вступительных экзаменов, но настроение обоих не слишком способствовало этим занятиям. Татьяна Андреевна почти не выходила из кухни, Дарья после обеда уехала по своим делам, и Тепляков с Машенькой остались одни в большой комнате. Машенька начала что-то объяснять, сбилась, взяла его руку, прижала ладонью к своему лицу, и так сидела несколько минут, не шелохнувшись, дыша сквозь его пальцы, в то время как Тепляков целовал пальчики ее другой руки. Но вот Машенька, судорожно вздохнув, вдруг вскочила и, раскрасневшаяся, выбежала из комнаты. Тепляков, оставшись один, тупо скользил глазами по странице учебника, пытаясь понять, что он сделал не так или сказал не то, и не находил объяснения тому, что с ней происходит.

Машенька вскоре вернулась, смущенная и растерянная, и заявила, что она сегодня не в настроении, что, в конце концов, впереди у них еще много времени, что к экзаменам лучше всего готовиться месяца за два, иначе все забудется, а пока... пока она хотела бы, чтобы Юра что-нибудь спел.

И целый час он пел романсы, аккомпанируя себе на гитаре, видел, с каким удовольствием слушают его Машенька и Татьяна Андреевна, и ему уже не хотелось никуда идти из этой комнаты, наполненной сиянием Машенькиных глаз и грустной улыбкой ее мамы. Но не идти тоже было нельзя.

В областном театре давали оперетту Легара «Веселая вдова».

Тепляков и Машенька приехали на полчаса раньше, когда очереди в раздевалку должно не быть. И первое, что поразило Теплякова, это зрители. Пиджаки и галстуки встреча-

---

лись редко. Мужчины щеголяли в джинсах, свитерах, в лучшем случае под пиджаком виднелась рубашка, чаще попадались водолазки или футболки. Женщины тоже не блистали нарядами и украшениями, предпочитая брюки и теплые кофты. Былая торжественность праздника отсутствовала напрочь, и Машенька, в своем воздушном платье, с оголенными плечами и тонкими перчатками до самых локтей выглядела белой вороной. Однако Тепляков, гордо вскинув голову, вел свою спутницу так, точно они оказались на балу в Зимнем дворце лет эдак двести тому назад. На них оглядывались, женщины провожали их глазами и снисходительными улыбками.

Еще большее разочарование испытал Тепляков от самого спектакля. Декорации отсутствовали напрочь. Их заменяли развешанные там и сям воздушные шарики, иногда уже сдувшиеся, и пестрые ленты. С высоты балкона хорошо видна оркестровая яма, заполненная музыкантами едва наполовину. И тоже одетыми во что попало. Увертюра прозвучало жалко, хотя и была усилена огромными колонками динамиков. А когда на сцене появились артисты, тоже одетые бог знает во что, у Теплякова появилось желание встать и уйти. Он чувствовал себя обманутым, а более всего — обманувшим Машеньку. В довершение всего в театре было холодно, поначалу даже поднимался пар от дыхания зрителей и артистов, и Теплякову пришлось снять пиджак и накинуть его на плечи Машеньки, руки которой покрылись мурашками. Да и голоса... Бог знает, где они набрали таких безголосых.

В начале второго действия с галерки уже кричали и свистели. К третьему — зал опустел наполовину. Тепляков с Машенькой тоже не высидели до самого конца. Они, как и многие другие, встали и пошли к выходу. В раздевалке толпился народ. То и дело слышались реплики, иногда далеко не в самых изысканных выражениях.

— А что вы хотите, господа? — ораторствовал мужчина лет сорока, окруженный толпой женщин и мужчин примерно такого же возраста, явно желая привлечь к себе внимание. — Раньше искусство принадлежало народу, а сегодня — денежному мешку. Подождите, еще не то будет! — пророчествовал оратор.

Кто-то положил на плечо Теплякову руку, он дернулся, однако руку сбрасывать не стал и обернулся. Перед ним стоял, широко раздвинув губы в улыбке, Валерка Куценко.

— А я думаю: сбросишь ты мою руку или нет? — И похвалил: — Молодец, удержался.

Тепляков обрадовался искренне.

-
- Здорово, Валера! Какими судьбами?
— Такими же, какими и ты: пасу своего шефа.
— А-а! Работаете, значит?

— Работаю. А ты?

— Тоже работаю. Но не сегодня. Сегодня у меня выходной. И кто твой шеф?

— А вон тот, высокий, — кивнул головой Куценко в сторону оратора. — Депутат гордумы. Старается не упустить ни одного шанса для саморекламы. Метит в мэры. В следующем году выборы.

— Ну и как, сработались? — полюбопытствовал Тепляков.

— А чего тут срабатываться? — передернул широкими плечами Куценко. — Он делает свое дело, я свое. Он мне не мешает, я ему. И все довольны. Ну а ты как?

— Примерно то же самое, — не стал вдаваться в подробности Тепляков, искоса наблюдая за Машенькой, которая, стоя в очереди, приближалась к выдаче одежды. — Ну, ты извини, Валера. Я с дамой. Очередь подходит.

— Ну, давай, Юра! Ни пуха, как говорится.

— И тебе того же.

Они тиснули друг другу руки, и Тепляков поспешил к Машеньке.

— Кто это? — спросила Машенька, когда он помог ей туфельки сменить на зимние сапожки, а потом и надеть куртку.

— А-а! Мой коллега. Вместе курсы заканчивали. Опекает своего шефа.

— Он так смотрел на тебя, — таинственным полупшепотом произнесла Машенька. — Так смотрел, что мне показалось, что вы с ним когда-то встречались и как-то очень нехорошо.

— Пустое, мой ангел, — снисходительно улыбнулся Тепляков. — Нам с ним делить нечего. У него своя жизнь, у меня своя. А таким взглядом он смотрит на всех. Мне кажется, он слишком буквально понимает свою должность и подозревает всех, кто оказывается поблизости.

— Это так вас на курсах учили? — допытывалась она, морща свой носик.

— Учили. Но... как бы это тебе сказать? Все зависит от человека.

— А ты не подозреваешь?

— Ну, разве что одну тебя.

— В чем? — изумилась Машенька и даже слегка отодвинулась от Теплякова.

— В том, что ты меня любишь, — прошептал он, насупив брови. — И очень хочешь стать моей женой.

— Да ну тебя! — с нарочитой сердитостью шлепнула она ладошкой по его груди, и тут же стала поправлять шарф и воротник его куртки.

Вокруг одевались, шаркали подошвы, смутным гулом наполнился вестибюль, со злым ожесточением хлопали тяжелые двери, будто люди спешили покинуть театр и побыстрее очутиться на свежем воздухе.

Вечер был испорчен.

Только подходя к дому, Машенька остановилась и произнесла жалобным голоском:

— Юрочка, я на тебя совсем не сержусь. Честное слово! Я была в нашем театре всего один раз, еще когда училась в восьмом классе: нас всем классом водили на дневной сеанс. Тоже было... — Машенька не договорила, поведя рукой в пуховой варежке, будто отстраняя что-то липкое и отвратительное.

— Извини, малыш, — пробормотал Тепляков. — Я слышал нечто пренебрежительное о нынешнем театре, да и по телику как-то показывали, но мне казалось, что это случайность, причуда бездарного режиссера, потому что театр — это... это должно быть что-то высокое и чистое. Тем более — оперетта. Моя мама называла оперетту буйством красок, музыки и голосов. А тут... Впрочем, прав старик, который сидел за нами: почти во всем, что касается искусства и литературы, у нас вместе с водой выплеснули ребенка и заменили его бездушной куклой.

— Но мы же с тобой не будем этого делать? Правда? — воскликнула Машенька, заступая ему дорогу.

— Правда, мой ангел, — согласился Тепляков. — У нас с тобой все будет как надо!

Он подхватил ее на руки, закружил, они свалились в сугроб и долго выбирались из него, хохоча во все горло, наконец-то сбросив с себя нечто, прилипшее к ним в бывшем храме, где обосновался торгаш, считающий каждую копейку.

Глава 17

Тепляков возвращался на квартиру в самом радужном настроении. Бог с ним, с театром! Есть в жизни вещи поважнее. Тем более что настанет время, когда Машенька возьмет за руки их детей и поведет в этот же театр, но совсем не нынешний, и даже не прошлый, мамин, а какой-то другой, но не менее прекрасный, где ряженные люди когда-то так изображали жизнь минувших эпох, что невольно верил им, что так оно и было на самом деле. И действительно: мужчины всегда любили женщин, а женщины мужчин, всегда существовало

соперничество между теми и другими, всегда существовало благородство и подлость, честность и жульничество, и всегда в борьбе между ними рождалось нечто более совершенное и прекрасное. При этом Тепляков понимал, что это всего лишь его мечты, привитые ему в детстве и до сих пор оставшиеся с ним. Но по-другому он не мог. И не хотел.

Он шел по тропинке, снег поскрипывал у него под ногами. Кривобокая ущербная луна вставала над темной гривой лесопарка, синие тени вытягивались по серым снегам, редкие фонари пятнали ограниченные пространства желтым светом, и в этом свете мотыльками кружили редкие снежинки. Дышалось легко, будто и не дышал, а пил морозный воздух, напоенный запахами сосновой хвои.

Вдруг на тропинку из тени вышли двое и остановились, явно поджидая его, Теплякова. И ему сразу же вспомнились угрозы Зинки. Он подобрался, сделал два-три глубоких вдоха-выдоха, замедлил шаги, пытаясь оценить своих противников. Вот этот, что справа, повыше и плотнее того, что слева. Не исключено, что один из них левша. Но дракой по правилам тут явно не пахнет. Следовательно, надо рассчитывать на ножи или обрезки арматуры. Вот только гладкие подошвы его выходных туфель не приспособлены для драки, следовательно, надо будет заманить их на глубокий снег: там у них шансы примерно равны. Ну, как говорится, черт не выдаст, свинья не съест.

Двое все ближе и ближе. Осталось шагов десять, но не видно, чтобы они хоть как-то готовились к нападению: то ли очень опытные и уверенные в себе, то ли самоуверенные вахлаки.

Осталось метра четыре. Уже видно: тот, что повыше, молот, не старше тридцати; тому, что пониже, явно за сорок. Оба одеты в пятнистые куртки — в такие же, как и у самого Теплякова. И ни в лицах их, ни в фигурах ни малейшей угрозы. И тут один из них, — тот, что постарше, — шагнул навстречу и спросил:

— Гражданин Тепляков?

— Да, Тепляков.

— Старший лейтенант полиции Купцов, местный участковый. А это — лейтенант Сонечкин, из нашего райотдела. Мы вас ждем здесь уже часа два. Ваша хозяйка сказала, что вы пошли в театр. Еще она нам сообщила, что вас собираются бить. Она слыхала, как ее дочка договаривалась по телефону со своими приятелями. В подъезде вас поджидают трое. Вооружены бейсбольными битами и арматурой. Не исключена травматика. Двоих мы хорошо знаем. Имеют судимос-

---

ти, подозреваются в противоправных деяниях. Третий — личность темная, нам неизвестная. Вот мы и решили, раз такое дело, взять их с поличным. Тут, неподалеку, в машине, нашей команды ждут шестеро омонцов. Мы вас решили предупредить и, так сказать, поймать преступников на живца. Как вы, не против?

— Разумеется, нет, — ответил Тепляков, улыбаясь: его рассуждения о жизни и борьбе противоположностей, банальных самих по себе, неожиданно обрели реальность в лице этих милиционеров... то есть полицейских, продрогших на морозе, однако не оставивших начатого дела. — И как вы это себе представляете? — спросил он.

— Тут есть риск, товарищ Тепляков, — уже почти дружески продолжил Купцов. — Вам придется войти в подъезд. Один из этой троицы наблюдает в окно на лестничной площадке. Мы думаем, что как только вы появитесь, так он спустится вниз. Они нападут на вас, едва вы перешагнете порог. Вам надо как-то миновать их, а мы уж следом. Как, справитесь?

— Постараюсь. Но мне кажется, будет лучше, если выманить их из подъезда. Простору больше и очевиднее нападение...

— Хорошо бы. А сумеете?

— Постараюсь.

— Ну, тогда — что ж. Вы здесь немножко обождите. Мы сейчас часть омонцов пошлем в обход дома, другая часть встанет за углом, мы с лейтенантом пройдем за гаражами и займем позицию напротив. У вас, товарищ Тепляков, мобильник имеется?

— Имеется. Но лучше всего пусть полицейская машина подаст сигнал. Скажем, двумя короткими, одним подлиннее.

— Договорились, — обрадовался старший лейтенант Купцов. — Стало быть, ждите сигнала и идите прямо к подъезду.

Тепляков долго топтался на одном месте, размахивая руками, приседая, вращая корпусом, точно готовился к схватке на ринге. Туфли на тонкой подошве не грели, пальцы сводило от холода. К этому добавилось нервное напряжение. Вдруг захотелось курить, да так сильно — до тошноты.

Наконец вдали прозвучал сигнал: плям-плям — пля-аам!

Тепляков, по привычке, набрал в грудь побольше воздуха, резко выдохнул и зашагал к дому. За углом, прижавшись к стене, чернели две застывших фигуры амонцов. В тусклом свете луны поблескивали их каски. Еще трое присели у второго подъезда за сугробом. Серые коробки гаражей, увенчан-

---

ные метровыми снежными шапками, едва проступали среди сугробов. Полицейских, встретивших его на тропе, видно не было.

У подъезда Тепляков задержался, топоча по цементным ступенькам, будто отряхиваясь от снега. Он топтался и напевал без слов популярный мотивчик из оперетты, путаясь в мелодии и спотыкаясь, как может путаться и спотыкаться пьяный человек. Черная железная дверь излучала почти светящуюся в лучах поднявшейся луны опасность. Мысленно он старался определить, как расположатся нападающие. Скорее всего, непосредственно возле двери будет стоять всего один человек: больше не поместится. Двое других будут ждать своей очереди у почтовых ящиков. Тепляков как будто видел этого человека, замершего в напряженной позе с поднятой рукой для удара бейсбольной битой. Рука у него затекла, ноги тоже. Если, разумеется, это не какой-нибудь спортсмен, привлеченный бандой для гарантированного успеха задуманной операции: ведь наверняка Зинка поведала им, с кем придется иметь дело.

Тепляков перестал топтаться, и, продолжая напевать, набрал код электронного замка, затем потянул на себя дверь. Перед ним открылась черная щель, даже лестницы не было видно.

— Вот черт! — пробормотал Тепляков. — Темно, как у негра в заднице. Где тут у меня фонарик, мать его в лампочку! Тьфу ты черт! — продолжал бормотать он, обшаривая себя сверху донизу.

И тут что-то шевельнулось в темноте, удар ногой распахнул дверь настежь, и черная фигура вывалилась из черного проема. Взметнулась вверх рука, но Тепляков успел ее перехватить на замахе, рванул на себя и вниз, выворачивая вовнутрь, заступил левой ногой, подсел и сбросил человека со ступенек. Тотчас же из двери вывалились еще двое и кинулись на него. Тепляков увернулся от первого, нанес удар в голову, пожалев замерзшие пальцы, тыльной стороной ладони второму и отскочил в сторону, слыша, как с двух сторон часто-часто скрипит снег под ногами, и тут же в тишину морозной ночи всверлился на одной ноте хриплый крик замерзшего человека:

— Всем лежать! Руки за голову! Полиция!

Глава 18

В понедельник утром, минут за пятнадцать до восьми, Тепляков остановил машину возле семнадцатипятиэтажного дома, облепленного со всех сторон, как елка игрушками, застек-

---

ленными лоджиями и балконами. В этот дом, на одиннадцатом этаже которого проживал Мих-Мих, он и привез его из аэропорта поздним вечером, не успев ничего разглядеть как следует. Еще три таких же составляли квадрат, огороженный высоким ажурным забором из железных четырехгранных прутьев, униженных копьеобразными наконечниками. Внутри квадрата размещалось двухэтажное здание детского сада. Чтобы проехать в ворота, нужно иметь пропуск и электронный ключ. Ворота открываются автоматически, а пропуск надо предъявить охраннику.

Хотя теоретически на территорию жилого комплекса постороннему попасть невозможно, однако, выбравшись из машины, Тепляков несколько минут будто бы протирает стекла, в то же время пытаясь определить, не таится ли где-то поблизости опасность его подопечным. С двух сторон — с юга и востока — к кварталу примыкал лесопарк; на противоположной стороне переулка — с запада — стояла церковь, окруженная маленькой пестрой игрушкой, забытой в песочнице капризным ребенком, и, разумеется, не представляла никакой опасности. На севере, отступив на почтительное расстояние, теснились пятиэтажные «хрущевки», тоже ничем не грозящие обитателям элитного квартала.

Большинство машин внутри квадрата, оставшихся без места в подземном гараже, уже разъехались, отметив свое пребывание темными пятнами не заснеженного асфальта. Лишь те, которыми хозяева не пользовались в зимнее время, горбатились сугробами, обделенные вниманием дворников.

Закончив с протиркой стекол и осмотром местности, Тепляков направился к единственному подъезду, набрал шестизначный код, открыл дверь. Поздоровавшись с консьержкой, женщиной лет пятидесяти, сидящей в застекленной кабине, вызвал лифт и поднялся на пятнадцатый этаж. Отсюда он не спеша спустился по лестнице до десятого этажа, затем вернулся на одиннадцатый, и возле квартиры своих подопечных оказался ровно в восемь, то есть сделал все, что было положено делать в подобных обстоятельствах.

Вчерашнее происшествие позволило ему лечь спать лишь в третьем часу ночи: арестованных увезли в отделение, пока составляли протокол, то да се. Да и уснул он далеко не сразу. Его встретила Валентина Семеновна: охи-ахи, слезы, причитания. Просто удивительно, что она решилась на такой шаг по отношению к родной дочери.

— Может, там ее научат уму-разуму, — оправдывалась она, вытирая слезы кухонным полотенцем. — А то ведь до чего

дошла: матери угрожать расправой. А ребенок? Ему какво придется? И в кого она только уродилась? — всхлипывала Валентина Семеновна в своем неутешном горе.

Пришлось успокаивать. Так что на сон оставалось всего часа два.

Лидия Максимовна из квартиры вышла одна. Увидев Теплякова, мило улыбнулась, протянула руку.

— Доброе утро, Юра. Как провели уик-энд?

— Спасибо, хорошо, — ответил Тепляков, осторожно пожав кончики ее пальцев. И тут же нажал кнопку вызова лифта.

— Говорят, вы вчера были в театре?

— Был, — ответил Тепляков, скрыв свое удивление. Однако не удержался и спросил: — Вы тоже там были?

— Нет, я не поклонница театра. Тем более нашего. Там была Ольга Петровна. Она вас видела с юной дамой...

— Странно, но я Ольгу Петровну не заметил.

— Ничего удивительного: вы были слишком увлечены. Кстати, Ольга Петровна высоко оценила вашу спутницу, — загадочно улыбнулась Лидия Максимовна и даже слегка закатила глаза.

Тепляков смутился, однако не стал уточнять, что скрывалось под «высокой оценкой».

В лифте ехали молча. Тепляков не знал, о чем говорить, а Лидия Максимовна, войдя в лифт, открыла сумочку и принялась там что-то искать, хмуря брови и на мгновения замирая. Закрыв сумочку, так и не найдя искомого, она будто бы успокоилась, но разговор не возобновила. Выйдя из подъезда, они молча проследовали к машине.

Тепляков открыл заднюю дверцу, жестом приглашая свою хозяйку на заднее сидение.

— Нет-нет! Я поеду рядом с вами! — запротестовала Лидия Максимовна, сама открыла переднюю дверцу и заняла место рядом с водительским.

Тепляков, обойдя машину, занял свое. Запустив двигатель и, в ожидании, пока тот прогреется, заговорил, глядя прямо перед собой:

— Честно говоря, Лидия Максимовна, мне неловко напоминать вам, но вы — если следовать инструкции! — должны сидеть сзади.

— Почему? — искренне удивилась она.

— Разве вам мой предшественник ничего не объяснял?

— Н-не помню. Может быть, и объяснял, но не мне, а моему мужу. Он в основном ездил с ним.

Тепляков стронул машину и медленно повел ее к воротам. — Значит, и ему не объяснял тоже: вчера Михал Михалыч уселся рядом со мной. Дело в том, Лидия Максимовна, — продолжил он, — что в случае непредвиденных обстоятельств вы располагаете двумя выходами для покидания машины. Даже тремя, если иметь в виду багажник.

— А-а, вот как! Извините, Юра, я не знала. Да и, честно говоря, привыкла сидеть за рулем и следить за дорогой. Что касается Михал Михалыча, то он дня два-три будет отдыхать после поездки, писать отчет. Вот он-то как раз и любит ездить сзади. — И добавила после паузы: — Уверяет, что вы с ним повздорили.

— Я? С ним? Или он со мной? Если он будет продолжать по отношению ко мне вести себя по-хамски, я вынужден буду отказаться от места.

— Успокойтесь, Юра, — дотронулась она рукой до его плеча. — Человек он не такой уж плохой, но если выпьет, то с ним лучше не связываться. Что делать? Мне самой не сладко от его выходок.

Тепляков глянул в зеркало над своей головой.

Лидия Максимовна сидела нахохлившись, уткнув подбородок в мех чернобурки. Он представил ее в квартире наедине с Мих-Михом, и ему почему-то стало жаль эту женщину.

«Неужели она с ним исключительно ради денег? — подумал он. И с улыбкой вспомнил Машеньку: ей даже в голову не пришло спросить у него, сколько он будет получать за свою работу. — Наверное, потому, что еще не повзрослела», — подумал он свою мысль, остановившись перед светофором.

Весь день Тепляков возил свою хозяйку по «точкам». Точками были супермаркеты, обычные магазины и склады, принадлежащие фирме «Кедр». Как правило, они подъезжали к служебному входу, Лидия Максимовна, не дожидаясь Теплякова, сама открывала дверцу и выбиралась наружу, Тепляков оставлял машину на попечение охранника, а сам следовал чуть сзади своей подопечной. При этом Лидия Максимовна пренебрегала всеми правилами безопасности, и Тепляков едва поспевал за ее стремительной походкой, не имея возможности осмотреться и толком определить, откуда опасность ей может грозить.

Однако он довольно быстро приноровился к самым неожиданным положениям, в которых они оказывались. Во-первых, служебные входы-выходы не везде охранялись, следовательно, машину оставлять было не на кого, что само по себе таило всякие неожиданности. Отсюда вывод: предупре-

---

дить хозяйку, чтобы кто-то из охраны «точки» их встречал. Во-вторых, служебные помещения зачастую ютились в таких дырах, загроможденных ящиками, поддонами и контейнерами, что из-за любого угла можно и выстрелить, и ударить, и всадить нож. В таких случаях Тепляков пытался идти впереди, но всякий раз Лидия Максимовна раздраженным голосом отсылала его назад. Приходилось ему понервничать и в тех случаях, когда хозяйка скрывалась за дверью какого-нибудь кабинета, велела ему ждать, и не появлялась иногда по часу и более. А дважды появлялась совсем с другой стороны, и где-то пропадала все это время, пока Тепляков томился неизвестностью. Следовательно, и в этих случаях он должен предупредить хозяйку о возможных последствиях.

К счастью, все обошлось. Однако Тепляков твердо решил выбрать время, чтобы поговорить с Лидией Максимовной и преподать ей уроки безопасности. Иначе получается, что он сидит и охраняет очередную дверь, за которой никого нет. Тогда зачем он нужен? А если что-то случится, — не дай бог, конечно, — как он будет объяснять свое бездействие?

В то же время он на своем электронном «планшетнике» отмечал все: и время прибытия на ту или иную «точку», и время убытия, и адрес, и обстановку, и могущие возникнуть неожиданности, и даже возможные пути отхода. А еще фотографировал. Цифровой фотоаппарат его был не из лучших, зато умещался в ладони и мог работать без подзарядки длительное время.

Теперь Лидия Максимовна сидела сзади. Тепляков видел ее лицо в зеркало: спокойное, бесстрастное, без тени усталости, обрамленное густыми черными волосами. За минувшие полдня на этом лице ни разу не отразились ни ее мысли, ни ее чувства, словно на всех «точках» все шло как нельзя лучше. Может, так оно и было — откуда ему знать? Зато он знал наверняка, что так не бывает. Следовательно? Следовательно, выдержка у этой бабы — позавидуешь. Или все наоборот: дело, которым она занимается, не ее собственное, она лишь фиксирует ту или иную ситуацию, докладывает об этом Мих-Миху, а уж тот... Впрочем, ему-то, Теплякову, что до того, хорошо у них идут дела или плохо! Он знает одно — в магазинах постоянно все дорожает, и не только потому, что где-то там, где оказывается влияние на мировую экономику, что-то начинает идти не так. Алчность — вот что правит этой экономикой. И тем же Мих-Михом. Хотя, разумеется, если заглянуть поглубже с точки зрения его профессии, то получается: чем больше он, Тепляков, знает о делах фирмы «Кедр», тем

легче ему ориентироваться и предугадывать возможные повороты в ту или иную сторону. Впрочем, не все сразу, он еще узнает.

Покинув очередную «точку» ровно в половине второго, Тепляков вел машину по проспекту Свободы, когда Лидия Максимовна связалась с кем-то по мобильнику.

— Анютик! Привет!.. Да ты что? Серьезно?.. Поздравляю!.. Ну, тогда я к тебе заеду... минут через пятнадцать... На двоих... Нет-нет, как всегда: у меня еще куча дел. До встречи.

Без четверти два они подъехали к заднему входу кафе «Белая куропатка». Тепляков несколько раз посещал это не очень дорогое кафе, во время практики здесь же отработывали кое-какие нестандартные ситуации. Более того, он дважды бывал здесь с Машенькой, поэтому ориентировался в нем, как у себя дома. И хозяйку этого кафе, Анну Иосифовну Теткину, знал. И она его тоже.

— Юра, — заговорила Лидия Максимовна как о чем-то решенном, едва Тепляков поставил машину в загородку, где стояло еще несколько машин, и выключил зажигание. — Вы наверняка проголодались. Я — так просто падаю от голода. Сейчас нас покормят, потом мы с вами поедem в банк, из банка — в наш офис, из офиса — домой.

Теплякову оставалось лишь пожать плечами.

Они прошли через служебный ход, поднялись на второй этаж по знакомой Теплякову узкой железной лестнице. На этой лестнице во время одной из тренировок он «брал киллера» и чуть не свалился вниз от удара ногой в плечо, удержался за перила одной рукой, другой успев захватить ногу. Обои повезло: отделались ссадинами и ушибами.

На этот раз он шел впереди: лестница все-таки.

На втором этаже отдельные номера. На двоих и более. На двоих — обычно с диваном. Для чего нужен в кафе диван, догадаться нетрудно.

Здесь их встретила хозяйка кафе Анна Теткина, полная женщина лет сорока пяти, с короткой стрижкой под мальчишку. О ней поговаривали, что в молодости занималась дзю-до, была членом банды рэкетиров, банду в начале двухтысячных прихлопнули, Теткиной как-то удалось вывернуться и вполне легально и без всяких нравственных издержек уйти в бизнес. Баба властная, не терпящая возражений, она за последние десять лет сменила нескольких мужей: ни один из них не вынес ее диктата, внешне продолжала жить легко, деньгами не сорила и, по слухам, имела счета со многими нулями.

— Анютик! — воскликнула Лидия Максимовна с непритворной радостью. — Ты по-прежнему цветешь и пахнешь!

Дамы сблизились, обнялись и облобызались.

Затем Лидия Максимовна, обернувшись к Теплякову, представила его:

— Знакомься, Анютик: наш новый телохранитель, Юрий Тепляков.

— Ну-у, Лидик, кого-кого, а Юрика я знаю! Они тут у меня несколько раз устраивали такой погром, какой не устраивают в ином боевике. — И, широко улыбнувшись: — Славный мальчик, не правда ли? То-то же, я смотрю, ты тоже цветешь и пахнешь, — хохотнула Теткина.

— Славный-то славный, но при этом службист до мозга костей.

— А тебе, радость моя, только такой и нужен. Иначе твой Мих-Мих оторвет ему голову, — закончила она сквозь смех.

И обе дамы залились хохотом, глядя на смущенного Теплякова.

Хотя не было в их смехе ничего обидного, он не мог понять, что же они нашли в этом смешного. Только потом, значительно позже, догадался, что они на минутку сбросили с себя постоянное напряжение, которое давило их женскую сущность, позволив себе разрядку по такому вроде бы пустяку.

Их смех оборвался так же неожиданно, как и возник. И так же неожиданно они потеряли к нему всякий интерес. Зато Тепляков старался не пропустить ни одного слова, ни одного жеста. Если права пословица: «Назови мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», то Лидия Максимовна — та еще штучка, и с ней надо держать ухо востро.

Теткина, между тем, провела своих гостей в номер на двоих, в котором на столе уже стояли закуски, минеральная вода, под скатеркой таилось что-то еще.

— Ну, не буду вам мешать, — задержалась она на пороге. — Вы тут сами разберетесь, а у меня дела. Как-нибудь в другой раз и я с вами потрапезничаю. А пока — приятного аппетита.

И, ущипнув Теплякова за бок и подтолкнув к столу, закрыла за собой дверь.

Тепляков помог хозяйке снять шубку. Она поблагодарила его кивком головы и тут же скрылась за занавеской, где можно помыть руки и привести себя в порядок. Не было ее минут пятнадцать. Тепляков терпеливо ждал.

Лидия Максимовна вышла будто помолодевшей лет на десять, в белой полупрозрачной блузке с короткими рукавами, с глубоким вырезом, обрамленным кружевами, в кото-

---

ром, словно на подносе, лежали ее полуобнаженные груди, глубокая ложбинка между ними уходила куда-то вниз, тревожа воображение, и Тепляков почувствовал, как все его тело обдало жаром.

Он сорвался с места и скрылся за занавеской. Мыслей не было. В голове металось что-то неопределенное. В то же время он был уверен, что хозяйка не просто так привезла его сюда, что в ее преображении виден явный призыв к близости. И странно, что не он сам, не его сознание, а нечто животное откликнулось в нем на этот призыв. А как же Машенька? Что скажет он ей? Сможет ли он после всего, даже если оно не случится, произносить самые заветные слова и при этом спокойно смотреть в ее доверчивые, любящие глаза?.. Нет, мадам, не на того напали. Смутить меня, конечно, можно, но дальше... дальше ищите кого-нибудь другого. К тому же существует неписанный закон чести, который требует от телохранителя держаться в рамках своих обязанностей и не переступать «красную черту».

С другой стороны — почти два года до совершеннолетия Машеньки целовать ее и не сметь позволить себе ничего более — это ли не попытка? Он и так еле сдерживает себя под давлением ее безотчетного стремления ко все более откровенным ласкам. А может быть, и не столь уж безотчетным. Где-то он читал, — кажется, в Евангелие, — что Христос в пустыне питался одними акридами и в то же время подвергался осаде целых полчищ соблазнительниц. Так то Христос, если он существовал на самом деле и совершал все то, что ему приписывают. Тем более что у него была цель, пусть наивная, но вполне в соответствии с тогдашними представлениями об окружающем мире. Да и кто знает, сумел ли он действительно удержаться от соблазнов? Верующим нужна его святость, а был ли он святым на самом деле, не знает никто.

Теплякову хватило пяти минут, чтобы холодной водой погасить в себе жар, вызванный откровенным видом своей хозяйки. Но лицо его продолжало гореть, а мысли бились в голове, не находя выхода, разбиваясь о черную скалу вспыхнувшей в нем похоти. И ни при чем тут ни Христос, ни кто-то другой. Как говорила мама, если с человеком что-то случилось нехорошее, искать причину случившегося надо только в себе самом.

Растерев жестким вафельным полотенцем лицо до еще большей красноты, вполне успокоившись, Тепляков вернулся к столу.

Лидия Максимовна разливала по тарелкам суп.

Усевшись напротив, он поблагодарил ее и принялся за салат оливье, стараясь не отрывать взгляда от своей тарелки.

Странно, но Лидия Максимовна даже не пыталась втянуть его в разговор и казалась глубоко погруженной в свои мысли. А он, совсем забыв о желании поговорить с ней о некоторых правилах безопасности, чувствовал разочарование: ему хотелось дать ей отпор и раз и навсегда установить в отношениях между ними непреходимые границы.

Тепляков ел, почти не чувствуя вкуса и насыщения, а когда все-таки глянул на свою хозяйку, то успел перехватить усмешку на ее влажных губах, заметил, что грудь ее прикрыта пуховым платком, и решил, что она просто-напросто играет с ним, как кошка с мышью, может быть, проверяя его на вшивость. Он и сам не против игр, но в них тоже должны существовать правила и границы,

Они поели и молча покинули кафе. Дальше все шло по плану: банк, офис. День промелькнул — и ничего не случилось.

Тепляков отвез хозяйку туда, откуда ее взял. Прощание было сухим, официальным. Он явно ее разочаровал. Можно было бы торжествовать, но ничего, кроме растерянности, он не испытывал.

Почти один к одному повторилось и на другой день, и на третий. Однообразие не столько утомляло, сколько навевало скуку. А главное — он за эти дни ни разу не встретился с Машенькой. Разве что во сне. А завтра... завтра ему возить Мих-Миха. Как Тепляков ни старался отнестись к этой перемене спокойно, удавалось это с большим трудом. Ладно, что будет, то и будет, решил он. Главное — держать дистанцию.

Глава 19

Очередной рабочий день закончился раньше обычного. На этот раз Тепляков остановил машину у знакомого дома на улице Дворянской, молча недоумевая, почему хозяйка велела ехать сюда, а не на бульвар Свободы.

Вдоль тротуара теснились машины вернувшихся с работы хозяев. Тепляков всегда останавливался напротив второго подъезда. На этот раз место было занято внедорожником, засыпанным снегом, с тонированными стеклами и заляпанным задним номером. Почти все машины походили одна на другую, но тот факт, что на заднем стекле внедорожника чернел полукруг, очищенный дворником, и очищенный совсем недавно, вызвал у него смутное подозрение. Ни один уважающий себя хозяин не станет этого делать: он обязательно возьмет щетку и очистит все стекло. К тому же, судя по следу, оставленному колесами, и скопившемуся снегу на крыше,

---

машина стоит на этом месте давно. И даже очень. Может быть, со вчерашнего вечера. Более того, несмотря на тонированность, на просвет виднелась часть силуэта сидящего в машине человека. Конечно, это мог быть силуэт чего угодно, напоминающий человека, но все вместе вызвало у Теплякова тревогу. Только поэтому он не стал приближаться к подозрительной машине, остановившись метрах в тридцати на противоположной стороне проезда.

Выключив зажигание, он повернулся лицом к хозяйке.

— Лидия Максимовна, я вас прошу выходить через левую дверь.

— Почему? — удивилась она.

— Что-то мне вон та машина, что напротив вашего подъезда, очень не нравится.

— Да полноте, Юра! — воскликнула она, подвигаясь к правой двери. — Это же смешно — в каждой машине видеть нечто подозрительное.

— Я вас убедительно прошу не выходить с той стороны, — сквозь зубы процедил он. — Даже если я и ошибаюсь. Лучше ошибиться, чем подставлять свои головы под пули.

— Господи, Юра! Это уже похоже на паранойю. Вот уж не ожидала от вас! Какие пули? Я понимаю: бдительность и все такое прочее, но не до такой же степени! И еще должна вам сказать, что у меня нет врагов, которые пожелали бы моей смерти. Я всего лишь исполнительница воли моего мужа. Именно ему и нужен телохранитель. Ему не раз угрожали, однажды под днище машины подложили мину, и лишь чистая случайность спасла его от гибели. Так что, мой юный рыцарь, нет смысла так напрягаться.

— Пусть даже так, — не уступал Тепляков. — Но что вам стоит выйти не в правую, а в левую дверь? И только после меня? Доставьте мне такое удовольствие. Если ничего не случится, мы с вами вместе посмеемся над моей шизофренией.

— Хорошо. Пусть будет по-вашему, — согласилась она с ноткой признания. Спросила: — С какой ноги мне вылезать из машины? С правой или с левой?

— С какой удобнее, сударыня.

В это время в полукруге заднего стекла внедорожника промелькнуло что-то светлое, как будто кто-то одним движением протер стекло.

Тепляков, открыв дверцу, рывком покинул машину чуть раньше своей подопечной, держа в поле зрения подозрительную машину и в то же время следя за выбирающейся из машины Лидией Максимовной. В это мгновение он уловил, как в странной машине быстро опускается стекло на задней две-

---

ри. Еще как следует не оценив обстановки, он кинулся к Ковровой, уже шагнувшей наружу, но еще не успевшей выпрямиться во весь рост, рванул ее руку вниз и на себя, как из темной щели вдруг запульсировали огоньки выстрелов. Мелькнул испуганный и одновременно яростный взгляд Лидии Максимовны, и только после этого в уши Теплякова ворвались и выстрелы из «калаша», и ее вскрик, и характерный звон крошащегося лобового стекла, и не менее характерные звуки, производимые пулями, вонзающимися в металл кузова.

Падая сверху на Лидию Максимовну, он заученным движением вырвал из-за пазухи пистолет, оттолкнулся левой рукой от плотного снега, вывернулся и, едва разглядев своего врага сквозь разбитое дверное стекло, вскинул руку и выстрелил трижды в направлении машины.

Тотчас же там взревел мотор. Машина, взвизгнув на наледи задними колесами, рванула вперед. Тепляков, вскочив, успел послать ей вслед еще две пули. И лишь тогда почувствовал все нарастающее жжение в левом боку, легкое головокружение и тошноту. Ноги вдруг ослабли, и он увидел будто со стороны, как медленно опускается на снег его тело, скользя спиной по раскрытой двери, как поднимается с четверенок Лидия Максимовна, но увидел сквозь обволакивающий его туман. Прошло какое-то время, из тумана выплыло испуганное лицо, несколько раз беззвучно открылся ярко-красный рот, затем над ним склонились другие широкие женские лица, их синие халаты охватывали узкое пространство, в котором метались какие-то тени. Его о чем-то спрашивали, но до его сознания не доходил смысл этих вопросов. Потом его подняли, потревожив рану, острая боль охватила все тело, над головой проплыл белый потолок «Скорой», и черный туман поглотил его окончательно.

— Вам очень повезло, молодой человек, — говорил пожилой доктор в голубом халате и голубой же шапочке, возвышаясь над Тепляковым. — Пуля, судя по всему, срикошетила и плашмя ударила в ваше ребро... как раз напротив сердца. При этом почти переломила ребро пополам. Да так там и застряла. Ребро мы скрепили шиной, рану зашили. У вас был сильный болевой шок. Иногда в таких случаях останавливается сердце: ему ведь тоже больно... Вот ваша пуля. На память. Я думаю, следствию она не понадобится: у него и без нее этих пуль хватает. — И доктор протянул Теплякову кусочек сплющенного металла.

— Спасибо, доктор, — поблагодарил Тепляков, разделяя слова на слоги, стараясь дышать ровно и не слишком глубоко, чтобы не тревожить рану.

— Я смотрю, на вашем теле и без того хватает боевых шрамов... Служили? — спросил доктор, проследив, как Тепляков осторожно засовывает пулю под подушку.

— Служил.

— Оно и заметно. Я тоже служил. Таких, как вы, в Афгане и Чечне прошло через мои руки сотни. Поправляйтесь. Если не будет никаких осложнений, мы вас выпишем дня через три-четыре. Долечиваться будете дома. Есть кому за вами присмотреть?

— Найдется. Спасибо, доктор. Давно я здесь?

— Со вчерашнего вечера. Без малого пятнадцать часов.

— Мне никто не звонил?

— Не знаю, не знаю, голубчик. Это не по моей части. Если у вас был мобильник, то его забрала милиция. То есть, простите, полиция. — И проворчал с презрительной усмешкой: — Некоторым господам кажется, что от перемены мест слагаемых сумма непременно должна измениться в сторону увеличения. Кстати, под дверью давно сидит следователь, ждет, когда вы очнетесь. Сможете с ним поговорить?

— Пожалуй. Только вряд ли я буду ему полезен.

— Ну, это уж вы сами, голубчик. Так я его к вам пушу, если не возражаете?

— Пускайте.

Доктор вышел, а через пару минут в палату вошел человек лет пятидесяти, с лицом, изрезанным глубокими морщинами. Он не спеша приблизился к койке, на которой лежал Тепляков, остановился, внимательно посмотрел в его глаза.

— Здравствуйте, Юрий Николаевич. Я старший следователь по особо важным делам Владимир Харитонович Гуменников. Вот мои документы.

Тепляков протянул руку, и Гуменников вложил в нее красные «корочки», предварительно их раскрыв. На курсах «Кристалла» курсантов знакомили с различными документами, учили отличать поддельные от настоящих, при этом оговариваясь, что иногда поддельные выглядят убедительнее неподдельных, изобличить которые могут лишь эксперты.

Тепляков вернул «корочки».

— Я к вашим услугам.

Следователь сел на табуретку, раскрыл коричневую папку, достал шариковую ручку.

— Итак, начнем с самого начала.

С самого начала шли обычные данные: ФИО, что, где, когда и откуда. Записав, Гуменников закрыл папку.

— А теперь рассказывайте.

— Что именно?

— Кто стрелял? Во сколько это случилось? Короче говоря, все подробности происшествия.

Тепляков, морща лоб, начал рассказывать, как он подъехал, что увидел, почему возникли подозрения, как покидали машину и когда начали стрелять.

Гуменников кивал головой, как будто ему уже все было известно и он лишь хочет поймать Теплякова на лжи.

— Вот, собственно, и все, — заключил Тепляков свой рассказ. — Я думаю, другие, а там были люди, видели больше.

— Где были люди?

— У подъезда.

— И вы при этом стали стрелять в сторону машины. А фактически — в сторону подъезда.

— Да. Стал стрелять в сторону машины. Но не в сторону подъезда. Потому что на линии огня не было никого. Да и те, кто стоял у подъезда, шарахнулись в подъезд при первых же выстрелах.

— И много было выстрелов?

— Не считал. Не до того было. Но думаю, половину рожка он выпустил. Ведь вы же осматривали машину. Небось и посчитали.

— Итак, вы поднялись и, не видя машины, открыли стрельбу. Знаете, как это называется?

— Во-первых, я видел, куда стреляю, — цедил сквозь зубы Тепляков. — Во-вторых,.. — Он приподнялся на локте, чувствуя, как им начинает овладевать бешенство. — Во-вторых, вы, собственно, зачем сюда пришли? Чтобы найти преступников или обличить меня в преступлении? Если последнее, то... Я вам больше не скажу ни слова без адвоката.

— Ну, зачем же так нервничать, Юрий Николаевич? — сбавил тон Гуменников, кривя узкие губы в густой сети морщин. — Разумеется, первое. Но и второе тоже никуда не денешь.

Тепляков откинулся на подушки, поморщился от боли в ребре.

— Я вам сказал все. Больше мне добавить нечего.

— Почему же? Мне, например, хочется знать о ваших отношениях с госпожой Ковровой.

— Наши отношения находились в строгих рамках служебных инструкций, — отрезал Тепляков.

— Возможно, возможно. Но у меня имеются другие данные...

— Плевать мне на ваши данные, господин Гуменников. И вообще — валите отсюда. Без адвоката я не произнесу больше ни слова.

— Зря грубите, Тепляков. Это может вам дорого обойтись. У меня к вам последний вопрос: каковы отношения между госпожой Ковровой и ее гражданским мужем, Михаилом Михайловичем Укутским?

— Спросите у них, господин... как там вас?

— Сожалею, но придется вызывать вас в следственный комитет, — произнес Гуменников, поднимаясь. — До скорой встречи.

— Пошел ты... — скорее подумал, чем произнес Тепляков, кусая нижнюю губу и от боли, и от досады, что не сдержался.

Едва закрылась дверь за следователем, как в палату стремительно вошла Лидия Максимовна, держа в руке плетеную из ивовых прутьев корзинку с фруктами. Поставив корзинку на пол возле тумбочки, она вдруг опустилась на колени перед кроватью, приблизила лицо к лицу Теплякова. По ее щекам текли слезы, смывая с ресниц черную краску.

Такой он не ожидал увидеть свою хозяйку.

— Юра! Юрочка! — заговорила она придушенным голосом. — Прости меня, глупую бабу! Ради... — она всхлипнула и продолжила: — Ради господ бога и всех святых! Поверь мне на слово: я и представить не могла, что именно на меня совершат покушение! Я следователю так и сказала.

— Да что вы, Лидия Максимовна! У меня к вам никаких претензий! Честное слово! — воскликнул потрясенный Тепляков. — Да встаньте же вы! Вот табуретка... Я сам виноват: все собирался вам сказать, как вы должны себя вести в подобных случаях. Вот и дособирался... на свою же голову. А вы как?

— Да что я? — отмахнулась она рукой, тяжело поднялась с колен и села на табуретку, вытирая глаза надушенным платочком. — Я и сейчас думаю, что они охотились на Михал Михалыча, а не на меня. У тебя-то следователь о чем спрашивал?

— Я рассказал ему, как все было... глядя со своей колокольни, разумеется. — Тепляков судорожно вздохнул и поморщился от боли. — А его больше всего интересовало, как смел я стрелять в сторону машины, когда неподалеку были люди? Я сказал ему, что без адвоката рта не раскрою.

— Тебе больно? — забеспокоилась Лидия Максимовна. — Позвать доктора?

— Не надо. Так, ничего особенного.

— Он и меня расспрашивал о стрельбе, — сообщила Лидия Максимовна. — А что я могла видеть? Только снег у себя

под носом. — Она посмотрела на испачканный губной помадой и краской для ресниц платок, убрала его в сумку. — Адвоката тебе я уже наняла. Одного из лучших в городе. Он придет сегодня сюда во второй половине дня. Они забрали твой и мой мобильники, чтобы списать последние разговоры, — торопилась она сообщить Теплякову самое важное. — Я принесла тебе другой мобильник... Боже, у тебя кровь! — вскочила она и кинулась к двери.

Тепляков откинулся на подушку и улыбнулся: странно, как все поменялось в самой хозяйке. Как вообще все изменилось вокруг него. — И тут же его кольнуло: — А как же Машенька? Что с нею? Знает она о его ранении или нет?

В палату быстро вошел знакомый доктор. За ним проскользнула Лидия Максимовна и замерла у двери,

— Ну-тес, что тут у вас произошло? — спросил он, откидывая одеяло. — Что же вы, батенька мой, так неосторожно себя ведете? Этак я запрещу к вам пускать кого бы то ни было.

— Извините, доктор. Просто я по старой привычке очень сильно вдохнул воздух. Душно тут... Вот и...

— Вам надо быть предельно осторожным, молодой человек. Ваши привычки хороши для здорового человека. А вы в некотором роде — на положении инвалида.

— Я уже учел это, доктор. Буду вести себя тише воды, ниже травы.

Бросая косые взгляды в сторону хозяйки и видя ее терпеливо-покорную позу, Тепляков, пока ему делали перевязку, вдруг вспомнил, что еще вчера заметил машину, которая весь день то и дело мелькала в зеркале заднего вида. Может быть, и не одна и та же, но уж точно — одной и той же марки. Он не стал проверять свое подозрение, да и времени на это не было. Тем более что хозяйка вряд ли согласилась бы на такую проверку. А главное — номера: прочесть их было совершенно невозможно. Пожалуй, надо было сказать об этом следователю. Хотя — это всего лишь его домыслы... Но следовательно... Что еще было странного в его вопросах? Отношения между Мих-Михом и женой? Пожалуй. Но почему он задал этот вопрос именно ему, Теплякову? Ведь он не может не знать, что тот всего лишь неделю исполняет свои обязанности. Когда бы он успел заметить что-либо в этих отношениях? Но, видимо, что-то между ними неладно, если он задал такой вопрос... И наконец, не стоило возмущаться по поводу этих вопросов, не раскинув мозгами. «Дурак ты, Юрка, — пригвоздил он себя к позорному столбу. — Пора бы научиться прежде думать, а потом уж размахивать кулаками».

Лидия Максимовна сидела на табурете, плотно сведя колени, и с болезненным состраданием смотрела на Теплякова. Былая решительность и уверенность в себе явно ее покинули.

— Юра, если ты хочешь еще что-то мне сказать, то говори сейчас. Потому что я не знаю, как все сложится дальше, удастся ли нам с тобой поговорить без свидетелей, — произнесла она громким шепотом.

— Нас подслушивают? — спросил Тепляков, и тоже очень тихо.

— Все может быть, Юрочка. Все может быть.

— Он спрашивал, какие отношения между вами и Михал Михалычем. Меня этот вопрос возмутил. Хотя, по здравому рассуждению, он теперь не кажется мне таким уж странным. Что еще? Пожалуй, все. Это что касается вопросов следователя. Но есть еще один штрих в этой истории, за подлинность которого я, к сожалению, поручиться не могу. Похоже, со вчерашнего дня нас все время преследовала одна и та же машина. Не знаю, почему именно со вчерашнего дня у меня возникло это подозрение. Но если бы оно не возникло, я бы, скорее всего, не обратил внимания и на машину у подъезда.

— Вот как! — удивилась Лидия Максимовна. — Кстати... а может, и не совсем кстати: сегодня утром нашли эту машину, из которой стреляли. Нашли в какой-то подворотне. А в ней два трупа. Об этом с самого утра сообщают по телику. Пока следователи молчат. Предположительно, один из них стрелок, а второй сидел справа от водителя. Еще неизвестны результаты вскрытия. Не исключено, что одного из них то ли убил, то ли ранил ты...

— Этого не может быть! — перебил Лидию Максимовну Тепляков. — Пистолетная пуля не может пробить даже стекло машины. Тем более на таком расстоянии...

Лидия Максимовна, пожав плечами, потеряла лоб двумя пальцами. Пожаловалась:

— Все время о чем-то забываю. О чем-то важном. Да, вот еще. Рассадов должен сюда подъехать. Я разговаривала с ним. Зачем я ему звонила? Не знаю. Скорее всего, потому, что не с кем было посоветоваться. Что еще? Ах, да! Страховку тебе заплатят. Со своей стороны я сделаю все, чтобы после выписки из госпиталя у тебя были нормальные условия для выздоровления. О деньгах не беспокойся...

В дверь простучали.

— Это, наверное, Илья Константинович, — предположила Лидия Максимовна. И откликнулась на стук: — Да! Входите!

В приоткрытую дверь заглянуло настороженное лицо Рассадова.

— Входите, Илья Константинович, — пригласила она. — Не бойтесь!

Рассадов переступил порог.

— Шутить изволите, сударыня!

— Больше ничего не остается.

— Еле-еле добился разрешения на посещение, — широко улыбнулся Рассадов. Подошел к койке, протянул руку Теплякову. — Ну, здравствуй, герой! О тебе весь город жужжит, на самом деле, как потревоженное осиное гнездо. Уж и не знаю, к добру это на самом деле или к худу. — Склонился к руке Лидии Максимовны, тронул ее губами, затем протянул Теплякову газету. — Вот, читай — на первой полосе: «Кто стоит за выстрелами на Дворянской улице!» Сам-то ты, Юра, что думаешь по этому поводу?

— Еще не успел подумать, — ответил Тепляков с виноватой улыбкой. — Да и что я знаю? Практически — ничего. В нас стреляли, я стрелял в них. Вот и все. А почему стреляли, аллах их знает.

— Обычная история, — отмахнулся Рассадов. — Но я, на всякий случай, привез с собой парочку своих парней и посадил около твоей двери... Знаю, знаю! — воскликнул он, усаживаясь на другой табурет. — Знаю, что охотились не на тебя. Что из «макарыча» стрелять по машине — пустое дело. Но мстить за трупы на самом деле могут и тебе. Поговаривают о кавказском следе. А там, как известно, все еще живут по законам Средних веков. Так что от греха подальше. Буду уходить, покажу тебе ребят, чтобы знал, кому доверена твоя жизнь.

— Спасибо, конечно, но... Впрочем, вам виднее, Илья Константинович.

— Именно! Именно, что виднее. — Рассадов, хлопнув ладонями по коленям, поднялся. — Ну, будь здоров, Юра! Дела. Как-нибудь загляну еще.

Пожав Теплякову руку, пошел к двери, открыл ее, и тут же в палату вошли два плечистых парня. Остановились, с любопытством разглядывая Теплякова и Лидию Максимовну.

— Вот они и будут тебя охранять, — сказал Рассадов и представил каждого: — Вот этого зовут Петром, а этого, что пониже, Леонидом. Ребята надежные, поэтому, Юра, можешь спать спокойно.

— А я тебе цветы принесла, а меня с ними не пустили, — пожаловалась Лидия Максимовна, когда дверь закрылась. — Но — что поделаешь... Как-нибудь переживем. Поправляй-

---

ся, Юра. У меня, как всегда, дела. От них не убежишь. Знал бы ты, как мне все это надоело.

Она склонилась над ним, поцеловала в лоб, пошла к двери неуверенной, тяжелой походкой. Тепляков проводил ее растерянным взглядом: женщина, казавшаяся ему непреклонной, самоуверенной, а главное — довольной своим положением, предстала перед ним слабой, беззащитной и несчастной.

Глава 20

Машенька Яловичева открыла дверь своим ключом, сняла рюкзачок с книжками и тетрадками и приткнула его в угол на ящик для обуви. После этого, не раздеваясь, принялась звонить Юре с домашнего телефона.

Долго никто не отвечал. Затем чей-то чужой голос спросил:

— Вам кого?

— Ой, извините! Я, наверное, неправильно набрала номер, — ответила Машенька, глядя с недоверием на панель своего навороченного мобильного, где друг под другом стояли имена: Мама, Даша, Юра и нескольких одноклассников и одноклассниц. После этого неуверенно повторила вызов. И снова тот же ленивый голос:

— Вам кого надо, девушка?

— А вы кто? — спросила Машенька, и сердце ее от испуга забилося так сильно, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Ей сразу же представилось, что ее Юрочку ограбили, стукнув сзади по голове, как это случилось совсем недавно с ней самой, забрали все, в том числе и мобильник: иначе кто еще, кроме грабителей, может отвечать на ее звонок таким чужим и ленивым голосом?

— По-моему, я первым задал вам вопрос: кому вы звоните? — прозвучал сердитый голос. И совсем глухо, видимо, прикрыв телефон ладонью: — Тут Теплякову какая-то баба звонит. Что ей сказать-то?

Машенька отключила телефон, положила его на столик и уставилась на себя в зеркало: на нее смотрела девчонка, в глазах которой набухали слезы. Ясно было одно: с Юрой что-то случилось. Может, его взяли в заложники... Или...или...

В двери повернулся ключ — и Машенька, вздрогнув от неожиданности, уставилась на дверь, чувствуя, как слабеют ноги.

Дверь открылась — на пороге стояла мама.

— Мама! — вскрикнула Машенька в отчаянии. — Я звоню Юре на его мобильник, а мне отвечает чужой голос. Ма-

---

мо-чка-а! С Юрой что-то случи-и-илось! — И Маша, кинувшись к маме, прижалась к ней всем своим телом и разрыдалась.

— Господи! Доченька! Да что с тобой? Что с ним может случиться? Расскажи толком...

Машенька лишь трясла головой, не в силах вымолвить ни слова.

— Ну, погоди! Что ты так сразу — случилось? Может, ничего и не случилось. В конце концов, нельзя же так убиваться, ничего не выяснив, — увещевала дочь Татьяна Андреевна. — Давай разденемся и спокойно во всем разберемся.

— Мама! Мамулечка! Как ты можешь — спокойно? Я не могу спокойно! Я... я... я не знаю... он сегодня ни разу мне не звонил. Ни одного разочка, — сквозь рвущиеся из нее рыдания, выговаривала Машенька, пятясь от двери.

Татьяна Андреевна вошла наконец в квартиру, закрыла за собой дверь.

— Давай раздеваться, — сказала она твердым голосом.

Но Машеньку этот голос лишь подстегнул. Она топнула ногой и вскрикнула:

— Мама! Может, мне надо бежать куда-то, а ты... а я — раздеваться!

— Все, хватит истерик! — отрезала Татьяна Андреевна. — Истериками ему не поможешь... тем более, если с ним действительно что-то случилось.

И тут зазвонил телефон.

Машенька рванулась к нему, схватила трубку.

— Да! Да! Я слушаю! Але! Але!

В трубке раздался знакомый голос Теплякова, хотя и несколько приглушенный, точно его хозяину трудно было произносить обыкновенные слова:

— Машенька! Здравствуй, милая! Как ты там?

— Я... я... Ты не мог мне позвонить раньше? — смеясь и плача, заговорила Машенька. — Я вся — прямо не знаю что! Я тебе звоню, а там кто-то чужой. Совсем чужой человек!

Татьяна Андреевна, успев лишь расстегнуть свое пальто, решительно отобрала у дочери трубку.

— Юрочка, здравствуй! Это Татьяна Андреевна...

— Здравствуйте, Татьяна Андреевна. Что-то случилось с Машенькой?

— С Машей ничего. Она тебе звонила на мобильник, а ей отвечал кто-то чужой...

— А-а, вон что! Я... я потерял телефон. Значит, кто-то его нашел. Не беспокойтесь: у меня все в порядке. То есть, не совсем. Меня немножко царапнуло по ребру. Ну, там... до-

---

рожная авария. Я сейчас в госпитале МВД. Ничего страшного! Честное слово! Обещают выписать дня через три-четыре.

— Хорошо, Юрочка. Очень хорошо. То есть, я хотела сказать, что ничего хорошего, если авария. Хорошо, если только царапина... А то тут Маша... можешь себе представить, какие страсти приходят ей в голову. Мы к тебе приедем. Сегодня же. Что тебе привезти?

— Ничего не надо. У меня тут целая корзина фруктов! Ради бога! Я же говорю: меня скоро выпишут. Да и у вас не получится сегодня: нужно заранее заказать пропуск... Дайте, пожалуйста, Машеньку.

— Даю, Юрочка! Даю! А то она у меня трубку с рукой оторвет, — засмеялась облегченным смехом Татьяна Андреевна, отдавая телефон дочери.

— Я сейчас же поеду к тебе, — зачастила Машенька, шмыгая носом. — Где ты лежишь?

— В госпитале МВД. Я уже сказал маме: сегодня не пустят. Надо заказать пропуск, и только завтра...

— Они не имеют права! — воскликнула Машенька.

— Такие здесь порядки, радость моя. Я и сам очень хочу тебя видеть. Но давай потерпим до завтра. Ты, главное, не беспокойся обо мне. Травма совершенно пустяковая. Дышать немного трудновато, а так — ничего особенного. Честное слово! Просто в госпитале много свободных мест, вот они и держат меня — для статистики. А так бы, конечно, давно отпустили... И я тебя очень-очень люблю, моя самая хорошая, самая красивая на свете девочка.

— И я тебя тоже. Только обещай мне звонить почаще. А то я умру от страха.

— Ну что за глупости ты говоришь, Машенька? — попеняла ей Татьяна Андреевна, раздеваясь. — Юре и так там не сладко, и говорить ему трудно, а тут ты еще со своими страхами...

— Все, Юрочка. Я тебя кропко-крепко обнимаю и целую, — закончила Машенька, с вызовом глянула на маму и положила трубку.

— Господи, Маша! Тебе всего-навсего шестнадцать лет! Семнадцать исполнится лишь в январе следующего года. А ты — обнимаю-целую. Мать-то хотя бы постеснялась...

— Мам, ну сколько можно все стесняться и стесняться? Ну и что, что шестнадцать? А если я действительно его люблю? А если он меня тоже любит? Что тогда? Так все стесняться и стесняться, пока не исполнится восемнадцать? А я не хочу, не хочу, не хочу!

— Тебе, доченька, школу надо закончить, получить образование. Без образования сегодня тебя никуда не возьмут. Даже в уборщицы, — говорила Татьяна Андреевна, перейдя на кухню, раскладывая на столе продукты. — Все эти места заняты гастарбайтерами. Даже если продавщицей — там тоже они. Учиться надо, милая. Без хорошей специальности, что ему, что тебе, будет трудно.

— Мам, я все это знаю. И Юра знает тоже. Потому что телохранитель — это не профессия. Так он считает. И я тоже. Вместе будем учиться. Он в институте, я — в школе. А потом тоже в институте.

— А дети пойдут? Их куда? Какая уж тут учеба?

— Мамуленька! До этого еще дожить надо. Ты думаешь, я не понимаю? Я все-все понимаю, — солидно заключила Машенька и скрылась в своей комнате.

— Ты там не слишком увлекайся интернетом! — догнал ее мамин голос. — Обедать скоро.

— Слышу, мамуленька, слышу! — откликнулась Машенька. — Я только переоденусь!

Прошло минут десять.

Татьяна Андреевна разливала по тарелкам суп. В голове ее, привычной к стандартным объяснениям событий и стандартным же решениям, никак не умещалась Машенькина любовь к человеку взрослому, но все еще не нашедшему себя в жизни и, следовательно, не способному обеспечить нормальную семейную жизнь. Парень он, конечно, и симпатичный, и более-менее развитой, однако явно обделенный талантами, то есть самый обыкновенный парень. Натерпится с ним Машенька с ее восторженным оптимизмом, хлебнет горя. И возраст у нее такой, что любые советы будут отскакивать от нее, как от стенки горох. Такие люди только тогда начинают воспринимать все сложности жизни, когда обожгутся о них очень больно и растеряют свой оптимизм. Не дай бог, конечно, да только с судьбой не поспоришь... Вот и Даша — то же самое. Хотя ей уже восемнадцать, но все еще ребенок ребенком. Всё и отличие от младшей сестры, что скрытная — вся в отца, но такая же упрямая и своевольная.

Татьяна Андреевна, пытаясь найти простое решение возникшей проблемы, точно забыла свою молодость, свою первую безоглядную влюбленность, которая могла закончиться весьма печально, если бы ее избранник не перекинулся к другой, более покладистой. Да и время тоже было другое: связи возникали и рвались под его жестоким напором, и мало кому из ее сверстников и сверстниц повезло пристать к спокойному берегу, где можно было безбоязненно свить свое гнездышко.

Увлечшись своими размышлениями, Татьяна Андреевна очнулась только тогда, когда за ее спиной раздался мучительный стон. Она вздрогнула, оглянулась и увидела Машеньку, стоящую в дверях на кухню в одной рубашонке. Лицо дочери было серым, глаза широко раскрыты, в них застыл ужас, будто она в своей комнате нашла что-то невообразимо страшное, губы ее беззвучно шевелились, что-то шепча.

— Машенька! Господи! Что с тобой? Что случилось? — кинулась к ней Татьяна Андреевна, похолодев от страха.

— Юра... он ранен, — прошептала Машенька. — В него стреляли... — И в крик: — Он ранен, мама! Только что передали по телику! — И, запрокинув голову, сползла по стене на пол.

Глава 21

В окно, больше чем наполовину разрисованное морозом диковинными перьями и цветами, сквозь ветви лип, опущенные колючим инеем, тарашилое подслеповатое январское солнце. Глубокие длинные тени от деревьев и домов лежали на сугробах, сгущаясь в рытвинах и канавах до глухого ультрамарина. Над городом там и сям поднимались столбы пара, расцвеченные солнцем как новогодние игрушки — от фиолетового до малинового; на большой высоте воздушный поток сносил пар к юго-востоку, там он смешивался и растворялся, укрывая горизонт розовой дымкой.

Миновало почти два месяца, вместившие в себя и Новый год, который Тепляков встречал вместе с Татьяной Андреевной и Машенькой, и день ее семнадцатилетия. Рана его почти зажила, хотя и давала о себе знать при резких поворотах тела, глубоком вздохе или попытке поднять что-то тяжелое. Он продолжал жить на снятой им квартире, но большую часть дня проводил у Яловичевых.

За свое ранение Тепляков получил приличную сумму по страховке. Лидия Максимовна тоже не поскупилась, так что, если бы в городе существовала возможность приобрести жилье под ипотечный кредит, на первый взнос деньги у него имелись. Но существующая система предусматривала покупку квартиры еще лишь проектируемого строительства, — при этом за полную стоимость и без гарантии, что тебя не надуют, — а такие деньги Теплякову вряд ли удастся скопить раньше чем через пять лет... если иметь в виду не какую-то там однушку на окраине, а квартиру, состоящую хотя бы из трех комнат.

Теплякову на следующей неделе предстояло приступить к исполнению своих обязанностей, так неожиданно прерван-

---

ных ранением. Он только что вернулся из поликлиники, где ему закрыли больничный лист, и теперь стоял у окна, мучительно морща лоб, пытаясь как-то связать вместе сразу три времени: недавнее прошлое, настоящее и будущее. В прошлом, ясное дело, изменить ничего нельзя: ни покушение, ни ранение, ни существование Мих-Миха. В этом недавнем прошлом Лидия Максимовна нашла себе нового телохранителя — то ли временного, то ли постоянного. Там же были два вызова к следователю, но не к Гуменникову, что приходил в госпиталь, а к молодому парню по фамилии Бурыга, лишь недавно закончившему институт. Новенького не интересовало, как и куда стрелял Тепляков, видел он или нет людей, находящихся поблизости. Зато он настойчиво пытался выяснить, какие отношения связывали Теплякова с Ковровой, а саму Коврову с Мих-Михом. При этом весьма неуклюже навязывал свою точку зрения на события, предшествующие покушению, в которых Теплякову отводилась весьма существенная роль, как будто Тепляков знал — или предвидел — предстоящее покушение. Более того, во время второй встречи Бурыга вполне определенно пытался внушить Теплякову мысль, что в его же интересах — в том числе и по должности — стоять на стороне Якутского, от которого целиком и полностью зависит его же, Теплякова, будущее. Дело с покушением на Коврову каким-то необъяснимым образом поворачивалось против Ковровой же, и Теплякову хватило ума, чтобы понять: Мих-Мих пытается избавиться от своей гражданской жены и — по совместительству — фактического руководителя торговой фирмы «Кедр». Ну и черт с ними! Пусть грызутся между собой, но только не втягивают его в эту грызню. Впрочем, Коврову ему было жалко.

Чем больше он размышлял обо всех этих событиях, тем сильнее его волновало другое: почему такая необходимость в этих событиях возникла именно теперь, когда он, Тепляков, только что приступил к своим обязанностям? Что это — случайное совпадение? А если нет? Если его, совершенно неопытного во всех отношениях человека, специально подsunули, чтобы свалить на него какие-то грязные делишки, скопившиеся к этому времени? Если так, то не завязан ли в этом и сам Рассадов? Действительно, если посмотреть на это здраво и как бы со стороны, то получается следующая картина: к Рассадову приходит Коврова и просит найти для нее какого-нибудь недотепу, плохо разбирающегося в жизни. А из всех выпускников только Тепляков попал, так сказать, с корабля на бал, то есть из армии на гражданку. Конечно, были потом два года поисков самого себя в новой жизни. Но так ли уж —

самого себя? Скорее всего, он пытался забыть армию и испытанный им позор. Так что эти годы в расчет можно и не брать: на том дне, где он барахтался, можно было научиться разве что мелкому жульничеству.

— Поймите, Юрий Николаевич, что у вас нет выхода, на самом деле, — настойчиво вдавливал в голову подследственного следователь Бурьга, внушая свое видение картины преступления, которая никак не укладывалась в голове Теплякова. — Я не могу на самом деле раскрыть вам все тайны следствия и выложить перед вами все факты, которые достаточно весомо свидетельствуют о... достаточных, скажем так, намерениях гражданки Ковровой. Не имею на это права, — продолжал он, щурия глаза, вытягивая шею и, как казалось Теплякову, свой длинный тонкий нос. — Зато знаю по своему опыту, на самом деле, что вы в этом деле могли быть использованы помимо вашей воли. Более того, в данном случае я целиком и полностью, на самом деле, на вашей стороне: ведь от вас, так или иначе, на самом деле, требуемые показания, или не дадите, песенка гражданки Ковровой уже спета. Зато вас, на самом деле, могут лишиться лицензии и уволить с «волчьим билетом». Вам это нужно?

— Нет, мне это совсем не нужно, — вяло отбивался Тепляков, не находя ни малейшей логики в рассуждениях следователя. Более того, его все больше раздражало повторяющееся Бурьгой к месту и не к месту то словосочетание-паразит «на самом деле», то слова «достаточно-недостаточно», будто птичий или свиной грипп поразили так называемое российское интеллигентство, обедняющие русский язык, оскорбляющие и унижающие Теплякова. Этот чертов Бурьга словно вбивал ему в голову ржавые гвозди, повторяя к месту и не к месту эти налипшие ему на язык слова, мешая думать. Тепляков старался не смотреть на следователя, чтобы тот не заметил в его глазах презрения и жгучей ненависти, и с трудом выдавливал из себя явно бесполезные возражения: — Но объясните мне, господин Бурьга, каким боком я причастен к отношениям между Ковровой и Якутским? Я же вам говорил: Якутского до этого видел всего один раз, когда вез его из аэропорта. В его квартире на проспекте Свободы ни разу не был. В другой квартире, на Дворянской, тоже. Каким образом я могу быть втянут в заговор против Якотского, или Якутского против Ковровой?

— Юрий Николаевич! Наивный вы человек! — в очередной раз откидывался на спинку стула следователь, и лицо его выражало изумление и сострадание. — Да поймите же

вы, наконец, что к преступлению, на самом деле, можно пристегнуть любого человека, даже если он живет на Луне. А нам, следователям, на самом деле, потом разбирайся, причастен он или нет. У нас, на самом деле, нет достаточных доказательств, что вы причастны, у вас нет достаточных доказательств в обратном... на самом деле. Ведь это же достаточно доказанный факт, что все эти дни вы так или иначе были достаточно тесно связаны с Ковровой. Даже обедали вместе с ней в известном вам кафе в интимной обстановке. Не станете же вы, на самом деле, отрицать очевидное?

— Я работал ее телохранителем... на самом деле, — вскинулся Тепляков, вложив в последние слова всю силу сарказма, на который был способен. — Да, обедал! И обедал на самом деле! — продолжал он раскручивать свое презрение и ненависть. — А что прикажете на самом деле делать? Ходить достаточно голодным на самом деле? Или вы сами на самом деле не обедаете? — Тепляков задохнулся от острой боли, и эта боль несколько утихомирила его сарказм и ненависть. — Это никак нельзя назвать связью в вашем понимании, — уткнулся он взглядом в свои руки, лежащие на коленях. — В подчинении... или как там? — у Ковровой сотни людей. Какие между ними связи, я не знаю. Если бы поработал годик-другой, тогда, быть может, и знал. И что в таком случае я могу свидетельствовать? — Тепляков попытался поймать взгляд следователя, но тот ускользал, перебегая с одного предмета на другой.

— Нет, с вами, на самом деле, положительно нельзя договориться, — сокрушенно покачал головой Бурыга. — У вас какое-то, на самом деле, достаточно однобокое мышление. Я бы даже добавил: и достаточно примитивное. А нынешнее время требует, на самом деле, умения мыслить достаточно широко, гибко, учитывая, на самом деле, самые разные обстоятельства. Что ж, я сожалею, но нам придется встретиться с вами еще раз.

— Вы забыли, господин следователь, произнести свое любимое «на самом деле», — с кривой усмешкой произнес Тепляков, наконец-то встретившись с глазами Бурыги. Лучше бы он не встречался: в глазах следователя он увидел почти такие же ненависть и презрение. И подумал, что от этого сморчка можно ожидать любых гадостей.

Странно, но и адвокат, довольно солидный пожилой еврей с толстыми губами и огромной лысиной, направлял мысли Теплякова к тому же самому, но более тонко и будто бы сохраняя нейтральную позицию. Если следователь вертелся вокруг да около, то этот, — исключительно, разумеется, в инте-

---

ресак самого Теплякова, — посоветовал ему свидетельствовать таким образом, будто покушение на Коврову было подстроено ею самой же для того, чтобы во всем обвинить Мих-Миха и, таким образом, завладеть фирмой. И тому доказательство — ранение телохранителя и ни царапины на подопечном ему «теле». Что само по себе не может не вызвать подозрения.

Теплякова все это так запутало, что он перестал различать, где правда, а где не поймешь что. Даже если предположить невозможное, то трудно себе представить, что на Лидию Максимовну нашло помрачение ума, и она решила поставить на карту свою жизнь. Или жизнь своего телохранителя. Ведь тот, кто стрелял, стрелял на поражение всех, кто находился в машине. Как ни короток был этот эпизод, а все же Тепляков успел разглядеть, что машина продырявлена насквозь по всем направлениям, что стрелять начали не раньше, как из нее выбралась Коврова, следовательно, стрелок хотел удостовериться, что ему придется стрелять именно в того, кто ему заказан. А вот почему заказали Лидию Максимовну и кто ее заказал, и следовательно и адвокат то ли не хотят разбираться, то ли им велено вывернуть это дело наизнанку.

И, наконец, главное: что делать ему, Теплякову? Ни фактов, ни глубоких знаний юриспруденции, ни опыта, ни желания вставать на чью-либо сторону у него не было. Тем более выступать в роли лжесвидетеля. Что между Мих-Михом и Лидией Максимовной отношения не самые лучшие, это он заметил почти сразу же. Более того, что-то такое, указывающее на это, раза два прорвалось и в ее репликах. Так ведь с таким хамом кому угодно невозможно иметь нормальные отношения. Но и это еще ничего не значит. Вот у них с Лилькой иногда доходило чуть ли не до драки, однако даже мысли не было о том, чтобы избавиться друг от друга таким образом. Нет-нет, тут что-то не то.

Эх, поговорить бы с хозяйкой начистоту! Тогда бы он знал, как себя вести. Но она не звонит ему с тех самых пор, как он виделся в последний раз с адвокатом. А лично ему, Теплякову, звонить ей нет ни малейшего повода. Не исключено, что она потому и не звонит, пришла Теплякову в голову мысль, чтобы не впутывать его в свои дела. Других причин нет и быть не может. Особенно если вспомнить их последнюю встречу в госпитале, очень теплую, дружескую, без единого намека на какие-то неизвестные ему обстоятельства.

И вдруг звонок Ольги Петровны, секретарши Ковровой... и Мих-Миха, разумеется, тоже: в понедельник встречать у

подъезда Михал Михальча ровно в девять часов утра. Именно у подъезда, предупредила она категорическим тоном.

На детской площадке в снегу возились малыши под присмотром бабушек и мам. Какой-то мужчина в куртке — голова укрыта капюшоном — подошел к одной из них, повязанной белым шерстяным платком, что-то спросил. Видно было, как от их лиц попеременно отлетают облачка пара. Вот женщина протянула руку в сторону окна, в котором стоял Тепляков — по крайней мере, так ему показалось. Видеть его она не могла, но Тепляков почему-то был уверен, что мужчине нужен именно он.

Человек в капюшоне повернулся и пошел к дому. Было что-то знакомое в его фигуре и походке. Вот он на ходу глянул на наручные часы. Тепляков глянул на свои: половина первого. У Машеньки вот-вот закончатся занятия в школе. Лучше всего встретить ее по дороге домой. Тогда ей не придется напоминать ему, чтобы он шел к ним обедать.

С этими обедами... На них настояла она же, а Татьяна Андреевна горячо поддержала свою дочь:

— В самом деле, Юра, зачем тебе ходить по столовым и кафе? Там и готовят не очень, и далеко, и дорого, и ты еще не совсем поправился. И не возражай, пожалуйста! — воскликнула она, выставив перед собой ладони. — Иначе мы обидимся, — заключила Татьяна Андреевна с той решительностью, с какой привыкла разговаривать на службе с непонятливыми посетителями.

И Тепляков согласился. Он выдал Татьяне Андреевне десять тысяч рублей, и ему стоило больших усилий уговорить ее взять эти деньги. Боже, как все запутано и усложнено в этом мире!

Тепляков одевался, когда в дверь позвонили. Он закончил шнуровку своих армейских ботинок и только тогда, разогнувшись, подошел к двери и заглянул в глазок, предварительно удостоверившись, что глазок чист.

Перед дверью, откинув капюшон, стоял Валерка Куценко. И широко улыбался.

— Ну как, узнал меня или нет? — произнес он. — Давай открывай!

Тепляков открыл дверь.

— Вот уж кого не ожидал, так это тебя, — произнес он, отступая в глубь коридорчика.

— А кого ты ожидал?

— Пока в госпитале валялся, ко мне многие из наших приходили. Даже сам Рассадов снизошел до посещения.

— Ну-у, Рассадов! — хохотнул Валерка. — Ему по должности положено. А мне простительно: я, во-первых, узнал о твоём ранении всего неделю назад, потому что был со своим «телом» в краях весьма отдаленных; во-вторых, когда вернулись домой, мое «тело» так прикипело ко мне, что не хотело меня отпускать ни на шаг. Еле вырвался.

— Так ты кого теперь пасешь? Тело в юбке?

— Вот-вот, оно самое.

— А этот, как его — депутат гордумы?

— Ты что, газеты не читаешь? Его ж поперли из думы, завели дело о мошенничестве, а он — не будь дураком! — дернул за границу. Объявлен в розыск. Такие вот пироги.

— И что, так далеко зашел?

— Попробовал бы ты не зайти! Ха-хах! — хрюкнул Куценко, и на его хищном лице расплылась довольная ухмылка. — Ко мне, говорит, льнут многие, а мне для физиологии нужен такой, чтобы без всяких расчетов.

— Так кто она-то? Я у ребят спрашивал, но все только плечами пожимают.

— Никогда не догадаешься!

— Да ладно! Судя по твоей роже, ты не очень-то и хочешь отлипнуть от нее.

— Это верно: баба что надо, — хихикнул Куценко. — Впрочем, ты ее знаешь: она по нашему ящику выступает чуть ли не каждый день...

— Стоп! Стоп! Стоп! — перебил его Тепляков. — Я, кажется, догадываюсь!.. Изольда?

— Она самая! В постели — не баба, зверь! Я иногда сбегая от нее на квартиру... ну, помнишь, вместе ходили?

— Как же! Помню! Там еще вдова такая симпатичная с ребенком...

— Вот-вот! — топтался Куценко возле Теплякова, глядя, как тот одевается. — Работаю на два фронта. Боюсь, что еще полгода — и превращусь в евнуха.

— Всякое излишество вредно сказывается на нашем здоровье, — с шутовским глубокомыслием изрек Тепляков.

— Сказывается, на себе проверил, — лениво откликнулся Куценко, и Тепляков понял, что главное, зачем тот пришел, еще впереди.

Они вышли из дому. Под ногами звонко повизгивал снег. Воробьи, жалобно попискивая, теснились бурными шариками друг к другу на голых ветках сирени. Вороны, разбросав лапами и крыльями снежную корку, грелись теплом, исходящим от земли, и не взлетали даже тогда, когда люди проходили от них в двух шагах; голуби сбивались в

кучу на чугунных крышках канализационных люков и ливневых решетках.

— Давно таких морозов не было, — произнес Куценко, натягивая на голову капюшон. — А все только и знают, что болтать о потеплении!

Они миновали детскую площадку и вышли в пустынный переулок.

Куценко остановился.

— Тут такое дело, Юрок, — начал он, ковыряя носком ботинка снег. — Меня просили передать тебе, чтобы ты... как бы это тебе сказать? — вел себя осторожно и не выпендривался.

— И как это прикажешь понимать? — спросил Тепляков, заглядывая в черные зрачки Куценко.

— Сказали, что ты и так поймешь — без расшифровки. Не дурак, мол, — добавил Куценко, и с любопытством посмотрел Теплякову в переносицу.

— И кто просил? И почему именно тебя?

— Ну ты даешь! В таких случаях личности не имеют значения. — И, помолчав: — А что, ты во что-то вляпался?

— Н-не знаю. Может быть, — ответил Тепляков, ища в своей памяти хоть что-то, имеющее отношение к такому предупреждению.

— Ну, мне пора! — вдруг засуетился Куценко. — А то мое подопечное тело скоро проснется и потребует меня к себе.

Он сдернул перчатку и протянул руку. Тепляков вяло ответил на его пожатие. Да и Куценко не нажимал, как обычно.

Тепляков долго смотрел ему вслед, продолжая перебирать в памяти минувшие события, разговоры, интонации и даже взгляды. Ничто не вызывало у него тревоги.

Глава 22

Тепляков топтался на тропинке, пересекающей небольшой сквер, по которой Машенька обычно возвращается из школы домой. Отсюда видны и школа, и дом, где она живет. Из дверей школы с криком и визгом выскакивали мальчишки и девчонки не старше восьмого класса. Они размахивали сумками со сменной обувью, иногда колотили ими друг друга. Школа не забрала у них и десятой доли энергии. За ними потянулись более солидные старшеклассники. И все больше девчонки, девчонки, девчонки. Из их толпы тут же отделились группы по три-четыре человека, и каждая двинулась куда-то по своим делам. Теплякову показалось, что в этой шумной толпе где-то затерялся и он сам, и все у него еще впереди. Он смотрел с грустью на эти суетливые стайки маль-

---

чишек и девчонок, отыскивая среди них самого себя, понимая в то же время, что там его нет, что тот Юрка Тепляков исчез навсегда и больше никогда не повторится. Ему было и жаль его, еще не испытавшего всего, что предстоит испытать, и грустно оттого, что испытания, которые он прошел, мало что дали ему для познания этого мира.

А вон и Машенька — в белой куртке с меховым воротником и капюшоном. Она на мгновение задержалась на площадке перед дверью, вглядываясь вдаль. Вот заметила Теплякова, помахала ему рукой, сбежала по ступенькам, отмахнулась от кого-то, кто к ней приставал, и быстро зашагала в его сторону, иногда переходя на бег.

«Вот идет ко мне моя жизнь, — подумал Тепляков, переполняемый чем-то большим и теплым. — И ничего и никого мне больше не нужно. Она не предаст, не станет ловчить, искать за мой счет какую-то исключительно свою выгоду. Это, наверное, и есть настоящее счастье».

Машенька приближалась с сияющей улыбкой. И Тепляков, как всегда при встрече с нею, не мог удержать ответную улыбку, хотя его улыбка наверняка мало походила на такую же радостную и даже счастливую улыбку Машеньки.

Она подошла, молча протянула руку. Он взял ее в свою, снял теплую варежку, чуть наклонился, поцеловал длинные, тонкие пальцы. И тоже не говоря ни слова. Да и о чем говорить? Между ними и так все ясно и понятно до последней буковки и запятой.

По узкой тропинке, протоптанной между сугробами, они шли друг за другом: Машенька впереди, он за нею. Иногда она шла задом наперед и при этом заливалась радостным и беспричинным смехом, будто идти таким манером никак нельзя, чтобы не смеяться. И Тепляков чувствовал, как все лицо его расплывается в глупейшей улыбке, и ничего не мог с этим поделать.

— Мы с тобой похожи на дурачков, да? — заглядывала Машенька в его глаза.

— Наверное.

— Еще как похожи! — радовалась она.

На четвертый этаж они взлетели, прыгая через одну, а то и две ступеньки. И долго не могли отдышаться в тесной прихожей, где смех наконец прорвался наружу громким и неудержимым хохотом.

— Ты был в поликлинике? — спросила Машенька, когда они, освободившись от верхней одежды и устав смеяться, стояли, прижавшись друг к другу.

— Был.

— И что?
— В понедельник на службу.
— Как жа-аль, — протянула Машенька.
— Но когда-то же мое безделье должно закончиться.
— Да, но теперь ты опять будешь пропадать по нескольку дней, а я буду волноваться и думать, что с тобой что-то случилось.

— Обещаю тебе звонить как можно чаще.
— Да-ааа, — капризничала Машенька, надувая губки. — Мне этого мало. Мне опять станут сниться сны, как ты меня целуешь. И я опять буду просыпаться и плакать.

— Бедненькая моя, дорогая, любимая, — шептал Тепляков, целуя Машенькино лицо, и слова эти так естественно слетали с его губ, словно были частицами его дыхания.

— Твоя, твоя, вся-вся твоя... милый, хороший, любимый... — лепетала Машенька, слабея и повисая у него на руках.

Настенные часы в гостиной закрипели, отсчитав три удара. Тепляков вздрогнул, очнулся.

— Сейчас придет мама, — произнес он хриплым голосом.

— Вот так всегда, — вздохнула Машенька, выскользнула из его рук и скрылась в своей комнате.

Тепляков прошел в гостиную, включил телевизор, но мало что видел из происходящего на экране и почти ничего не слышал: сердце продолжало сильными ударами биться о ребра, будто требуя от него возвращения к прерванному счастьем обладания дорогим существом.

А в прихожей уже звучали голоса Татьяны Андреевны, Маши и Даши. Дольше оставаться в стороне от общей суеты казалось Теплякову неприличным, и он, открыв двери, остановился на пороге, всклокоченный и смущенный.

— Ой! — воскликнула Машенька. — Юра, на кого ты похож! — и залилась счастливым смехом. — Мы тоже только что пришли, — сообщила она маме и сестре и тут же кинулась к нему с расческой, ничуть не смущаясь. — Давай я тебя причешу, горе ты мое, — радовалась она. И все ее слова и движения были так естественны, наполнены такой уверенностью в своей правоте, что, похоже, ни у кого не вызывали недоумения или неловкости. Разве что у Теплякова. И то лишь потому, что он чувствовал себя таким взрослым, испытавшим много чего такого, о чем Машенька не имеет ни малейшего представления, заставляя чувствовать его обязанность сдерживать ее детские порывы.

Однако Машенька, несмотря на робкое сопротивление Теплякова, принялась расчесывать и раскладывать его жес-

---

ткие волосы, прижимаясь к нему всем телом, под завистливые взгляды сестры.

Хотя Тепляков ожидал новой встречи со своим подопечным с усиливающимся с каждым часом напряжением, сама встреча оказалась совсем не такой, какой он ее себе представлял: Мих-Мих вышел из квартиры вместе с Лидией Максимовной, буркнул с явной насмешкой:

— Привет, охранитель! Очухался?

— Вполне, — сухо ответил Тепляков, покоробленный тоном Мих-Миха, и нажал кнопку вызова лифта.

Лидия Максимовна улыбнулась грустной улыбкой, дотронулась до его плеча рукой.

— Рада тебя видеть, Юра, — произнесла она. — Действительно все в порядке?

— Действительно.

— Ну и слава богу. А то я ужасно как переживала за тебя.

— О деле бы ты так переживала, — проворчал Мих-Мих. — А то прибыль с продаж почти не растет. Переживала она...

Пока ехали, Тепляков успел заметить, что супруги с утра явно что-то не поделили: они почти не разговаривали, а едва кто-то из них произносил несколько слов, как тут же другой обрывал их короткой и грубой репликой, в каждой из которых звучали отголоски недавней ссоры или скандала. Хотя Тепляков старался не прислушиваться к этим репликам, сосредоточив все внимание на дороге, однако чем дальше, тем неудобнее себя чувствовал. И вздохнул с облегчением, едва передал обоим охране офиса.

Целый день он томился от безделья, пожалев, что не взял с собой учебника по математике. Он пообедал, а потом и поужинал в офисном буфете. Дважды во второй половине дня звонил Машеньке, слушал ее милый лепет, особенно не вдумываясь в произносимые слова. Затем сыграл две партии в шахматы с начальником охраны Павлом Сергеевичем Пучковым. От него узнал, что, пока он, Тепляков, залечивал свою рану, начальство возил молодой охранник, недавно демобилизовавшийся из внутренних войск, парень старательный, но неопытный, однако явно нацелившийся на новую должность.

— Прямо стелется перед ними, — говорил Павел Сергеевич. — Аж смотреть противно, до чего человек может себя унижать. Максимовна такой услужливости не одобряет. Зато Мих-Миху нравится.

— Это который из них? — спросил Тепляков, отправляя своего белого офицера в тыл разорванного фронта фигур противника. — Это не тот, что на входе сидит?

— Он самый. Стаська Кургузов.
— То-то же он на меня так пялился.
— Вот-вот, пялиться — это он умеет. Сказывал, что Мих-Мих обещал послать его к Рассадову в «Кристалл» на обучение.

— А и пусть, — передернул плечами Тепляков. — Я за должность не держусь. Если честно, такая работа не по мне. Летом постараюсь поступить в институт. На заочное.

— И куда? — поинтересовался Пучков.

— В машиностроительный. Правда, с факультетом пока еще не определился.

— Одобряю. Охранник или, скажем, тот же телохранитель — явление временное, — солидно ронял слова Павел Сергеевич, водя глазами по шахматной доске. — Можно сказать, порождение беспредела во время переходного периода. Вот установятся властные структуры, усилится законность и порядок, прищемят хвосты олигархам, чтобы знали свое место, и нужда в телохранителях исчезнет. Не для всех, конечно, но едва заметные фигуры будут обходиться без телохранителей — это уж как пить дать. Да... вот... беру твоего коня... — заявил он, от неуверенности задержав руку над фигурой. Наконец взял, облегченно вздохнул, продолжил прерванную речь: — Хорошо, что ты так легко отделался. А могли обоих прикончить. Дураки попались, — заключил он.

— Может, и дураки, — согласился Тепляков. — А может, и нет. Может, у них задание не столько укокошить, сколько шуму побольше произвести. Не слыхали, как там расследование движется?

— Полная тишина, будто и не было ничего, — проворчал Павел Сергеевич. — Нынче следаки не столько преступников ищут, сколько тех, кто им больше заплатит: заказчик или потерпевший. Потому и ушел я из милиции, что к новым порядкам не приспособлен. Шах тебе, парень.

— А вам мат.

— Это как же?

— А вот так: я жертвую ладью, если вы ее берете — мат конем, не берете — теряете ферзя, и опять же мат, но уже слонном.

— Эко ты как все рассчитал! И что, никакого выхода?

— По-моему — нет.

— Ладно, сдаюсь.

Что-то происходило внутри офиса: приезжали и уезжали озабоченные люди, иногда целые делегации, на стоянке перед зданием то скапливались машины разных марок, то ис-

---

чезали все до единой, и тогда Теплякову казалось, что жизнь в офисе замерла. Он успел от нечего делать помыть машину и почистить салон, подкачать колеса, долить масла и антифриз. И все равно время тянулось так медленно, будто он сидит в засаде, не зная, кого ждет и придет ли этот кто-то по его или чью-то еще душу.

И целых четыре дня продолжалась такая его работа, которую и работой-то назвать язык не повернется. Лишь вечером, когда офис замирал, покинутый сотрудниками фирмы, раздавался звонок по рации, и усталый голос Лидии Максимовны извещал, что они сейчас спустятся, чтобы машина была готова.

А в четверг Мих-Мих спустился один и велел взять себя в ресторан. Видимо, место он заказал заранее, потому что они напрямик поднялись на второй этаж, где располагались номера на двоих, на четверых и более. Пробыл Мих-Мих в номере на двоих два часа пятнадцать минут. Все это время Тепляков проторчал под дверь. Только когда она открылась, выпуская Мих-Миха, он услышал из номера капризный женский голос. На этот голос Укутский махнул рукой и пошагал к выходу, покачиваясь из стороны в сторону.

Тяжело плюхнувшись на заднее сиденье, коротко бросил: — Домой! — и во всю дорогу не проронил ни слова.

Тепляков проводил его до квартиры и, не получив никаких указаний на завтра, вернулся к офису и сдал машину в подземный гараж.

Глава 23

На следующий день утром, где-то около восьми, ему позвонила Ольга Петровна, секретарша, и передала приказ Мих-Миха, чтобы его телохранитель был возле подъезда в машине ровно в девять. При этом повторила: ждать в машине.

Положив обе руки на руль, Тепляков смотрел на подъезд, из которого должно вот-вот появиться «тело». Стрелки часов давно миновали девять, а его все не было и не было. Двигатель тихонька урчал, обогревая салон. Слева на панели бубнил небольшой телевизор. В воздухе кружились редкие снежинки.

«Может, Ольга Петровна что-то напутала? — думал Тепляков. — Или наоборот: специально подставила меня под удар? Но зачем? Вызвать гнев Мих-Миха? Ей-то какая выгода срамливать меня с ним? Или такой приказ от хозяйна?.. Странная, между прочим, баба: вся какая-то застегнутая на все пуговицы, не улыбнется, а глаза... глаза какие-то

стеклянные. Как у робота. И говорит как робот — без всяких интонаций в голосе... будто в микрофон, не видя того, с кем говорит», — припоминал он подробности редких общений с секретаршей.

Местный канал рассказывал о последних событиях. События сводились к дорожным происшествиям, происшествия — к нетрезвым водителям. И вдруг:

— Сегодня, как передает наш корреспондент, всего лишь час тому назад на пересечении проспекта Свободы с улицей Дворянской столкнулись два автомобиля: самосвал и иномарка. В иномарке на заднем сиденье ехала известная у нас в городе бизнесвумен Лидия Коврова. Ее водитель скончался в карете «Скорой помощи», Коврова с серьезными травмами доставлена в больницу. Врачи уверяют, что ее жизнь вне опасности. Водитель самосвала сбежал с места аварии. Телекамеры зафиксировали неожиданный наезд самосвала на легковушку. Непонятно, то ли водитель не справился с управлением, то ли наезд был совершен преднамеренно. Покушение на Коврову, совершенное больше двух месяцев тому назад, в результате которого пострадал водитель, и до сих пор не раскрытое, заставляет предполагать, что наезд был совершен преднамеренно. Городская прокуратура завела уголовное дело. Опрошены свидетели, составлен фоторобот. Наша редакция будет следить за дальнейшим развитием событий. Не переключайтесь. А теперь — реклама.

Тепляков тупо пялился на экран, где бесстрастный глаз видеокamеры исследовал знакомую машину, смятую чудовишной силой, с трудом представляя себе свою недавнюю хозяйку на больничной койке. Вчера он обоих отвозил в офис, вечером он ее не видел, а сегодня...

«Неужели дошло до такого? — первое, что пришло ему в голову, едва он вспомнил вчерашнее утро, перестав слышать бесшабашный голос, расхваливающий стиральный порошок. — Неужели Мих-Мих решил таким способом... не потому ли следователи оставили меня в покое?.. если оставили, конечно... А еще Куценко... Всё в одну точку, — метались в его голове обрывки мыслей. Из них, точно наткнувшись на столб, оказавшийся посреди дороги, возникло твердое решение: — Надо будет навестить Максимовну завтра же. Даже если... и без всяких если», — оборвал он себя.

Укутский вывалился из подъезда боком, волоча за собой огромный чемодан на колесиках: двери были узки для него даже и без чемодана. Вслед за ним вышла молодая женщина. Короткая стеганая куртка, будто наполненная воздухом, превращала ее тело в надутый шар, из этого шара торчали длин-

---

ные ноги в шерстяных колготках и высоких сапогах, свисали толстые короткие руки.

«Эту бабу где-то я уже видел, — подумал Тепляков, напрягая память. — Ну да, в сквере возле ресторана «Таежные дали». Там всегда толкуются проститутки. Случайная встреча в лифте? Вряд ли. В лифте с проститутками случайно не встречаются».

Женщина с вызывающе громким смехом повисла на руке Мих-Миха, они спустились вместе по ступенькам и подошли к машине.

«Неужели не знают об аварии?» — подумал Тепляков, предупредительно распахивая заднюю дверь.

— Привет, Юр-рик! — весело воскликнул Мих-Мих, повернувшись к Теплякову всем телом. — Как спалось?

— Доброе утро. Спалось нормально, Михал Михалыч. Благодарю вас, — произнес Тепляков бесстрастным голосом.

— Рано благодаришь, парень. Вот когда... Поставь-ка это в багажник, — ткнул он толстым пальцем в чемодан. — Не надорвешься? А то опять... хах-ха-хих! — загремишь в госпиталь!

— Ми-ишааа! — капризно остановила его женщина. — Хватит уже! Поехали! Опоздаем!

— Мы едем, едем, едем! — пропел Мих-Мих, пропуская женщину вперед. Передохнул, продолжил: — в далекие края... — попыхтел, и дальше: — Веселые со-се-еди, хорошие дру-зья-ааа...

Женщина проскользнула в салон, уселась в кресло, поерзала, устраиваясь. На Теплякова пахнуло густым запахом дезодоранта.

Вслед за женщиной, пыхтя и отдуваясь, втиснулся в машину Мих-Мих.

Тепляков, закрыв дверь и убрав чемодан в багажник, обошел машину, занял свое место.

— Слышал про Максимовну? — спросил Мих-Мих весело. — Вот ведь угораздило бабу.. на самом деле! А я ей, дура, говорил: не доверяй этому щенку. Нет, не послушала. Вот тебе и результат... на самом деле.

Тепляков промолчал.

— Все на малолеток ее тянет, свежачка решила попробовать, — рычал Мих-Мих. — А ты, парень, случайно, не спал с ней? — хохотнул он, и тяжелая клешнятая рука легла на плечо Теплякова.

— Я со старухами не сплю, — отрезал Тепляков.

— А с кем же ты спишь? С дочкой хозяйки квартиры?

— А вам какое дело до того, с кем я сплю?

— О своих слугах я должен знать все! — рявкнул Мих-Мих, сдавливая его плечо. — А будешь вякать, выкину с «вольчьим билетом». Понял?

Тепляков резким движением сбросил со своего плеча руку Мих-Миха.

— Можешь выкидывать хоть сейчас! — обернувшись к нему, процедил он сквозь зубы. И, выключив зажигание, открыл дверь.

И тут опять завизжала женщина:

— Ми-иии-ша-ааа! Ну хватит уже-еее! Поехали! Опаздываем!

— Что ж это, и пошутить нельзя... на самом деле? — бабьим голосом пожаловался Мих-Мих, откидываясь на сиденье. — Прямо до кого ни дотронешься... на самом деле... так на дыбы. — И забубнил, поначалу будто оправдываясь, а затем сорвавшись в озлобление: — Распустились, бомбу в конверте! Де-мокра-а-ати-яяя! Работать надо! Вкалывать, на самом деле, как негры на плантациях! Характер будешь показывать, когда в банке займешь несколько штук с семью нулями! Понял? Поехали!

— Ми-иии-ша-ааа! — снова плачущим голосом завелась женщина. — Ну сколько можно? — И к Теплякову: — Юра! Не обращайтесь на него внимание! Он шутить совсем не умеет. Ну, пожалуйста! Я вас умоляю!

Тепляков видел в верхнем зеркале тяжелое насупленное лицо Мих-Миха и краешек испуганного лица женщины. В нем боролись два желания: уйти сейчас же, порвать сразу с этим хамом, а там будь что будет, и жаль почему-то было проститутку, тоже, видать, хлебнувшую горя по самую маковку. Второе, — даже не желание, а чувство жалости, — пересилило. Он захлопнул дверь, завел еще не остывший двигатель и стронул машину с места.

— Нам, Юра, пожалуйста, на вокзал, — попросила женщина, и в лице ее, и в голосе Тепляков различил привычную униженность.

Возвращались с вокзала. Мих-Мих велел везти его домой. Он сидел сзади, хмуро смотрел прямо перед собой. Иногда по его одутловатому лицу пробегала короткая судорога. Не исключено, что на него так удручающе подействовало расставание с женщиной, хотя Тепляков не заметил в их отношениях ни теплоты, ни взаимного расположения. Казалось, будто его подопечный мучительно ищет, что сказать в продолжение предыдущего разговора, которому мешала эта женщина, и не находит нужных слов.

Возле своего дома Мих-Мих, едва заглож мотор, заговорил таким сварливым тоном, каким говорят иные армейские командиры со своими подчиненными после взбучки, полученной от начальства:

— Ты вот что, Тепляков. Если будешь ерепениться и трепыхаться, выгоню... на самом деле... без выходного пособия. А Рассадову велю забрать у тебя лицензию. Мне нужен человек, достаточно преданный, на самом деле, на которого я могу положиться во всем... Во всем! Слышишь?

— Слышу, — ответил Тепляков.

— И что?

— Мы приехали. Я обязан проводить вас до дверей вашей квартиры...

— Обязан он, — проворчал Мих-Мих и, открыв дверь, полез, сопя, из машины. Утвердившись на асфальте, продолжил: — Ты обязан открывать мне дверь... на самом деле. А ты что? Крутой? Да? Видали мы таких крутых... на самом деле.

— Не сомневаюсь. Давайте расстанемся по-хорошему...

— Ты никак мне грозишь, щенок?

— Ошибаетесь. У меня нет ни малейшего желания ни грозить вам, ни спорить, ни даже разговаривать с вами.

— Во как! Не хочет он. Ха-ха! Ладно, пошли. Разберемся... на самом деле. Как я должен идти — впереди или сзади?

— До двери — впереди. За дверью — сзади, — ответил Тепляков, с трудом сдерживаясь, чтобы на грубость не отвечать грубостью же.

В лифте они стояли в разных углах. Тепляков первым покинул лифт, быстро огляделся: никого. За ним шагнул на площадку Мих-Мих.

— В гости тебя не приглашаю, — произнес он, подходя к двери своей квартиры. И пояснил с презрительной ухмылкой: — Не заслужил.

— А мне и не положено ходить в гости к своему подопечному, господин Укутский, — парировал Тепляков с усмешкой. Затем, решив, что это их последняя встреча, добавил: — Вам, господин Укутский, не мешало бы прочитать контракт, подписанный Лидией Максимовной, тем же Рассадовым и мной. Там все указано: и что я обязан делать, и что не обязан. И даже не имею права. И какие обязательства берет на себя наниматель.

— Мало ли что там написано! Все это формальность. Бумаги пишут для дураков... на самом деле. И для прокуроров. Ты что, дурак?

— А вы, что, умный? Я знаю, чем кончилась служба у вас моего предшественника. Со мной это не пройдет, господин Укутский.

— Ты... ты... на самом деле! Я из тебя блин сделаю, бомбу в конверте! Твой предшественник оказался скотиной... на самом деле. Он пользовался моей добротой и доверием. А ты... Да я тебя... — Мих-Мих недоговорил, набычился, смотрел на Теплякова зверем. Взгляды их столкнулись, и ни один из них в течение долгих секунд не хотел отступить. И все-таки Мих-Мих сдался первым. Он отвел взгляд, как-то сразу потускнел, обмяк. — Ладно, поживем — увидим.

— Нет уж, господин Укутский! — слегка повысил голос Тепляков, пытаясь заглянуть в щелки глаз Мих-Миха. Ему хотелось покончить с этой службой у Мих-Миха миром. К тому же на курсах им вдальблывали в голову, что «тело», которое они взяли охранять, всегда право, потому что жизнь есть жизнь, а в ней случается всякое. И он сбавил тон на примиряющий: — Давайте, Михал Михальч, закончим этот наш разговор как нормальные мужики, то есть без всяких эксцессов...

— Ты еще меня учить будешь? Щенок! — оборвал его Мих-Мих, и лицо его покрылось красными пятнами.

— Учить я вас не собираюсь. Хотя бы потому, что это бесполезно. А вот объяснить, почему мы с вами не сработаемся, попробую. Если вы не возражаете, разумеется.

Мих-Мих, сделавший шаг к Теплякову, остановился, некоторое время изучал его, щура и без того заплывшие жиром глаза. И неожиданно согласился:

— Что ж, давай объясняй! Только пойдем на лестничную площадку... на самом деле.

Он сам открыл дверь, наполовину забранную армированным стеклом, сквозь которое ничего не видно, и шагнул на узкую застекленную площадку, с которой открывался вид на лесопарк и лежащий неподалеку рабочий поселок из пятиэтажек. Здесь, повернувшись к Теплякову, Мих-Мих встал, раскинув толстые руки, точно собирался схватить ими Теплякова, остановившегося в двух шагах от него.

— Что ж, продолжай, — разрешил Мих-Мих с угрозой в голосе и кривой ухмылкой на узких губах.

— Вот вы сегодня утром велели встречать вас у подъезда, свою даму пошли провожать — меня оставили в машине, — заговорил Тепляков, стараясь ни интонацией, ни взглядом не показывать своего истинного отношения к Мих-Миху. — Все это в нарушение инструкции. Там где-то вас могут шлепнуть, а мне сидеть и ждать, когда вы соизволите вернуться... в виде трупа? Так, что ли? Я не хочу отвечать за ваше... за ваше своеволие, господин Укутский. Инструкции писались

умными людьми на основе опыта. А не просто так — тят-ляп и готово! Да и зачем вам телохранитель?

— Много говоришь, Тепляков! — рыкнул Мих-Мих. — Я любого киллера в бараний рог скручу... на самом деле. Пусть только сунется...

— А ему и соваться не нужно. Достаточно поймать вас в прицел и нажать на спуск.

— Ты, что ли, закроешь меня своим телом? — пробурчал Мих-Мих, презрительно скривив губы.

— От пули не закроешь. А предугадать выстрел вполне возможно, — ответил Тепляков. — Но для этого необходимо взаимное доверие. А откуда оно возьмется, если вы за то время, что мы с вами знакомы, уж какой раз собираетесь размазать меня по стенке?

— И размажу, если встанешь на моей дороге.

— Я нанимался к вам телохранителем не для того, чтобы вставать у вас на дороге...

— А сам... на самом деле... вертел хвостом перед Ковровой, — перебил Теплякова Мих-Мих, все более озлобляясь. — На двух стульях решил сидеть, щенок?

— Какие стулья! Что за чепуха приходит вам в голову, господин Укутский?

— По ресторанам с нею шлялись! В отдельных кабинетах рассиживались... Домой на Дворянскую к ней таскался... Я все про вас знаю... на самом деле! У меня везде свои люди. Решили от меня избавиться?

— Выдумать можно все, что угодно, — с трудом сдерживал себя Тепляков. — У меня нет желания даже опровергать эту чепуху, господин Укутский. Так что можете искать себе нового телохранителя. Я на вас больше работать не стану.

— Получил миллионную страховку, сучонок, премию от Ковровой — и в кусты? — зарычал Мих-Мих, надвигаясь на Теплякова. — Да я тебя, мразь... — и он схватил Теплякова за предплечья, сдавлив их пальцами с такой силой, какой от него Тепляков не ожидал. На мгновение он даже опешил, будто попал в железный капкан, зубья которого проникали в мышцы, разрывая их на части. Ему в нос ударило перегаром и луком, ненавистное лицо приблизилось к его лицу, черные зрачки глаз расширились, белки налились кровью, так что Тепляков откинул голову, будто Мих-Мих собирался прилипнуть к его лицу своими губами.

Это неопределенное положение длилось всего лишь несколько мгновений, пока Тепляков соображал, что ему делать, и не почувствовал, что ноги его отрываются от пола: ведь, действительно, может размазать по стенке! Но даже и

почувствовав явную опасность, он, привыкший действовать в определенном русле, с трудом перестраиваясь в новых, тем более в неожиданных условиях, лишь уперся обеими руками в широкую грудь Мих-Миха, сопротивляясь давлению его железных пальцев. Даже будучи наслышан о медвежьей силе Укутского, он не мог представить себе ее безграничную мощь. Чувствуя, как затекают руки, сжавшись, Тепляков нанес удар ногой между ног Мих-Миха, но толстые ляжки заслонили самое уязвимое его место.

Мих-Мих зарычал от боли, однако рук не разжал. Он начал поворачиваться, приподнимая тело Теплякова, то ли рассчитывая пробить им стеклянный фонарь лестничной клетки, то ли сбросить его с лестничной площадки. Еще мгновение — и Тепляков мог полететь вниз. Собрав все силы, он рывком все-таки сумел просунуть свои руки между рук Мих-Миха и большими пальцами надавить на его глаза. Руки Мих-Миха ослабли, что позволило Теплякову нанести удар головой по его короткому носу. Теперь он действовал почти автоматически, противопоставив силе своего противника ловкость натренированного человека. Не давая опомниться Мих-Миху, он костяшками пальцев рубанул по сонным артериями, вздувшимся по бокам его воловьей шеи. Следующий удар нанес в челюсть с короткого разворота — Мих-Мих вякнул, изо рта его и из носа хлынула кровь. Затем носок армейского ботинка Теплякова обрушился на голень опорной ноги Мих-Миха, а каблук, завершая движение, на носок его длинноносой туфли, так что стало слышно, как хрустнули раздробленные пальцы.

Мих-Мих взревел от боли, но еще один удар в челюсть заставил его пошатнуться, попятиться и переступить ногами. Пытаясь удержаться на ногах, он успел схватить Теплякова, на этот раз за куртку. Но сто сорок килограммов собственного живого веса, выведенные из равновесия, удержать было практически невозможно. Опорная нога Мих-Миха сорвалась с верхней ступеньки, и они оба рухнули вниз, при этом Тепляков в падении успел резким движением с опорой на массивную тушу своего врага оказаться сверху и даже повернуть Мих-Миха на спину.

Удар при падении был настолько силен, что Тепляков ощутил его всем телом. Половину пролета они скользили вниз по ступеням, и голова Мих-Миха билась о каждую из них с отчетливым стуком. Тело его обмякло, руки разжались, и Тепляков успел ухватиться за решетку перил. Он безучастно провожал взглядом тело Мих-Миха, пока оно не сползло

на промежуточную площадку и там, неестественно вывернувшись, застыло. Лишь задранная нога его, лишившись туфли, какое-то время шевелилась, как бы ища удобное для себя положение, да так и замерла, упершись в верхнюю часть решетки.

С трудом подтянув ноги, тяжело дыша, Тепляков уселся на ступеньку. Костяшки пальцев обеих рук кровоточили, кожа свисала с них клочьями. Болело все тело. Болели разбитые колени, особенно сильно болели предплечья, раздавленные железными пальцами Мих-Миха, так что руками с трудом удавалось пошевелить. Давало о себе знать раненное и не до конца зажитое ребро.

Тепляков сидел и некоторое время тупо смотрел на лежащую внизу неподвижную тушу, которую обязан был охранять и защищать, не щадя живота своего, на разбитый окровавленный затылок и сорванный с макушки головы скальп, на вывернутую руку и странно задранную толстую ногу, на кровавый след, протянувшийся по лестничному маршу с того места, где голова столкнулась со ступенькой.

Усталость и апатия окутали тело Теплякова. Он закрыл глаза. В голове не умолкал настойчивый звон, и ни единая мысль не тревожила его сознание.

Глава 24

Наверху хлопнула дверь. Вслед за этим раздался звонкий мальчишеский голос:

— Ой, деда, гля, тут тако-о-еее!

Тепляков попробовал встать, но на его попытку тело откликнулось острой болью сразу в нескольких местах. Он застонал и посмотрел на изуродованную кисть левой руки. Видимо, когда они упали, он на костяшках пальцев, вцепившихся в куртку Мих-Миха, проехал по бетонным ступенькам, содрал с них кожу, даже не почувствовав этого.

Наверху забубнил мужской голос.

— Ну и что там такое?

— А во-он, гля! — ответил ему мальчишка.

Зашаркали, приближаясь, шаги. Затем послышался возглас:

— Мать честная! Эй, приятель! Что случилось?

Тепляков с трудом повернулся, глянул вверх. Перегнувшись через перила, на него смотрел мужчина лет шестидесяти, с седым ежиком на круглой голове.

— Вызовите милицию, — прохрипел Тепляков. — И «Скороу». И, если можно, дайте попить, — с трудом закончил он, проглотив тягучую слюну.

— Шурка, принеси воды! — велел мужчина. — Да кружку возьми побольше! — добавил он. И стал спускаться по ступенькам, шлепая домашними тапочками.

Остановившись рядом с Тепляковым, заговорил:

— И милицию... полицию то есть, сейчас вызову, и «Скорую». И все-таки, парень, что случилось?

Тепляков, криво усмехнувшись, кивнул на лежащее внизу неподвижное тело Мих-Миха, произнес, с трудом выдавливая из себя слова:

— Хотел... по стенке меня... размазать. Впрочем, все это теперь... не имеет... значения.

— Не скажи, — произнес мужчина. Он спустился еще ниже, тщательно обходя кровавые следы, потрогал шею Мих-Миха возле уха. — По-моему, «Скорая» ему уже не поможет. — И, обратившись к Теплякову: — И все-таки, в двух словах, парень. Видишь ли, я — бывший следователь. Сейчас — на пенсии. В таких делах кое-что смыслю. Мих-Миха... Так у нас тут его зовут, — пояснил он, — знаю вот с таких вот, — и показал рукою чуть выше колена. — Правда, в те годы жили мы не здесь, а на Разуваевке. Знаешь, где это? — спросил он.

Тепляков кивнул головой.

— Так вот, среди пацанов Мишка Укутский числился первым задирой. Отец его в обкоме работал вторым секретарем, потом начался развал, он прихватил часть завода, потом... — длинная история, парень, не время ее рассказывать. Мих-Мих считался в наших краях, если помнишь, первым силачом. И первой же скотиной. А когда отца его кокнули, Мих-Мих встал во главе фирмы «Кедр». Размазать по стенке — это его любимое дело. Так что, пока полиция прибудет, подумай, что говорить будешь.

Мальчишка принес кружку воды, остановился рядом с Тепляковым. В его широко распахнутых глазах не было страха. Он с любопытством смотрел и на лежащего внизу человека, и на Теплякова.

— Шурка, вали отсюда! — велел мужчина.

— Деда, чего ты? Дядя попьет, я кружку возьму. Не бойсь, мне не страшно.

Тепляков в несколько приемов осушил кружку воды, отдал ее мальчишке.

— Спасибо, малыш, — поблагодарил он. — И лучше — иди-ка ты домой.

— Вот что, парень, — заговорил бывший следователь. — Ты пока посиди, как сидишь. — И внуку: — Быстро сбегай домой, принеси мой мобильник. Давай, пулей. — И снова Теплякову: — Я тебя и этого... — кивнул он в сторону Мих-

---

Миха, — сфотографирую, чтобы менты имели картину такой, какая есть. Это очень важно. Для тебя в первую очередь. Потом объясню. — Спросил: — Ты у него водителем служишь? Видел я тебя как-то...

— Да, — ответил Тепляков, разглядывая свои пальцы. — И телохранителем.

— Понятно. Приставал?

— В каком смысле?

— В прямом. Ты что, не знаешь, что он гомик?

— Нет. Впервые слышу. Впрочем... — И Тепляков вспомнил, как Мих-Мих, когда они ехали из аэропорта, положил свою руку на его, Теплякова, ногу чуть выше колена и несколько раз сжал, не сильно, а даже как-то так, как сжимают в этом месте ногу женщине, испытывая ее на податливость. Тепляков тогда воспринял это как глупую выходку пьяного человека, потерявшего представление о реальности. Он решительно снял с колена тяжелую руку Мих-Миха, и тот, похоже, даже не заметил этого. Было и еще что-то подобное, но Тепляков, никогда не имевший дела с гомиками, не обратил на это внимания.

— Недавно у него? — продолжал расспрашивать бывший следователь.

— Неделю.

— Это не тебя ранили месяца два тому назад на Дворянской?

— Меня.

— Во как! А теперь... — по телику передавали — Коврова в реанимации. Дела-ааа. До тебя, кстати, у Мих-Миха был один парень, так Мих-Мих очень хотел подмять его под себя. И даже не парень этот привлек Мих-Миха в этом смысле, а сын его сожительницы, пацан лет десяти. Поговаривали, что мать этого пацана ударила Мих-Миха ножом. Не знаю, чем у них закончилось в этом смысле, а только сожительница этого парня вскоре же попала под машину, а его телохранителю припаяли пять лет: папашины деньги сработали.

Прибежал мальчишка с мобильником. Бывший следователь сделал несколько снимков.

— Вот теперь можно вызывать полицию и «Скорую», — произнес он с удовлетворением. Посоветовал: — Руку-то платком замотай. Медики приедут, сделают как надо. На вот тебе. Чистый. Зовут-то как?

— Тепляков. Юрий.

— Да-да-да! Как же, помню, помню. А меня — Данила Антонович. Шарнов. Подполковник в отставке. Мой тебе совет: на предварительном допросе стой на том, что Мих-

---

Мих приставал к тебе, и не раз, что стычка произошла из-за этого, что ты защищал свою честь. На этом стой твердо. Понял? О том, что Мих-Мих гомик, полиции известно давно. Отца нет — прикрыть Мих-Миха некому. Есть у него родственники, так те только и ждут, когда им предоставится возможность захватить торговую фирму «Кедр». Теперь и дело с покушением на вас с Ковровой, и на саму Коврову, я думаю, начальство свалит на Мих-Миха. На мертвого все можно свалить. Для многих это даже выгодно. Раньше-то все чиновники, что повыше сидят, из рук Мих-Миха кормились. Теперь пришла пора переключаться на его родственников. Но это так — для общего сведения. На меня советую не ссылаться: я у нынешних не на лучшем счету. Однако при случае операм свое слово скажу. И оперов вызову не каких-то там, а людей порядочных. Остались у нас еще и такие. Самому Жалобову позвоню. Отдыхай пока.

И бывший следователь Шарнов стал названивать, вызывать полицию и «Скорую».

В тот же день Теплякова допросили на месте происшествия, составили предварительный протокол, дали подписать. В протоколе так и значилось: Михаил Михайлович Укутский, имеющий склонность к половому извращению, домогался своего телохранителя, из-за чего и возник конфликт, закончившийся несчастным случаем — падением обоих с лестницы, в результате которого означенный Укутский получил травмы, повлекшие за собой летальный исход.

С места происшествия Теплякова и Мих-Миха увозили разные «Скорые». Раны Теплякова в больнице обработали, два пальца, оказавшиеся сломанными, упаковали в гипс, ночь он провел в палате, никто его не тревожил, и он мог, то и дело просыпаясь от приступов боли, перебирать в своей памяти все детали трагического происшествия, пытаясь понять, насколько правильно он себя вел в те немногие минуты, приведшие к столь непредсказуемому концу. Он жалел, что уступил Шарнову, сделав упор на домогательство Мих-Миха, хотя никакого домогательства не было. Теперь пресса начнет его, Теплякова, спрягать и склонять по всем падежам, и ему уже виделись ухмылки знакомых и незнакомых людей. И всякий раз в своем воображении он наткался на равнодушный взгляд Машеньки, хотя это был вовсе не ее взгляд, а ее сестры. И все это так сплелось и перепуталось в его сознании, каким-то образом сблизив вчерашнее событие с прошлым, так резко изменившим его жизнь.

Утром, после обхода, Тепляков узнал, где лежит Коврова, пошел ее навестить. Его мучил вопрос: знала Лидия Максимова о том, что Мих-Мих является гомиком, — а он был

уверен, что она не могла не знать, — и если знала, почему не предупредила Теплякова с самого начала?

В палате, где лежала Коврова, стояло всего две койки. Вторая была аккуратно застелена и явно не занята. Едва перешагнув порог, Тепляков увидел лицо Лидии Максимовны, жалкое и незащищенное, наполовину забинтованное; черные глаза ее, набухающие слезами, выглядывающие из белой повязки, о чем-то умоляющие, резко выделялись на белом фоне. Решительность, с какой Тепляков шел на свидание с ней, оставила его, и он, усевшись на табуретку, не знал, о чем говорить. Он даже забыл поздороваться, так его поразила перемена в женщине, которая с самого начала производила на него впечатление неумной энергии и решительности.

— Что с тобой? — тихо спросила Коврова, положив свою руку на его забинтованные пальцы.

— А-а, это? Это... — начал он и запнулся, не зная, что говорить дальше. И вдруг, неожиданно для самого себя, выпалил: — Вчера Мих-Мих... то есть мы вместе... упали с лестницы. Он ударился затылком о ступеньку... короче говоря, травма, не совместимая с жизнью. Вот. Идет следствие.

— Бедненький, — прошептала Лидия Максимовна и погладила его бинты. — Я очень виновата перед тобой, Юрочка. Очень. Прости меня, если сможешь.

— Вам уже сказали? — удивился Тепляков.

— Нет, — прошептала она. — Но я была уверена, что кончится все это очень плохо. Только не знала, когда и каким образом... Конечно, надо было предупредить тебя, а я... Впрочем, вряд ли это помогло бы или что-то изменило. Судьба — ничего не поделаешь.

— То есть, вы хотите сказать, что брали меня?... — начал он, огоршенный еще смутной догадкой о той роли, которая ему отводилась.

— Нет, нет! — ответила она. — Я надеялась, что ты как-то повлияешь на него. Рассадов охарактеризовал тебя, — продолжила Лидия Максимовна после паузы, глотая согласные, — как человека смелого, решительного и бескомпромиссного. Я надеялась... — Она вдруг задышала тяжело и часто открытым ртом, и Тепляков, вскочив, кинулся вон из палаты в поисках медперсонала.

Дежурная сестра лишь глянула на Коврову и быстро вышла из палаты. Через несколько минут она вернулась с врачом. Затем почти бегом выскочила в коридор, скрылась за одной из дверей, оттуда торопливо вышли сразу трое в белом. Две из них — женщины.

В полуоткрытую дверь Тепляков видел, как они суетились вокруг койки, на которой лежала Коврова, как устанавливали капельницу. Остаться здесь дальше не имело смысла, но он продолжал чего-то ждать, сидя на стуле возле сестринского поста.

Когда суета утихла и все вернулись туда, откуда были вызваны, Тепляков спросил у сестры:

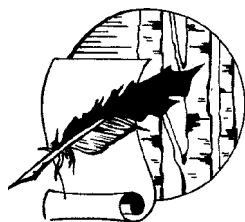
— Что с ней?

— А-а! Ничего особенного, — словоохотливо ответила она. — При отеке легкого обычное явление. Правда, бывают и рецидивы. Но крайне редко... А вы ей кем приходитеесь? — и с любопытством уставилась на Теплякова.

— Родственником, — ответил он, сам не зная зачем. Поднялся и побрел на мужскую половину.

Догадка, возникшая у него возле койки Ковровой, сверлила его мозг, ища подтверждения в минувших поступках и разговорах. И не находила.

Продолжение следует

Алексей РЕШЕТОВ

Более проникательного, но и более беззащитного человека, чем Алексей Леонидович Решетов, я никогда не встречала. Он казался мне странником, идущим по жизни, как по проселкам Руси. Он видел тебя насквозь, было не скрыться от его голубых, каких-то по-детски беспомощных глаз, и перед ними хотелось быть лучше и чище. Высокий, худой, немного сутулый, всегда в мешковатых джинсах — ни позы, ни форса. А между тем, стихи его знали по всей стране.

Алексей Решетов родился в 1937 году. Его отец — известный московский журналист Леонид Сергеевич Решетов работал в хабаровской газете «Тихоокеанская звезда». Что произошло в 37 году, до сих пор не знает никто, но большинство сотрудников газеты были арестованы. Леонида Сергеевича расстреляли (его последней статьей была статья о Блюхере). Вскоре арестовали его жену Нину Вадимовну. Дети, Бетал и Алеша, остались с бабушкой: Беталу год и 10 месяцев, Алеше 6 месяцев. Только через восемь лет Нине Вадимовне разрешили вызвать мать и детей к себе в Соликамск, где она после лагеря оставалась на поселении.

В Соликамске жили в бараке на двадцать семей. Рядом, в таких же бараках, жили сосланные немцы, отмечавшиеся в спецкомендатуре, трудармейцы, спецпоселенцы, фронтовики. «Тут были люди, давно убитые многими бедами и все-таки продолжавшие жить, потому что жить надо...» — скажет Решетов через годы.

Выживали, как только могли. Нина Вадимовна работала на комбинате стройдеталей, названном людьми «Косой Степан Данилыч». Он, кроме горбыля на дрова, опилок для матрацев, тоненьких планочек для простых и химических карандашей, выпускал и синий древесный спирт «БЧ» — незаменимый для празднований красных дней календаря. Иной раз и в обычные дни пригождался. Бабушка подрабатывала шитьем, Алеша рисовал открытки. «Вербочки, хвойные лапки, — смотря какой праздник приближался. Чтобы не заснул за работой, не клюнул носом в открытку, бабушка Оля привязывала меня полотенцем к спинке стула. Краски покупали у военнопленных нем-

---

цев», — вспоминал Алексей Леонидович. Об этом времени у него написана повесть «Ждановские поля». Стоит привести ее здесь хотя бы отрывочно.

«Мы ехали к матери. Нежданно-негаданно она оказалась у нас жива и здорова. На какие шиши мы ехали? Два раза она высылала деньги на переезд. Мама пять лет пилила чурки для газогенераторных машин. Кто знает, тот поймет. Бревна ломом выколупывались из Камы, ошкуривались топором. Самую вредную рыбу гораздо легче чистить. Топор срывался, попадал по пальцам. За ночь, порой в пятидесятиградусные морозы, женская бригада пилила эти чурки кружочками по 6 см в ширину и 3,5 кубика на пару, чтоб транспорт утром вез их по обычному маршруту.

Все время витал перед нами образ матери, — да и что было в этом странного? Бабушка никогда нас с ней не разлучала, наоборот, выбрала веский довод:

— Пришли злые, подлые люди и увели вашу маму. Сначала отца — он был святой человек. Я никогда не забуду его спину, когда он навсегда уходил. Мы завтракали на кухне, заглянул дворник, и всё стало понятно.

Перед отъездом из подарочного американского одеяла нам с братом сшили роскошные шаровары, причем рисунок расположили так, что он выглядел как генеральские лампасы. Бабушка не успела толком ни раздать долги, ни собрать еды в дальнюю дорогу от Хабаровская до Перми, а потом до Соликамска. Из всех богатств у нас была литровая банка смальца, множество лепешек на американском яичном порошке и две книги: я положил «Сказки» и «Волшебные сказки». Мы так рвались к маме, что разбили сундуком, который забрасывали на третью полку, электролампочку, а стояла она тогда на вес золота. Лепешек и смальца нам не хватило. Наши любимые книжки мы поменяли на еду у соседки по купе — очень приятной военной врачихи.

Ночью коридор и тамбур устан был возвращающимися с японского фронта. Это были милые люди. Сидя на подножке поезда, кто-то перекрашивал черным русским кремом желтые японские сапоги, у одного на руке было шесть пар трофейных часов, еще один нянчил свою загипсованную руку... Все они были настолько молоды, что на ходу прыгали с поезда и, хохоча, догоняли его. Как же любили их все пассажиры! Защитники! Даже если военный был охранником, он все равно был военным, и без всяких деклараций был любим. Я не видел ни одного солдата, который бы к детям отнесся плохо.

За окном — верблюды, синева Байкала... Японские военнопленные за летящими окнами поезда, не изнуренные. Кроме красоты Байкала, всех занимала еще одна страсть: говорили,

---

что какой-то беглый зэк вырубил из базальта бюст Сталина, и мы увидим его по ходу движения поезда. Но мы видели лишь надписи: «Маша, Коля, Петя», сердца и стрелы.

И, надо сказать, в то время казалось: все трудности позади. Но все-таки самым доступным роскошным благом был кипяток. Крупнее, чем названия станций, например, «Зима», «Ерофей Павлович», были надписи «Кипяток», и если бы я составлял тогда географическую карту, кроме «Кипяток», ничего бы на ней не было. Ночью проводница Саша шла как по минному полю, между спящими в проходе победителями, ставя иногда кое на кого пятилитровый чайник, для отдыха.

Солдат Миша, которого днем пускали на нашу вторую полку (он ехал до Москвы, и бабушка тайком обещала ему эту полку после Перми), всячески угождал нам: подкармливал японскими галетами, бегал за кипятком, покупал вареную картошку.

Так мы ехали, вспоминая незабвенный Амур, Хабаровск с пушками возле исторического музея. Когдаходишь в предмогильный клад первого этажа музея, видишь лежащие там без надзора куски метеоритов, распилы тысячелетних окаменевших деревьев. А уж дальше, по лесенке, весь быт, все тряпки населявших край народов; еще выше — судьба Бонивура, любимого нами как Чкалов. А по теплым стволам пушек мы любили скатываться вниз. Это было краткое удовольствие, успевавшее, однако, согреть нам животы и испытать волю неизбежного приятного падения.

Так и приехали мы в окаянную Пермь. Миша, опекавший нас всю дорогу, ночью, полусонных, передал на руки матери, пока не выбралась на перрон бабушка.

— Кто это?

— Гага, — мама поймала меня на подножке вагона и прижала к себе.

— А это кто?

— Это Бетя. — Руки солдата Миши трепетно поддерживали нас в угарной полутьме, передавая матери.

Надо сразу объяснить наши странные имена. Бетя старше меня на год и четыре месяца. Перед самым его рождением вышел журнал «СССР на стройке», весь посвященный Беталу Калмыкову. «Есть город Нальчик, там что ни мальчик, то Бетальчик». Так и дали брату моему имя. Мне имя искали долго. Баба Оля предложила простое — Алеша. Все согласились назвать так недоношенного из-за материнского тифа второго наследника. Когда наконец принесли меня из больницы, Бетя ткнул мне в глаз пальцем и сказал: «Гага». С тех пор Гагой, Гагочкой я оставался добрую треть жизни. Даже имея паспорт с официальным именем, был для окружающих и своих Гагой.

И вот мы оказались на вокзале Перми-II между местных немолкаемых цыган и демобилизованных. Какая-то девочка лет пяти, еще не ведая стыда и не чувствуя холода, предлагала всем странникам купить у нее флакон от одеколона. Половинки солдат на «самокатках» пели песни почти до утра:

*А на груди у сестры умирает
Гордый красавец моряк.*

Подавали им хлеб, сахар, луковицы. Деньги давали торопливо, стыдливо — что они значили после войны, да и что на них можно взять ночью?

*Я был партизанский разведчик,
А он — писаришка штабной.
Я был за Россию ответчик,
А он спал с моею женой.
Однажды в студеную пору
Вернулся я с фронта домой,
Залез под кровать невзначайно,
А там писаришка штабной.*

Хрум-хрум, — на зубах поданная луковица вместе с шелухой.

*Я бил его в белые груди,
Срывая с груди ордена!
О, добрые русские люди,
Родная моя сторона!*

Спекулянтки, как старые орлицы, сидели, вкогтившись, на мешках с крахмалом или семечками. Мало кого с вагонной подножки ожидал дом. Большинство меняло место на место, пространство на пространство. Милиционеры, в отличие от разгулявшихся тыловых крыс, были умирительными-вежливы. Такими же покладисто-общительными и доброжелательными, несмотря на ежесуточный окружающий хаос, были и железнодорожники. Редко кто в сердцах огрызнется. Многие люди тогда были неправдоподобно хорошими, как их и описывают в книжках.

Мама подложила под наши попки свою телогрейку, баба Оля с мамой сели на наши «вещи». Мама открыла банку свиной тушенки и изрезала всю булку хлеба. Бетька сразу вцепился в кусок, а я откусывал, как крысенок, деликатно и все исподтишка любовался матерью, стыдась своего косоглазия. За это меня потом прозвали «тихой сапой».

Срубили лес, выворотили пни и корни — всё залили чем-то, что даже капуста и картошка там не росли. Один иван-чай разрастался — хрупкий и победоносный, застилая все пространство.

Построили тогда на этом месте детдом, кожно-венерологический диспансер, общежитие на шестьдесят персон общего пола для учащихся горно-химического техникума, почту. Святое место не бывает пусто. Маленький магазинчик служил людям верой и правдой. Тихоокеанская селедка, словно домашний хлеб, кабачковая икра, безоберточные конфеты, лапша, водка на разлив и вынос, штучные папиросы и целиком «Северная пальмира», махорка — всё было здесь, что душеньке угодно. Но самое главное в том, что торговал Карлуша — Карл Карлович, и всем (пока его не сняли) продавал в долг.

Это лишь одна из прелестей Ждановских полей. Там умели ставить брагу, и десять двухэтажных барачков ходили ходуном...

По младости лет я-то думал, что Ждановские поля называются так потому, что каждый год выбирают от нашего района в Верховный Совет Жданова и министра почтовой связи. Лишь потом, вовсе состарившись, постиг я, что вся наша жизнь — надежда, что вот так и проживем мы, чего-то ожидаючи, а чего именно — неизвестно. И все-таки всю жизнь мы ждуть не перестаем. И может, это синонимы — жизнь и ожидание, хоть и под вечным страхом. А все равно: мы ведь не живем, если говорить правду, мы все время ожидаем жизни. Вот она и есть Ждановские поля, а там за ними...

Наш барачок стоял у самой зоны, у самых ворот лагеря, у самой вспаханной земли, где ни одно семечко не проросло. На ней должны отпечатываться следы убегающих летом; зимой отпечатки ног оставлял снег. Сначала в лагерных бараках жили тени малолетних преступников — именно тени, качавшиеся от слабого ветерка, тел у них не было. Потом их пересылали дальше к северу, как и многих осужденных. Я их не запомнил по отдельности, а вот массу помню. Потом в зоне жили «русские соколки» — бандюги, власовцы. К этим неприязнь у меня до сих пор. Когда мы ехали в кузове грузовика в лес за ягодами, нас в глуши то и дело останавливали — искали беглых «сокольников». Солдаты из засад, изъеденные паутами, всё же по-детски или деловито улыбались красивым женщинам в кузове. И уж потом в лагерных бараках появились ненавистные немцы. Самодовольные, толстомордые, они возвращались вечером с работы и пели армейские марши. И никто из конвойных на них не покрикивал. И казалось, что не мы, а они освобождали нашу землю, и на плечах у них были снопы цветущей черемухи, и ни на одном лице не было раскаяния. Из дипломатических соображений их кормили лучше всех — ни калеги, ни турнепса, а лучшая белая мука, шоколад и прочее. Разумеется, они писали домой, что нигде, никогда им не было так хорошо, как у нас в плену.

А наш барак, повторяю, стоял рядом с зоной. Половину его занимала лагерная охрана, другую — бывшие ээки, теперь строители номерных заводов. Из прочих живых существ нельзя забыть клопов, ну и безобидных тараканов. Гаже власовцев и немцев, отпечатанных в памяти, были крысы. Пойдешь в уборную, присядешь — а рядом, как охранники, столбиком две хомячины.

Однажды в золотом сосновом бору, где кроны вознесены в самое поднебесье, я натянул свой самодельный лук, и лучина-стрела с карандашным наконечником, осталась у меня в мякоти ладони. Я хотел подстрелить глухаря, но теперь было не до дичи. Я обломил оба конца стрелы, но вытащить оставшуюся в ладони середину не смог, и ладонь на другой день распухла. Меня повели в зону «делать операцию». Когда немец-хирург разрезал мне перочинным ножиком ладонь и вцепился в мясо, не было мне больно. Но уже тогда, в восьмилетке, промелькнула мысль: «Что ж ты как фашист рвёшь, не успокоил меня заранее, не усадил на табуретку, не сказал: потерпи?» Но он сделал перевязку, и стало совсем не больно. А когда я вышел из санпункта, вдруг заметил, как белоснежны у немцев бараки, какие под окнами растут елочки, как всё вокруг посыпано незапятнанным песочком...

Задумываясь сейчас о том времени, я мало кого могу вспомнить, кроме детей и женщин. Были, конечно, и мужчины, но как плотники, суфлёры, парикмахеры, осветители жизненной сцены. Война еще долго продолжалась после победного салюта, а может, и до сих пор не кончилась. Мужиков было маловато, но откуда-то бралась и кишмя кишела детвора. Все десять барачков, все Ждановские поля собирались в нашем коридоре по вечерам. Странно, что никто не писал о равновесии детского благородства и садизма... Но жестокости в нас хватало. Моя баба Оля положила этому конец. «Тихая сапа, клешня, инквизитор!» — кем только ни обзывала меня, когда я разбил нос дистрофичному Чекушке. Потом одела Чекушку в зимние обноски, из которых мы с братом выросли, и все мы отправились в клуб на «Зигмунда Колосовского».

Как-то зимой, уже ближе к пасхальному свету, мать пошла менять довоенное пальто на картошку. А хлеб по кусочкам тогда продавали, и нечему тут удивляться в наше благополучное время. Взяла на рынок меня; может, оттого, что ребенок — хорошая примета.

Но мать не хотела, чтобы я с малолетства познавал жестокий порядок жизни, и я тоже делал вид, что ем только пастилу и вермишель с рисом. Эта манера скрывать свои личные несчастья друг от друга у нас до сих пор, слава богу, сохранилась.

— Стой здесь, — сказала она у входа, — и не смей никуда уходить. Я скоро вернусь.

Но скучно мне было стоять на одном месте, и я потихоньку-помаленьку стал двигаться по следам исчезнувшей матери. И тут же попал в незабвенное сказочное царство. К «мотокостыльникам» приветливо наклонялись девушки с подпаленными кудряшками. У прилавка с самодельными конфетами и петушками я мужественно глотал слюнки, отворачивался. Впрочем, рынок и притупляет и усыпляет любой ненасытный голод...

Облапошивали людей наперсточники, шнурочники, привлекал внимание мужик с оголенной грудью, на которой было выколото: «Измена Васе — конец Надежде»; тетка в монашеском платье продавала химический карандаш и штучные папиросы, мальчик продавал байковое одеяло, уговаривая всех не брать его, потому что оно ветхое... Окаймляли рынок всякие мелкие заведения: продажа гребешков и зубных щеток, багетов и обоев, парикмахерская, закусочная и четыре (не вру!) фотоателье. И вот на рынок движется похоронная процессия, и уж ничего смешного здесь нет. Гроб был голубой. На торце, где ноги, было написано: «До свиданья, мама!» Было время, когда не допускались аборты. Многие женщины от этого гибли. Фотограф со своим «фотокором» не выскочил на дорогу, дождался, когда гроб окажется прямо у ателье.

...Мать чудом нашла меня в дикой толкучке.

В школу я пошел не с ровесниками. Из-за военных передраг, переездов я упустил свой школьный возраст. Пришлось идти сразу во второй класс. Когда в конце учебного года мне выдали табель с одними тройками, я долго плакал от неведомого счастья. Вдруг нам объявили, что все мы поедем в пионерский лагерь. Это была несказанная гордость. Во-первых, мы еще не были пионерами, а вроде стали, во-вторых, — там лучше кормят.

В лагере всё началось со шмона. Отобрали спички и папиросы.

Я курю со второго класса. Курил и в шахте калийного рудника, где при внезапном выбросе метана, попади в него искорка, и следа от тебя не останется. Карают за это строже всего».

На советскую власть у Нины Вадимовны не было ни малейшей обиды, наоборот, она растила своих детей в истинно коммунистическом духе. Иначе и быть не могло: вокруг столько людей самых разных возрастов, наций, религий, — и все они как одна семья. «Никто не жил для себя, не было такой потребности. И не было сомнений друг в друге и в своей Родине. Человеческая жизнь смыслом своим совпадала с государственной

обязанностью отвечать за эту жизнь. Это было не насильственное сочетание, и оно не тяготило. Пустой живот, а люди счастливы! Потому и умирали не часто», — напишет позже Алексей Решетов.

Жизнь постепенно налаживалась. Уходили в прошлое комендатуры и лагерные зоны. Решетовы переехали в Березники на калийный рудник. Нина Вадимовна работала инженером в стройуправлении, получила квартиру в красивом «сталинском» доме. Алексей учился в техникуме, Бетал — в Московском университете. В это же время Алексей начал писать стихи. Как расскажет потом: «Мама аккуратно перепечатывала их на машинке, но большого восторга не проявляла. Время было такое, что всё потаенное человеческое принималось скорее как аномальность. Друзья мои тоже писали стихи, учиться нам было не у кого, «поэты» учились один у другого. Я долго топтался на одном месте, но всё же понял, что самая большая ценность в поэзии и в любом творчестве — это человек, сокровенность человека, а творчество — это попытка воздать тебе данное Богом, бессознательное желание отблагодарить за то, что жил в одно время вот с этими людьми, травами, букашками...»

«Нам, поступившим в техникум, выдали новенькие шинели — с черными бархатными петлицами и васильковыми кантиками. Запах грубого сукна нравился мне с раннего детства, когда солдаты брали нас на руки или сажали на колени... Я долго боялся признаться матери, не желая огорчить ее, что курю. Обнаружилось же это довольно забавно и неожиданно. Мне отчаянно хотелось доказать, какой я уже сильный, взрослый, для чего я научился висеть на турнике на согнутых в коленях ногах и, раскачавшись, вставить на ноги. И вот, когда я показывал матери свою неустрашимость и ловкость, вися вниз головой, из кармана посыпалась махорка, а из другого выпали спички фабрики «Белка».

Наш литкружок. Я, по общему мнению, подражал Есенину — печатать мои стихи в газетах не стоит. Газета должна быть читабельной и боевитой. И впервые я подумал: и что мы всё выдумываем, чего с нами не было, чего и вообще не бывает на белом свете? Стыдимся себя? Боимся показаться скучными и глупыми? Почему же никто не скажет, что писателем надо родиться?

Китайцы говорят, что женщина — не женщина, если в ней нет «поди сюда», магнитной, притягательной силы. В литературе тоже должна быть эта сила — «поди сюда». Можно писать «читабельно и боевито», но «поди сюда» — это от Бога! Повод и материал для писания должна поставлять сама жизнь наша, когда невозможно другим способом уйти от своих чувств, разобрататься в своих мыслях. Все мои стихотворения — из жизни,

---

Вот и ручей запел под снегом тонко
О том, что зелень смотрится в него.
Так мама вышивала распашонку
Задолго до рожденья моего.

* * *

За окошком вечер зимний.
Сорок третий год.
И стучит машинка «Зингер» —
Баба Оля шьёт.
Шьёт соседке-продавщице
Платье-кимоно.
За работу будет пища —
Хлеб или пшено.
Слабо греет керосинка,
Пальцы сводит хлад.
Но стучит машинка «Зингер»:
Внуки есть хотят.
Крест. Могильные былинки.
Тьма средь ясных дней.
Но стучит машинка «Зингер»
В памяти моей.

* * *

Потерпи, дорогая,
Не вздыхай, не грусти.
Не всегда, полагаю,
Будет нам не везти.
Теплотою весенней
Зимний сменится хлад.
Близ беды и спасенье —
Мудрецы говорят.

* * *

В войну количество волков
Намного возросло,
Поскольку множество стрелков
Из сел на фронт ушло.
Как госпитальных коек бязь,
Был смят повсюду снег,
И волки шастали, боясь
Лишь бабьих красных век.

---

* * *

Ты легким светом вся озарена,
Ты вовсе не такая, как другие,
Ты у меня, как Родина, одна —
Жизнь без тебя страшна, как ностальгия.
И снится мне: качаются цветы,
И белый аист нам несет ребенка,
И голову закидываешь ты,
И на поляну падает гребенка.

* * *

Родная! Опять високосная стужа
Хватает за горло средь белого дня.
Пойди за меня, назови меня мужем,
Вдвоем веселее. Пойди за меня!
Я буду вставать далеко до восхода
И ну — за работу, судьбу не кляня.
Я буду кормить тебя ивовым медом
И хлебом пшеничным. Пойди за меня!
Не варит мне матушка зелья — забыться,
Не дарит мне батюшка резва коня
Лететь и лететь во весь дух — и разбиться
О камень горячий. Пойди за меня!

МОЙ БРАТ

Мой брат, твой адрес —
Кладбище, бурьян,
Земля сырая, мир потусторонний.
Когда тебе из наших дальних стран
Снесут письмо усталые вороны?
Когда расскажут липы на ветру,
Что ни одна звезда не почернела,
И теплый хлеб нас будит поутру,
И нет у жизни края и предела?
Мой милый брат, ты — дома,
я в гостях,
Мне здесь, в гостях, то весело,
то грустно.
Когда же я тебе о новостях
Поведаю не письменно, а устно?

---

* * *

Убитым хочется дышать.
Я был убит однажды горем
И не забыл, как спазмы в горле
Дыханью начали мешать.
Убитым хочется дышать.
Лежат бойцы в земле глубоко,
И тяжело им ощущать
Утрату выдоха и вдоха.
Плоточек воздуха бы им
На все их роты, все их части,
Они бы плакали над ним,
Они бы умерли от счастья!

* * *

Ты молода, мой друг, а я поэт,
И, стало быть, мне много тысяч лет.
Я много раз рождался и старел
И на высоком пламени горел.
Ты молода, а на мое чело
Извечное страдание легло.
И вот опять всю ночь пишу стихи,
А за окном — вторые петухи.
И от вторых до третьих петухов
Не более полутора веков.

* * *

Я снова русской осенью дышу,
Брожу под серым солнышком осенним,
Сухой цветок отыскиваю в сене
И просто так держу его, держу.
Я говорю: отыскивай, смотри,
Пока не в тягость дальняя дорожка,
Пока вкусна печеная картошка
С еще сырым колесиком внутри.
А между тем зима недалеко,
Уже глаза озер осенних смеркли,
Лишь вены на опущенных руках
Еще журчат, еще перечат смерти.

Не бойся, мама, мы одни
На этом кладбище жестоком.
Уж сколько лет, не знаю сам,
Скребётся вьюга по окошку.
А ты всё бродишь по лесам,
Сбираешь ягоду морошку...

* * *

Когда прощально кружат журавли
Над отдаленным призрачным строением
И лесом, лиловеющем вдали,
Я полон журавлиным настроением.
Мой серый взор стремится в синеву,
И тяжело, и слабо машут веки,
И сам подобно журавлю-калеке
Я падаю в осеннюю траву,
Я припадаю к матери-земле,
И вместе с ней горюю и мечтаю,
И привыкаю к медленной зиме,
И самообладанье обретаю.
Так славься та великая печаль,
Которая на лице человека
Стирает безмятежности печать
И мужеству предшествует от века.

* * *

Нет, ты любовью не зови
То, что на самом деле было
Простым предчувствием любви:
Не замело, не ослепило.
Ведь на пустой осенний берег
И воду черную у берега
Сначала падает не снег,
А только слабый запах снега.

* * *

Не искал, где живётся получше,
Не молился чужим парусам:
За морями телушка — полушка,
Да невесело русским глазам.

Может быть, и в живых я остался,
И беда не накрыла волной
Оттого, что упрямо хватался
За соломинку с крыши родной.

МАТЬ ЖЕРЕБЕНКА

Брела на огни городов,
Бурлачила в роще и в поле.
Возила по тридцать пудов, —
Зимой, почитай, и поболе.
Уже засыпая почти,
Безвкусной соломой хрустела...
И всё не могла понести,
А так жеребенка хотела!
И все-таки ей повезло,
И вот у нее жеребенок,
Такой золотой, что село
Плядит, как на солнце, спросонок.
Он вырос, он в силу вошел.
Он важных начальников возит.
Роскошная грива — как шелк,
И ноги не вязнут в навозе.
Она еще издали ржет,
Его заприметив случайно.
И долго, старательно лжет,
Что тоже живет
беспечально.

* * *

Любимая, что ты наделала?
Зачем мне чужая судьба?
Зачем я в окошко зальделое
Взглянул и увидел тебя?
Зачем одинокому узнику
Суровых, насмешливых книг
Такая волшебная музыка
Шагов мимолетных твоих?
И эти озябшие рученьки,
И очи, как звёзды во мгле.
Давно уж друзья мои лучшие
Меня ожидают в земле.
Зачем старику окаянному
Метаться, как пламя, в избе

И, словно ребенку желанному,
Придумывать имя тебе?

* * *

Собрать бы последние силы,
Склониться над белым листом
И так написать о России,
Как пишут о самом святом.
Она тебе зла не попомнит.
Попросишь прощенья — простит,
Настанет твой час — похоронит.
Придет пора — воскресит.

* * *

Не плачьте обо мне. Я был счастливый малый.
Я тридцать лет копал подземную руду.
Обвалами друзей моих поубивало —
А я еще живу, еще чего-то жду.
Не плачьте обо мне. Меня любили девы.
Являлись по ночам, чаруя и пьяня
Не за мои рубли, не за мои напевы,
И ни одна из них не предала меня.
Не плачьте обо мне. Я сын «врагов народа»
В тридцать седьмом году поставленных к стене.
В стране, где столько лет «отсутствует свобода»,
Я всё еще живу — не плачьте обо мне.

* * *

Читатель милый, книгу эту
Я очень медленно писал, —
Так ствол выносит листья к свету,
Так образуется кристалл.
Увы, кристалл мой слаб и мутен,
Увы, листья мои горьки,
Увы, от истины, от сути
Мои догадки далеки.
Но я пытаюсь жить для ближних,
И пусть вся жизнь моя — провал,
Я никогда на рынках книжных
Душой своей не торговал.

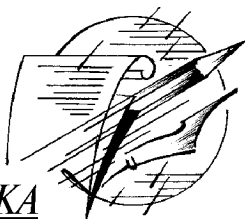
ЮВЕНАЛЬНЫЕ ВРЕМЕНА

3 июля 2016 года в России был окончательно принят закон «о шлепках», вызвавший огромный общественный резонанс.

Официально закон называется «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и предполагает декриминализацию, т.е. отмену уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести.

Закон был подготовлен в ответ на просьбу президента России, высказанную им в послании Федеральному собранию в декабре 2015 года, поддержать инициативу Верховного суда о декриминализации уголовного законодательства.

В первом чтении законопроект № 953369-6 действительно содержал позиции «экономии уголовной репрессии», но уже ко второму чтению с ним стали происходить «чудесные» изменения, в результате которых в статье 116 внезапно возник диаметрально противоположный смысл, появилось абсурдное и нелогичное наказание: за большее преступление

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

— максимально мягкое, за малое преступление — чрезвычайно суровое, и, самое главное, образовался новый, никогда ранее не существовавший субъект преступности — «близкое лицо»,

Содержание этого понятия раскрывается там же: «Под близкими лицами в настоящей статье понимаются близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьёй, или лица, ведущие с ним общее хозяйство».

Родственник — значит преступник

Впервые в Уголовном кодексе появился новый, специальный состав преступлений, приравненный к преступлениям, совершённым «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды» — это преступления в отношении членов семьи, близких родственников и свойственников.

И впервые за «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль (а степень выраженности и интенсивность боли законом не оговаривается), но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, в отношении близких лиц», законом было установлено весьма серьёзное наказание.

Итак, за причинение физической боли без последствий, в том числе за шлепок или наказание ребёнка ремнём, родители будут ожидать «обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо ограничение свободы на срок до одного года, либо принудительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до двух лет».

Это прямо указывает на репрессивный характер законопроекта по отношению к социальной группе под названием «родители»; такая норма позволяет лишать свободы тех из родителей, кто посмеет наказать ребёнка «без вреда его здоровью», что может подразумевать символическое наказание ремнём или даже банальный шлепок.

Ещё одна чрезвычайно важная поправка в тексте закона — в ст. 20 УПК — переводит побои из дел частного обвинения в дела частно-публичного обвинения. Это означает, что у правоохранительных органов, обязанных прекращать дела о по-

---

боях между родственниками в связи с примирением сторон, после принятия поправок такой обязанности не будет, и любое подобное дело, даже будучи начатым по заявлению пострадавшего лица, ни под каким предлогом прекращено не будет. Другими словами, попал по любому, даже ложному доносу под прицел, заявила скандальная соседка, что ты жену избиваешь или над ребёнком измываешься — маховик запускается, и суд неизбежен, даже если в итоге ни у кого никаких претензий к тебе нет.

Несмотря на законы

Антисемейные поправки законопроекта уничтожают конституционное право родителей на воспитание детей (ст. 38), нарушают ст. 63 Семейного кодекса РФ, которая гласит, что «родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей; родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей», нарушают раздел III Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года (утв. Распоряжением правительства РФ от 25 августа 2014 г. №1618-р), которая требует «создания условий для повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи».

Новая редакция указанных статей закона также вступает в грубое противоречие с п. 76, 78 Стратегии национальной безопасности (Указ президента № 683 от 31.12.2015 г.), согласно которым защита семьи и сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей отнесены к «стратегическим целям обеспечения национальной безопасности».

В национальной традиции нашего народа есть право родителей на ограниченное, с любовью, физическое наказание ребёнка в случае его упорного непослушания и хамства, что определяется свидетельствами Священного Писания и подтверждается накопленным педагогическим опытом.

Как зовут ошибку

Принятие указанных поправок в ст. 116 УК и ст.20 УПК — громадная трагическая ошибка для государства, для общества, для нации. Когда-то уже было сказано, что «у каждой ошибки должны быть фамилия, имя и отчество», и значит, для её исправления есть смысл назвать поимённо лиц, к ней причастных.

Список открывает председатель Комитета Государствен-

ной думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Павел Крашенинников, который и внёс во второе чтение законопроект № 953369-6 скандальные поправки.

Это действие для него вовсе не было случайным: ещё в далёком 2007 году депутат Крашенинников единолично внёс в Государственную думу самый настоящий ювенальный законопроект № 485737-4 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в части уточнения порядка отобрания ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью) и два года добивался его принятия.

Законопроект предусматривал введение ускоренного порядка отобрания ребёнка у родителей — в трёхдневный срок, в закрытом судебном заседании, и только огромным напряжением сил равнодушной общественности и даже ряда думских депутатов удалось остановить его принятие.

Нынешние поправки, внесённые Крашенинниковым — это элементы пресловутого закона «О семейно-бытовом насилии», который лоббисты ювенальной юстиции организовано и массово продавливали в течение нескольких последних лет.

Среди особо активных лоббистов закона о насилии в семье в первую очередь следует отметить председателя Общественного Совета по правам человека Михаила Федотова и его соратников, в частности, Светлану Айвазову, а также думского депутата Салию Мурзабаеву и её рабочую группу по разработке закона: юриста Мари Давтян, эксперта Светлану Айвазову (всё ту же) и др. при самой активной поддержке сенатора Валентины Петренко.

Сражение сенаторов

Голосование по законопроекту № 953369-6 в Совете Федерации 29 июня 2016 г. обозначило новых «игроков» на ювенальном поле: представлял законопроект сенатор Андрей Клишас, который горячо защищал правильность антиродительских поправок и утверждал, что «это — важный закон, направленный на защиту традиционных ценностей»; сенатор Ольга Ковитиди предложила «сначала посмотреть правоприменительную практику» (то есть в порядке эксперимента отправить десяток-другой родителей в тюрьму), поскольку, по её мнению, «закон своевременный и правильный»; не осталась в стороне и сенатор Валентина Петренко, которая призвала «не допустить того, чтобы избивались дети»,

---

и «не опуститься до первобытного строя, когда можно было ещё и съесть человека или там ребёнка»; сенатор Лилия Гумерова, уже отметившаяся ранее защитой т.н. беби-боксов, призвала срочно ввести «правосудие, дружественное к детям», и обвинила общественность, выступающую против обсуждаемого законопроекта, в том, что в отличие от неё самой, «они (общественники) ничего общего с защитой детства не имеют»; сенатор Людмила Косткина утверждала, что «насилие в семье — огромная проблема для Российской Федерации», и поэтому закон нужно срочно принимать.

О своём несогласии с законопроектом с разной степенью эмоциональности на заседании заявили сенаторы Светлана Горячева, Вячеслав Мархаев, Елена Мизулина, и их выступления стали причиной раздражения и даже гнева сенаторов Клишаса и Петренко.

Обсуждение носило бурный характер, и, подводя его итоги, спикер Валентина Матвиенко предложила закон срочно принять, а по указанным статьям создать согласительную комиссию (предложение С.Горячевой) и включить в неё для работы сенаторов А.Клишаса и Е.Мизулину, чтобы обсудить противоречия и подготовить поправки в ст. 116 УК и 20 УПК, «конечно, если в ходе работы комиссии выяснится, что они всё-таки нужны».

О компетентности

Сенаторы, выступавшие за ювенальные поправки, демонстрировали удивительную неосведомлённость в данном вопросе. Так, излишней для них будет информация, что «правосудие, дружественное ребёнку» — понятие, которое ювенальные лobbисты во всём мире употребляют именно для обозначения ювенальной юстиции с целью придания ей подобия некоего благообразия. Это понятие — безошибочный ювенальный маркер, и такие вещи сенаторам, обсуждающим ювенальные законы, знать необходимо, а не знать — стыдно.

Также ни одному политику не делают чести ходульные фразы типа «может, ещё позволим есть детей» или ювенальные штампы «семья — это место насилия» и «ужасающая статистика насилия в российских семьях».

Неосведомлённость, некомпетентность, отсутствие достоверной информации и «каша в голове» из хаотичных представлений о предмете разговора характерна и для других сенаторов. Так, Антон Беляков, неожиданно выступивший против скандальных поправок, заявил, что хотя сам и является одним из авторов закона о семейно-бытовом насилии, раз-

---

работанного вместе с Общественным Советом по правам человека, но в данных поправках он как раз видит признаки ювенальной юстиции и поэтому выступает против них. Понять, что обсуждаемые ювенальные поправки — всего лишь часть разработанного им же закона о семейно-бытовом насилии, для сенатора оказалось сложно.

Ювенальная эпоха

Итак, в России впервые принят самый настоящий и неприкрытый ювенальный закон, и нужно признать, что общественность не успела отразить этот удар.

Российское общество вошло в новую стадию развития; впереди — отмена презумпции невиновности, массовая дискриминация социальной группы под названием «родители», официальное огосударствление детей.

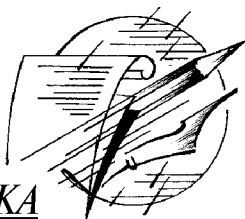
Началась ювенальная эпоха, и отныне родителям будет запрещено самим воспитывать своих детей, самим выбирать способы воспитательного воздействия в зависимости от ситуации и необходимости и самим решать, что хорошо, а что плохо для их ребёнка. Всё это им теперь расскажут суровые и властные тётеньки из органов опеки, которые потребуют беспрекословного исполнения родителями каждой буквы из их новых инструкций и будут зорко выискивать самые маленькие намёки на синяки у их непоседливых детишек.

Институт семьи в России ждёт уничтожение воспитательной традиции, разрыв эмоциональных связей, потеря контроля над детьми, разрушение иерархии отношений, вынужденный детоцентризм, прагматизм и узаконенное потребление.

В стране будет создан механизм жёсткого репрессивного контроля над семьёй, станет расширяться институт социального сиротства. Как следствие, государство неизбежно встретится с атомизацией общества и враждебностью населения.

ЗРАДА, ГАНЬБА, ПЕРЕМОГА...

На Украине праздник: из заключения вернулась Надя Савченко. «Дядя Надя», как «окрестили» её на просторах интернета. Уже в день возвращения «дядя Надя» успела многое: произнесла истерическую речь на ридной мове, нахамила Ю. Тимошенко, призвала россиян подняться с колен, предрекла России майдан и войну, получила звание героя Украины, умилила президента Порошенко, затребовала два литра водки и пообещала продолжить «убивать русню». Радость по поводу возвращения «дяди Нади» и вообще весь ажиотаж можно, конечно, объяснить шумихой, поднятой вокруг имени этой несчастной, больной женщины. Но, думается, дело не только в шумихе. Так уж повелось, что многие украинцы живут в параллельном мире. В этом параллельном мире их постоянно унижает и угнетает Россия. Каждая акция неповиновения, каждый пример противостояния, а то и отпора «угнетателям» становятся поводом для гордости и ликования. Между тем русский историк Н.И. Ульянов отмечал, что единственным образцом «угнетения» могут считаться указы 1863 и 1876 гг., которые, однако, *«не воспринимались на-*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

селением как национальное преследование». Что же это за указы и чем всё-таки Россия так обидела Украину?

Обратившись к истории этого края, кто угодно будет недоумевать: всё, происходящее там ныне, похоже как две капли воды на происходившее в XVII и XVIII вв. Только вместо Ивашки Выговского да Юраськи Хмельницкого мелькают иные имена и лица. Не впервой Киеву клеймить Москву, обвиняя в притеснениях и унижениях. Москвичи ещё толком не успели появиться на Украине, как местная старшина, опасаясь, что новоприбывшие воеводы заставят делиться властью, принялась распускать слухи, что царь принудит носить лапти и угонит в Сибирь. Два года назад на майдане тоже пугали Сибирью, даже Таможенный Союз обозвали «Таёжным».

О «притеснениях» «вільной України» «варварской Московией» сохранилось немало свидетельств. Приведём в качестве примера слова Петра I: *«Можем непотыдно рещи, что некоторый народ под солнцем такими свободами и привилегиями и легкостю похвалитися не может, как по нашей царского величества милости малороссийский, ибо не единого пенязя в казну нашу во всём малороссийском краю с них брать мы не повелеваем»;* а также выдержку из екатерининского документа: *«От сей толь обширной, многолюдной и многими полезными произращениями преизобильной провинции в казну государственную (чему едва кто поверить может) доходов никаких нет. Сие однакож так подлинно, что напротив того еще отсюда отпускается туда по сороку восьми тысяч рублей». Н.И. Ульянов* полагает, что Пётр Алексеевич ошибался только в одном: свободами и привилегиями пользовался не весь малороссийский народ, а лишь казацкая верхушка, обиравшая своих соплеменников не хуже шляхтичей. При том, что Москва никаких доходов с Малороссии не получала, край отличался неустроенностью и наличием в то же время сказочных богачей, разжившихся в самые короткие сроки. Вчерашние запорожские голодранцы вдруг становились обладателями несметных сокровищ. В основе этого феномена историки видят насилие и воровство.

Никаких притеснений со стороны Москвы эти оборотистые люди не знали. Москва попросту не вмешивалась в малороссийские дела. В XVII—XVIII вв. государство российское было ещё так слабо, так неустроено после Смуты и войн, что до наведения порядка, до притеснений буйных и неверных казаков у него не доходили руки. Зато неутомимые казаченьки не дремали и проявляли чудеса изобретательности. То вдруг, подавшись к полякам, распускали слухи, что это не

они, а царь московский «слил» Украину. То, перекинувшись к крымскому хану, заводили перед народом речи о том, что «*московский царь жён и детей ваших в лаптях лычных водить станет, а царь крымский в атласе, аксамите и сапогах турецких водить будет*». Видимо, тогдашние малороссийские девочки тоже имели слабость к кружевным трусикам. А то обвинят москалей, что те в городах «*всех жителей вырубили, не пощадив и малых деток*». До голодомора пока не додумались, но, как видим, сказки о повальном истреблении украинцев москалями в ходу уже почти четыреста лет. Очевидно, существует такой древний малороссийский обычай: всякую свою измену объяснять московской тиранией.

Ещё одним поводом для причитаний и обвинений Москвы стал указ Екатерины II от 1783 г., якобы закабаливший крепостной зависимостью малороссийских крестьян, бывших до той поры совершенно свободными. Однако злополучный указ этот ничего принципиально нового в малороссийскую действительность не привнёс. Украинские крестьяне, бывшие когда-то собственностью шляхты, давно уже оказались в зависимости от собственных панов, тех самых недавних голодранцев, разбогатевших всеми правдами и неправдами. Так что указ екатерининский всего лишь упорядочивал существующее положение вещей, приводя взаимоотношения помещиков и крестьян к общеимперскому знаменателю. Процесс закабаления крестьян на Украине имел свои особенности, но главное в том, что не Москва принесла крепостное право в Малороссию, оно существовало там и до, и после Переяславской рады. Но история Малороссии романтизирована как никакая другая история. Так что человеку непосвящённому или воспитанному на современных украинских «исследованиях» она видится этакой картинкой, иллюстрирующей известное стихотворение А.К. Толстого:

*... Ты знаешь край, где нивы золотые
Испещрены лазурью васильков,
Среди степей курган времён Батя,
Вдали стада пасущихся волов,
Обозов скрип, ковры цветущей гречи
И вы, чубы — остатки славной Сечи?..*

Этакая преизобильная страна — цветущие вишни, полноводные реки, благородный, свободолюбивый народ, казаки, ратующие за торжество православия... А ложкой дёгтя — злодей-москаль. Но чуть отвлекшись от исторической беллетристики и *fantasy*, понимаешь, насколько всё это далеко от

действительности и насколько сегодняшнее положение вещей на Украине типично для этого края и значительной части его народа.

Приблизительно между Переяславской радой 1654 г. и тем самым указом Екатерины II происходило становление малороссийской знати и упрочение взаимоотношений разных слоёв малороссийского общества. Процессы эти историк А.Я. Ефименко описывала так: *«Насилие, захват, обман, вымогательство, взяточничество — вот содержание того волшебного котла, в котором перекипала более удачливая часть казачества, превращаясь в благородное дворянство»*. Что же касается закрепощения крестьян, то, по слову той же А.Я. Ефименко, совершилось это *«чисто фактическим, а не юридическим путём, без всякого, по крайней мере непосредственного, вмешательства государственной власти»*.

Потом на какое-то время обиды прекратились: исчезло казачество, некому стало присягать всем по очереди соседям, малороссы принялись активно участвовать в созидании империи наравне с великороссами. Всем нашлось и место, и дело в большом общем доме. Более того, Украина входит в моду, в столицах многие увлечены собиранием малороссийского фольклора, народных стихов и песен. В 1818 г. в Санкт-Петербурге выходит первая «Грамматика малороссийского наречия», автором которой был великоросс А.Павловский. Гоголь, Котляревский, Гребёнка, Шевченко тоже активно публикуются в Санкт-Петербурге. Гоголь в письме к матери сообщает из северной столицы: *«Здесь всех так занимает всё малороссийское...»*

Но эта петербургская идиллия могла бы усыпить кого угодно, но только не Польшу, которая и по сей день не отказывается от малороссийских вождедений. Ведь это именно поляки взялись продвигать панславистские идеи среди малороссов, внушая, что все славянские народы, включая «украинцев», должны иметь своё независимое государство. А уж потом всем независимым славянским государствам хорошо бы объединиться и создать славянскую федерацию. Правда, ставку в построении славянской федерации поляки отчего-то делали именно на «украинцев», точно видя в них столп и утверждение некой славянской истины. Западные братья, вроде чехов или хорватов, их интересовали гораздо меньше.

Влияние Польши на украинский национализм — разговор особый. При этом поляки не раз оказывали своим малороссийским подопечным медвежьи услуги. Например, в то время, когда решался вопрос о введении в малороссийских школах для народа преподавания на родном наречии, в Вар-

---

шаве, бывшей тогда в составе Российской империи, случился приступ национально-освободительной борьбы. И как только поляки подняли восстание, тут же выяснилось, что в борьбу планировалось вовлечь и украинцев, с каковой целью на юге империи распространялись брошюры и прокламации, отпечатанные на малороссийском наречии. В Петербурге недолго думали и 18 июля 1863 г. постановили, что кроме «изящной словесности», никаких других книг на малороссийском языке печатать впредь не стоит.

О постановлении 1863 г. вскоре забыли — спустя год оно уже не исполнялось. Зато в израненную украинскую память врезались слова министра внутренних дел П.А. Валуева о том, что якобы никакого малороссийского языка в природе не существует. Обычно эти выданные из контекста слова приводились как пример унижения москалями украинцев, которые ни о чём так не мечтали, как о развитии собственной письменности и культуры. Между тем эти обидные слова находятся в окружении других слов, так что всё вместе это выглядит вполне безобидно и не так уж бессмысленно-тоталитарно: *«Самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решён, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши, что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссов, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык...»* Кстати, правоту этого суждения подтвердили потом и М.П. Драгоманов, и М.С. Грушевский, сетовавший, что издаваемые им на мове книги, газеты и журналы никто не покупает.

Понятно, что ширый украинец ищет не истину, а поводы для обид. Поэтому о причинах появления валуевского указа 1863 г. он не станет доискиваться. Тем более что прошло не так уж много времени, и появился новый указ — Эмский, подписанный Александром II в немецком городе Бад-Эмсе. 30 мая 2016 г. исполняется сто сорок лет постановлению, запретившему не только печать, но и зрелища на украинском языке. Сегодня каждый сведомый знает, что делалось это с целью унижить национальное достоинство украинского народа, помешать его развитию и устранить таким образом политического, культурного и научного конкурента. Ведь от-

---

пусти Россия тогда же в XIX в. Украину на волю — случился бы в Европе интеллектуальный ядерный взрыв. Тысячи громодян и хуторян в щепу разнесли бы здание европейской науки, основав своё собственное, свидомо-незалежное.

Но если серьёзно, то Эмский указ вышел из недр самой Малороссии, поскольку инициатором совещания, выводы которого и легли в основу указа, стал М.В. Юзефович — малороссиянин и сторонник единой и неделимой России. Очень может быть, что призрак сепаратизма ему только почудился, когда он ознакомился с сочинениями на малороссийском языке, но то, что запретительная инициатива пришла не из Петербурга, — факт бесспорный, свидетельствующий о том, что далеко не все малороссияне изнемогали в борьбе за независимость от России. И когда сегодняшние украинцы утверждают, будто бы Эмский указ «стал завершением более чем двухсотлетней борьбы Москвы против Украины», им следует помнить, что пальму первенства в этой «борьбе» давно перехватил Петербург, да и Киев в стороне не остался.

Эмский указ стал своего рода чертой, разделившей российское общество на две партии. С одной стороны, украинофилы и вечно протестующая русская интеллигенция, с другой — противники украинского сепаратизма и просто безразличные к украинomanии люди, которые в то время составляли уверенное большинство.

Между тем кучка украинофилов, страдавших без книг и концертов на ридной мове, по-разному проявляла своё несогласие с новым ограничением. Многие вдруг полюбили Ивана Франко, жившего в Галиции и печатавшегося там на украинском языке. В мае 2016 г. отмечается столетие со дня смерти этого действительно талантливого и многостороннего человека. Современные галичане недолюбливают своего выдающегося соплеменника по причине его симпатий к России и русской литературе. Но после Эмского указа его стихи переписывались и заучивались наизусть, книги, привозимые в Киев небольшими партиями, моментально расходились.

Но случалось и то, что описывает Н.И. Ульянов: *«Надобно послушать рассказы старых украинцев, помнящих девяностые и девятисотые годы, чтобы понять всю жажду гонений, которую испытывало самостийничество того времени. Собравшись в праздник в городском саду либо на базарной площади, разряженные в национальные костюмы, «суспильники» с заговорщицким видом затягивали «Ой на горе та жнецы жнут»; потом с деланным страхом оглядывались по сторонам в ожидании полиции. Полиция не являлась. Тогда чей-нибудь зоркий*

глаз различал фигуру скучающего городского на посту — тако- го же хохла и, может быть, большого любителя народных пе- сен. «Полиция! Полиция!» Синие шаровары и пёстрые плахты устремлялись в бегство «никем не гонимы». Эта игра в пресле- дования означала неудовлетворённую потребность в пресле- дованиях реальных. Благодаря правительственным указам она была удовлетворена».

Среди тех, кто возмущался Эмским указом, был и М.П. Драгоманов. Указ коснулся его напрямую: именно благода- ря подозрениям в сепаратизме он расстался не только с Ки- евским университетом, но и с ридной ненькой, став полити- ческим эмигрантом. Между тем М.П. Драгоманов, будучи украинским патриотом, сторонником свободного обращения украинского языка, не был политическим сепаратистом. Напротив, он писал о том, что отделение Украины от России в отдельное государство совершенно не в интересах украин- ского народа. Вместо отделения он мечтал о таком преобра- зовании государства, о таком государственном строе, когда любой народ смог бы развивать свою литературу, свою му- зыку, свой театр и свою науку, когда будут сохраняться обы- чай разных народов, когда всестороннее народное развитие не будет ничем стеснено.

К ужасу всех свидетелей декоммунизаторов, воплощением мечты М.П. Драгоманова стал СССР. Во всех республиках изучался местный язык, все народы имели свои театры и свои академии, национальные художественные галереи и музеи родного края.

К сожалению, в советское время о национальной полити- ке мало писалось и говорилось. Например, тема украиниза- ции 20—30 гг. оставалась terra incognita. Возможно, поэтому начиная с перестройки этот пробел быстро заполнился раз- ного рода антисоветчиной, включая и антисоветчину свиде- мого толка. Сегодня появляются интересные исследования на эту тему. Например, «Феномен советской украинизации: 1920—1930 годы» историка Елены Борисёнок.

Процесс украинизации был непростым, имели место так называемые «перегибы». Русский язык временами беспощад- но выдавливался, что, конечно, вызывало у многих недоволь- ство и возмущение. Доходило временами и до абсурда. На- пример, Е.Ю. Борисёнок приводит письмо А.М. Горького писателю А.М. Слесаренко по поводу студента Иванова, исключённого из университета за приверженность русскому языку: *«Уважаемый Алексей Максимович! <...> Меня очень удивляет тот факт, что люди, ставя перед собой одну и ту же цель, не только утверждают различие наречий — стремятся*

сделать наречие «языком», но ещё и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия». Известно также и мнение И. В. Сталина относительно украинизации и её «перегибов»: «Можно и нужно украинизировать, соблюдая при этом известный темп, наши партийный, государственный и иные аппараты, обслуживающие население. Но нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнёта».

Допустим, что указами вроде Эмского царская власть действительно очень обижала украинцев. Но пришла советская власть, и украинцы, причём даже те, кому это и не нужно было, получили всё, о чём могли только мечтать: территорию, правительство, школы и университеты, театры и академии, прессу и литературу. А главное — язык. И что же?... Сегодня, привыкшие врать и жаловаться украинцы уверяют, что никакой украинизации не было. В советских школах украинский язык сам завёлся, и газеты с журналами на мове сами печатались вопреки повсеместной русификации. А ведь даже нынешняя украинская азбука существует на Украине благодаря советской власти. Об этом наверняка ещё вспомнят декоммунизаторы — неспроста же там ведутся разговоры о переходе на латиницу.

Даже русофоба Шевченко изучали советские школьники, выучивая зачем-то наизусть в пятом классе:

*Как умру, похороните
На Украине милой.
Посреди широкой степи
Выройте могилу,
Чтоб лежать мне на кургане.
Над рекой могучей,
Чтобы слышать, как бушует
Старый Днепр под кручей...*

(пер. А. Т. Твардовского)

О значении Тараса Григорьевича как поэта, творчество которого отсылает к роману И. С. Тургенева «Рудин», мы умолчим. Скажем только, что включение его поэзии в советскую образовательную программу — это не что иное, как дань уважения братскому народу, каким бы он ни был, каких бы стихов ни сочиняли его прославленные авторы.

Тарас Григорьевич был человеком, мягко говоря, странно-ватым, каким-то мечтательным мизантропом, веровавшим, как и сегодняшние его последователи, в сумрачную украинскую мечту с героическими гетманами, благородными казаками и злыми москалями, которые *«и свит Божий в путо закували»*. В известном смысле он был предшественником А.И. Солженицына, посвятившего себя «опыту художественного исследования» и воспевшего то, чего никогда не было. Правда, в отличие от Солженицына, Шевченко и сам верил в существование описываемого им мира. Он был типичным «узколобым националистом», человеком не очень сведущим, но очень увлечённым одной-единственной идеей и знать не желающим, насколько она верна и близка к истине. Но ещё при жизни украинофилы объявили его национальным гением, и в советское время его просто не могли обойти вниманием — как лучший представитель национальной литературы он был включён в школьную программу.

Но они опять недовольны. На сей раз своему бандеровско-кучмовскому предательству они нашли оправдание в голодоморе. Тот аргумент, что голод случается в любую эпоху и в любой стране, а государству с всеобщим бесплатным медицинским обслуживанием ни к чему морить своих граждан голодом, на них не действует. На них вообще ничего не действует, потому что ненависть — это смысл их существования, их национальная идея. Перестань они клясть москалей, и жизнь их станет пустой.

Говорят, будто Россия не «работала» с Украиной всё постсоветское время и оттого процвела там русофобия, подняла голову бандеровщина. Но едва ли могло появиться всё это на голом месте. В царское время действовали запретами, в советское — поощрением, сегодня вообще никак не действуют. Но они одинаково ненавидят любую Россию, хоть царскую, хоть советскую, хоть буржуазную. И сходство происходящего сегодня с происходившим во времена гетманщины не случайно. Н.И. Ульянов утверждал: *«Кто не понял хищной природы казачества (запорожского. — Ред.), кто смешивает его с беглым крестьянством, тот никогда не поймёт ни происхождения украинского сепаратизма, ни смысла события ему предшествовавшего в середине XVII в.»*. Происхождение казачества связано со степью. Это очень пёстрая среда, образованная слиянием степных народов с действительно беглыми крестьянами и прочим людом, искавшим воли. Ни о какой чистоте крови на Украине не может быть и речи — на перекрёстке всех дорог, каким был этот край с незапамятных времён, неоткуда взяться однородной нации. Но важно по-

---

мнить и то, что казаки и малороссийский народ — отнюдь не одно и то же. Казаки — это не просто хлопцы в шароварах, это особая каста со своим мировоззрением и мировосприятием. С давних пор на Украине существуют две силы: центробежная (казачество) и центростремительная (народ малороссийский). При этом усилившееся и активизировавшееся сегодня казачество активно вербует малороссию в свои ряды.

Примерно одно и то же повторяется в Малороссии уже триста шестьдесят лет. Всё те же измены и предательства, всё те же фейки или подмётные письма, всё те же гетманские универсалы, избличающие алчность и жестокость, варварство и чужеродность москалей. Ничего нового! Надеяться, что кому-то удастся прервать эту дурную бесконечность, наверное, не стоит. Единственным средством противостояния может стать просвещение: нужно как можно больше издавать и популяризировать материалы о подлинной, а не вымышленной истории этого края. Чтобы не было как с мальчиком из Керчи, рассказавшим о себе: *«Я родился в русскоязычной семье ватников. В детстве общался на русском. В 14 лет поехал на олимпиаду по украинскому языку в Сумах. Там подарили книжку про Степана Бандеру. Когда прочитал, начал со всеми говорить на украинском. Отец за это выгонял из дома, мать постоянно ругала. В военкомате тоже говорил на украинском. Меня положили в дурку. Но это не остановило. На крымских улицах говорил на родном языке, ходил в вышиванке и носил на рюкзаке значок с Шухевичем»*. Если бы этот мальчик прочитал правдивую книжку про Степана Бандеру, то, возможно, зачурался и занялся бы усиленным изучением родного языка. А малороссам, спокойно взиравшим, как на олимпиадах по украинскому языку детей одаривают книжками, от которых они попадают в «дурку», остаётся сказать только одно: доигрались вы со своими казаченьками.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС БАБЫ МАНИ

Рано утром баба Маня наскоро одевалась, пила чай с баранками и быстро, как могла, пробиралась к театру, к тому месту оцепления, от которого особенно хорошо была видна большая яркая афиша: «Норд-Ост». Тут она начинала ходить с иконкой в руках вдоль оцепления, вздыхая и роняя слезы. Рано или поздно на нее обращал внимание какой-нибудь журналист, спрашивал ее, кто она и отчего горюет. И вот уже через несколько минут она рассказывала в камеру, как ее единственная дочка, кровинушка, с внучком отправилась на спектакль, и вот теперь сидят они там под дулами злых чеченцев, а она тут горюет и покоя не знает...

Бабу Маню жалели, успокаивали, давали ей горячий кофе с холодными пирожками или подсохшими бутербродами, а иногда стыдливо совали и деньги. А она вспоминала, как хорошо было при советской власти, и расписывала журналистам свои старческие беды.

Поздно вечером усталая, едва держась на ногах, она убредала домой и засыпала со счастливой улыбкой на устах. А с утра вновь

ПРОЗА

спешила к театру, к всеобщему вниманию и сочувствию — рассказывать про дочку и внучка, которые в заложниках...

Дочка у бабы Мани была. Была и внучка. Только жили они далеко — на Дальнем Востоке, и в Москву не приезжали много лет. Когда дочка вышла замуж, баба Маня, тогда еще крепкая властная женщина, схоронившая двух мужей, отказалась принять дочкиного мужа, а тем более прописать его в своей московской огромными трудами нажитой квартире. Те помаялись-помаялись, да и уехали на Дальний Восток к родне мужа, где и осели. Но ни писать, ни звонить с тех пор дочка матери не стала.

Когда соседки спрашивали бабу Маню о дочке, та сурово поджимала губы: родную мать продала, на мужика променяла! Где-то в глубине души, глубоко-глубоко, на самом доньшке чувство неправоты трепыхалось замороженным птенчиком, но баба Маня сжимала губы, и птенчик пугался и замирал.

Звездный час бабы Мани быстро кончился. Театр штурмовали, террористов поубивали, и бабе Мане некуда стало приходиться. Одиночество навалилось с новой силой. Вечерами она пила чай с баранками, листала альбом с фотографиями, на которых была и еще маленькая и уже взрослая дочь, но не было внучки, и незаметно для себя плакала...

КТО-НИБУДЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО

Скользко. Очень скользко. Знал бы — сидел бы дома. Василий Егорович остановился у решетки кованого заборчика, ухватился за завиток и стоял, не решаясь шагнуть. Как еще сюда-то добрел. Не заметил спервоначалу, что асфальт покрылся прозрачным ледком. Не разглядел сослепу. Василий Егорович очень боялся сломать ногу. Особенно бедро. Шейку бедра. Поэтому гулял только с палочкой и очень медленно. Шейку бедра сломала его жена... Когда же это было? Год назад? Или пять лет? Что стало с временем, совершенно невозможно понять, когда что было. Жена лежала несколько месяцев. Врачи говорили: какая операция в таком возрасте! И тихонько, чтобы Люся не слышала: готовьтесь, шейка бедра в таком возрасте... И многозначительно закатывали глаза. А какой возраст? Она на пять лет младше Василия Егоровича. Люся всё понимала, но улыбалась Василию Егоровичу: ничего, ничего, срастётся... Василий Егорович запирался в ванной, включал воду и рыдал. Он привык к жене и не хотел без неё. Люся умерла месяца через четыре. Так что теперь Василий Егорович бережется.

Хуже всего в ноябре. То асфальт, то снег, то лёд. А то еще тонкий прозрачный ледок, вот как сейчас, почти незаметный. Идешь вроде по асфальту, а там лед!

Детей у них с Люсей не было, вот что плохо; и родных не осталось никого на свете. Друзья или поумерали, или вот так же, как он, выбирались иногда в хорошую погоду во двор — прогуляться от перекрестка до перекрестка. Хорошо, что магазин был в соседнем доме. И еще телефон. На телефоне, конечно, приходилось экономить, какая сейчас пенсия. А все ж, когда прижмет сердце, можно дозвониться до «Скорой», а если прижмет душу — до знакомых...

Совсем плохо стало, когда перестали приглашать на завод на праздники и юбилеи. Раньше хоть два-три раза в год, а приглашали. Сажали в президиум, давали грамоту, а потом, как положено, — за стол. Водочка, бутерброды хорошие, рыба... А теперь что-то совсем не то. Раз летом сам добрался до проходной — не пустили, спросил директора, а директор уж совсем другой; и завод-то, говорят, продали, московским кому-то. Вот времечко настало — целый завод продали, мыслимое ли дело?!

Что-то совсем перестал Василий Егорович понимать эту жизнь. Ну, как одеваются — это ерунда; молодежь всегда так: чем чудней, тем модней. Сам он, что ли, не распыливал брюки в немислимый клёш? А вот говорят всё больше непонятно; прислушаешься: вроде и по-русски, а ни черта не поймешь. Да...

Ноги озябли. Ходил Василий Егорович в летних полуботинках, а как похолодает, поддевал толстые шерстяные носки. Но весной куда-то спрятал их, да так и не смог вспомнить — куда. Можно бы купить новые у бабушек возле магазина, у них не магазинные, сами вяжут, хорошие носки. Но тоже — то забудет, то пенсия кончится...

Вот перчатки попались добротные, подарок. Подарили на заводе, когда еще приглашали, давно, а как новенькие...

Однако нужно было как-то идти, а Василий Егорович все не решался, очень боялся сломать ногу. А если еще и шейку бедра... У Люси был он. А у него никого...

Мимо шли люди — вечер, суббота — кто в магазин, кто в гости, кто так гуляет. Они с Люсей любили гулять; «для мотиона», Люся говорила... Машины по улице одна за одной, и все какие-то незнакомые, иномарки... Как там его «Москвичок» в гараже, с лета не ходил... Ноябрь самый противный месяц: не осень, не зима, холодно и неудобно. Рука на чугунной завитушке решетки замерзла и, перехватив тросточку, Василий Егорович взялся за решетку другой, не озябшей рукой.

Он вдруг с тоской почувствовал, что все вокруг не касается его. Как будто его уже и нет. Жизнь вокруг течет сама по себе, а он стоит тут сам по себе, словно выпал из действительности. Вот пройди сейчас кто-нибудь прямо сквозь него, а он и не удивится. Он зябко передернул плечами. Надо идти, но он все никак не мог оторваться от решетки.

— Вам нехорошо?

Василий Егорович вздрогнул. Повернул голову. Девушка. Смотрит, улыбается чуть озабоченно.

— Что-то случилось? Сердце?

— Да вот... — Василий Егорович запнулся. — Скользко...

— А-а. Давайте руку.. Ничего, ничего, я не тороплюсь. Вы ведь из тринадцатого? Я в соседнем подъезде живу. Вы не в магазин шли? Нет? Ну, давайте, потихоньку..

Кружка с горячим чаем согревала ладони, телевизор бормотал что-то про погоду, гудели тихонько батареи, тикал будильник, у соседей плакал грудничок. Василий Егорович смотрел в окно. Из черного неба медленно падали снежинки, вокруг дворового фонаря они красиво вихрились в легком хороводе. Во дворе чёрным по белому бегала и гулко лаяла собачонка. С высоты четвертого этажа она казалась таксой. Василий Егорович вспоминал свою прогулку и девушку, и думал: «Да нет, все те же люди... Вроде никому и дела до тебя нет... Но кто-нибудь обязательно поможет, если что. Обязательно...» И от чая, и от урчащей батареи, и еще от чего-то ему становилось тепло...

ВИТЁК

Осенью было проще всего. Осенью Витёк жил тем, что воровал в чужих садах яблоки и продавал их на трассе проезжим горожанам. Благо местность славилась своими яблоневыми садами, и не у одного, так у другого, не у другого, так у третьего хозяина урожай всегда был. Конечно, приходилось уходить подальше, поскольку на своей остановке, где торговали все сельские, могли и побить. Это только для несведущего глаза все яблочки одинаковые; хозяин сада враз узнавал произведение своих яблонь, и пару раз Витька лупили. Так что трясти яблоньки забирался он только к старикам или, наоборот, совсем беспечным молодым, а торговать уходил рано утром и подальше. Трасса была оживленной, и сидеть у обочины со своими ведрами Витьку подолгу не приходилось.

Деньги Витёк сразу нёс в «ларёк», где и затаривался «роденькой»; а потом пил, пил, пил. Закуску не покупал. Зачем, если есть яблоки. А уж если живот подводило, можно было накопать на колхозном поле картошки да отварить.

Работал Витёк только зимой: то дров кому поколет, то снег у правления расчистит, то поможет забить свинью. Хуже всего было весной — и подработки никакой, и кое-какие запасы безнадежно кончаются, а уж займы тем более никто не даст. И бывало, что голодал Витёк не по одному дню.

Когда-то была у него постоянная должность — тракторист. И, несмотря на пристрастие к выпивке, колхоз прощал ему его непутевость, жалея семью да ценя умелые руки. Но времена изменились, и новые, городские хозяева колхоза терпеть Виткины загулы не пожелали. К тому же дети выросли и уехали, а жена померла. В общем, выгнали Витька без выходного пособия. А он вроде не очень-то и расстроился. И жил он мечтой: получить пенсию. До пенсии было еще не близко, но сама перспектива получить её, пусть даже маленькую, грела душу. Вот об этом он и мечтал, сидя на чурбачке у обочины под щедрым осенним солнышком или под дырявым плащом в дождливый день.

В селе Витка сначала жалели, а потом возненавидели: здоровый мужик крадёт у пенсионеров. Предрекали ему, что однажды кто-нибудь застукает-таки его за воровством да пристрелит из старой двустволки, защищая частную собственность. Но ошиблись. Года за три до достижения пенсионного возраста Витёк попал под колеса автомашины. То ли сам Витёк был выпивши и вышел дальше положенного с обочины, то ли водитель зазевался, но помер несостоявшийся пенсионер ещё до приезда «Скорой».

Витька быстро и неряшливо похоронили, а водитель отправился на поселение или, как говорят в народе, «на химию» за неумышленное причинение смерти.

Сельские очень переживали и жалели. Не Витька, конечно, — водителя...

РЭКЕТИР

Не люблю я московские кафе. Особенно в центре. Даже не знаю, за что. Одни за пафос неоправданный и мозолящий глаза, другие за нарочитый поддельный — и довольно дорогой — демократизм, особенно не люблю американизированные забегаловки... Но тут — мороз под тридцать, над Москвой пар, даже вечная столичная слякоть куда-то подевалась,

---

стужа ест глаза, щиплет за всё, что не в одежке, да и сквозь одежку прохватывает. А еще в Интернет срочно нужно, как в туалет приспичило — дела. Зашёл.

Сел, кофею заказал, бутербродиков пару, нетбук распахнул... и чего-то задумался, засмотрелся. Сидит за столиком напротив мужик лет до пятидесяти, мощный, видно из бывших борцов-боксёров. Шея здоровая, уши битые, челюсть как у Шварценеггера. Сидит хмурый, вилкой чего-то ковыряет, вид такой, будто то ли он у кого чего отнять собирается, то ли у него что-то отняли. Хотя по одежке, по золотым «гайкам» на толстых волосатых пальцах видно, что жизнь удалась, да и «мерс» жемчужный у дверей не его ли стоит.

Вот я и раздумался: в девяностых, наверное, в рекетирах ходил, чей-то бизнес крышевал. Раз жив — значит, не в самых главных подвизался, раз упакован, стало быть, не в шестёрках бегал — в общем, повезло. Что ж вот только рожа такая недовольная. Видно, сущность такова человеческая — никогда досыта не бывает, всегда чего-то еще не хватает. И чем больше есть — тем больше надо...

И тут отвлекло меня что-то от мужика. Воробей. Перепархивает от столика к столику, высматривает, где крошки заваялись. Как он сюда попал-то? Я замер, он и на мой столик вспорхнул, не боится, освоился, крошку клюнул, уставился на меня своими черными бусинками.

— Как живёшь старина? Свезло тебе, такой мороз... Так зиму и переживёшь...

Не понравился ему что-то такой разговор, и он на соседний столик порхнул, к бывшему рекетиру.

Вот это зря — жахнет кулаком и всё, кучка перьев останется, да еще и официанта из-за тебя прибьет за допущенное безобразие.

А воробей чуть ли не в тарелку к рэкетиру влез, да еще чирикать начал. И сморю я — рэкетир вдруг расплылся в такой детской какой-то улыбке, замер и масляными глазами за птахой следит. И всё улыбается и улыбается.

Он, может быть, и неплохим человеком был, подумал я, когда-то... в детстве...

ГОРЕЧЬ ШИША

«Тойота» не завелась, такси вызвонить не удалось, и поневоле Егорову пришлось тащиться к автобусной остановке. Что за бестолочь пошла, думал он, трясясь в дребезжащем заледенелом «скотовозе», пытаюсь рассмотреть сквозь про-

---

мёрзшие окна, где едет. То одно, то другое, ведь предлагали же «вебасто» поставить, чего пожадничал, сейчас бы ехал в тёплой машине...

Через несколько остановок стало попросторнее, и Егорову даже досталось сидячее место. Он погрузился было в дрему — ехать было еще порядочно, но вдруг увидел нацарапанное на стекле, видно, монетой — «Горечь шиша!»

Хм, «горечь шиша»... Егоров задумался. Что значит «горечь шиша»? И какому только умнику эта дурасть пришла в голову — «горечь шиша». Вот же народ, лишь бы чего-нибудь попортить, лишь бы глупость какую сморозить.

Он отвернулся и постарался подумать о чем-нибудь приятном. Но вспоминалось всё что-то не то. Что сорвалась сделка, что Инга отказалась ждать давно обещанного развода с женой и нашла себе другого, что дочь совсем отбилась от рук и дерзит. И хотя всё это — горе не беда, всё в порядке вещей, новую Ингу он, что ли, не найдёт! — на душе было мутно. А годы идут, ни к селу, ни к городу взгрустнулось Егорову, а всё одно и то же. Разве этого он хотел, об этом мечтал? Эх, о чем только ни мечтал... И ведь вроде всё есть. У многих и десятой доли нету. А чего-то не хватает. А чего? Всё есть, а спроси сам себя: счастлив? доволен? шиш! Тьфу ты! Егоров невольно глянул на оконную надпись. «Горечь шиша!» Это от мороза, от того, что машина не завелась, а так-то ведь всё просто окейско, — заставил он себя взбодриться. Вон вокруг сколько по-настоящему несчастного народа бродит, неудачников, не беря уж откровенных бомжей. А он себя сделал. Сам, своими мозгами, энергией своей. Какая же тут может быть горечь? Так — зимняя меланхолия, недостаток солнца. В Таиланд нужно дней на десять, вот что!

...Выйдя в морозный пар на остановке, Егоров невольно поднял глаза: на заиндевелом окне отъезжающего автобуса увидел знакомую — шиворот навыворот — надпись. И вдруг сообразил: правда! Это же правда! Ни шиша у него в жизни нет из того, о чем он когда-то мечтал. Всё есть, а того, чего душа хотела, — нет. Тот, кто нацарапал, знал, что царапает, уныло думал Егоров вслед уходящему автобусу, это такая горечь, такая горечь. Горечь шиша...

БУТЕРБРОД

— Бабушка, не злоупотребляйте сливочным маслом, — внучка осуждающе смотрела на Марию Степановну, которая широким ножом старательно намазывала желтоватое

масло на кусок батона. — Знаете, сколько в нём холестерина. Это даже для моего возраста вредно.

Марья Степановна печально улынулась:

— Знаешь, сколько мне лет? Мне уже ничего не вредно.

Внучка картинно закатила глаза и преувеличенно вздохнула. А Марья Степановна принялась вкушать бутерброд, прихлёбывая горячий крепкий чай.

Она всё собиралась рассказать внучке про бутерброд с маслом из её детства, но жизнь катилась так спешно, что всё не выдавалось спокойной, подходящей для неторопливого разговора минутки.

А ведь ей было тогда как раз столько, сколько вот этой девочке, уткнувшейся в свой планшет и на ощупь берущей с тарелки золотистые тосты...

Их дом стоял на краю села, в длинном ряду слободы. А соседний — отчего-то пустовал. Она уже не помнит — то ли его жильцы уехали, то ли хозяин был на войне... Это было как раз на исходе войны.

Тот летний день запомнился ей во всех подробностях. В пустующую избу вселили жильцов. Толстого бухгалтера в очках, его такую же полную, кудрявую жену и их дочку — ровесницу Марьи Степановны. Какой Марьи Степановны — Маши, Машки, Машутки...

Маша помнит, как переносили из грузовика невиданные раньше вещи — блестящие шкаф и комод, огромное зеркало-трельяж, фикус в кадке и множество чемоданов. Окрестные ребятишки расселись на завалинке, забрались на тын, топтались поодаль. Украдкой за переселением наблюдали и взрослые — в окна, из-за сиреней палисадников, со скамеечек.

Всё это отложилось в Машиной памяти как сумбурная пёстрая картинка, словно бы из фильма. Всё — и одежда и вещи, и говор — были необычными, нездешними. Потом к новому бухгалтеру и его семье село понемногу привыкнет, хотя так никогда и не примет за своих, до самого того дня, когда они вернутся в Москву, считая их временными, ненастоящими жителями...

Когда вещи были наконец перенесены и грузовик уехал, всё замерло и ребятишки стали терпеливо ждать продолжения спектакля. Из дома долго никто не показывался. Потом на крыльцо вышел толстый бухгалтер с коричневым кожаным портфелем, он осмотрелся, улыбнулся ребятишкам и отправился в правление колхоза. А потом...

Потом вышла девочка. Такое красивое платье Маша видела только в кино. И волосы у девочки были как у Золушки,

---

когда та уже стала принцессой, и сандальки на ногах. Деревенские-то ребятишки были все босиком...

А в руках девочка держала большой ломоть белого (белого!) хлеба на который было намазано сливочное масло, а сверху черносмородинное варенье. Девочка стояла, прислонившись к столбику крыльца, смотрела на ребятишек и не торопясь ела бутерброд. Кусок был пышным, свежим, ноздреватым, тёмно-фиолетовое варенье стекало и девочка, не давая ему капнуть, слизывала его розовым языком. Маша почувствовала, как слюна наполняет рот, а в животе урчит и тянет. Посмотрев на девочку и её лакомство, ребятишки медленно разошлись.

Маша тоже ушла домой. Дома мать, всё видевшая в окно, отрезала от круглого черного каравая ломоть, натёрла горбушку долькой чеснока, полила пахучим подсолнечным маслом и посыпала крупной солью. Ешь!..

С девочкой она потом подружилась. И когда та уехала в Москву, даже переписывалась какое-то время. Но что-то мешало ей забыть тот день и тот бутерброд с маслом. Потом она решила, что это — нет, не зависть, конечно, а чувство несправедливости, какого-то непонятого большого тайного обмана. Ей было жалко и себя, и своих деревенских друзей.

Белый хлеб она впервые попробовала только года через два после окончания войны. Ещё позже она поняла, что это был урок: ей показали, что равенство, о котором рассказывали в школе, — липовое. А ещё позже она с этим даже смирилась. Но первое, что она сделала, когда приехала в Москву поступать в институт, — купила батон, пачку сливочного масла и банку яблочного повидла. Соорудила огромный бутерброд и ела его медленно, наслаждаясь каждой крошкой...

— Бабуля, я в школу! — Дверь захлопнулась, и Марья Степановна очнулась. В красивой кружке с Эйфелевой башней на глянцевом боку — сын привёз из Франции! — остывал чай, на блюдечке ждал недоеденный бутерброд. «Как же всё это рассказать внучке? — задумалась Марья Степановна, — и нужно ли?»

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ

Слушай, вот ты говоришь: народ, простые люди... что нужно, чтобы им было хорошо, простым людям. Я за! Но как?! Куда деться от эффекта маленького человека? Маленький человек был, есть и будет вечно. И ему всегда будет неудобно на

белом свете... Не знаю, откуда они берутся, маленькие люди. У Гоголя бы спросить, да уж не спросишь. И жалко их — мочи нет, и помочь им невозможно. Время от времени столкнешься с таким Башмачкиным, и весь день печаль на душе. На днях ко мне забрел такой.

Он осторожно приоткрыл дверь:

— Можно?

— Входите.

Он вошел, молча встал у двери и принялся разглядывать кабинет. Он молчал и я молчал — ждал, что скажет. Мужичок лет тридцати с лицом разочаровавшегося в цирке клоуна, в мятом пиджачке и нечищенных ботинках. С жалобой, что ли, пришел? Наконец, прервав затянувшуюся паузу, спрашиваю его:

— Что вы хотите?

— Мне бы к вам на работу.

— На какую?

— Ну, я по сантехнике там, слесарное, немного электрику, машину водить умею... В крайнем случае сторожем...

— Да ведь сантехник-электрик нам не нужен, а вакансии сторожа у нас нет.

Он не двинулся с места, продолжая разглядывать кабинет. И я повторил:

— Нет, говорю, у нас вакансий...

Он повернулся в мою сторону, но глядел на полметра мимо, как бы не решаясь встретить взгляд; помолчав, сказал:

— Мне это... Мне не вакансию, мне бы на работу устроиться...

В общем, потоптался-потоптался и ушел, а я остаток дня всё работать чего-то не мог, все рисовался мне этот Башмачкин нынешних времен. По виду вроде не алкоголик, сантехник опять же... Как же он без работы остался? М-да... Что-то некстати вдруг подумалось: это верно, что вся русская литература вышла из гоголевской «Шинели». А маленький человек из шинели так и не вышел. И пусть порой в кармане этой шинели позванивает дешевенький мобильничек, хозяин ее всё тот же Акакий Акакиевич...

ХМУРЫМ УТРОМ

Он шелестел газетой над пустой ещё тарелкой, перед ней шкворчала на плите яичница. Свет из-за окна лился бледный, немощный, совсем не утренний, плоский. Зима всё не уходила и не уходила. Сразу было ясно, что солнца снова не

будет, и даже герань на окне выглядела грустной, словно спрашивала: когда же, наконец, настоящая весна, когда — солнце?

Он перевернул страницу. Она сняла сковородку с огня, подошла к столу и тонкой лопаточкой ловко подтолкнула белый блин с жёлтыми глазами так, что он съехал в тарелку. Потом опустилась на табурет и задумчиво уставилась в его газету.

Не зря они прожили вместе столько лет. Он почувствовал, отодвинул газету. Посмотрел ей в глаза. Потом положил газету на стол, а локти на газету, серьёзно спросил:

— Что?

Она опустила глаза — словно переглянулась с глазуньей, потом подняла взгляд и очень тихо и серьёзно спросила:

— Ты меня больше не любишь?

Он посмотрел, помолчал, потом, как бы в недоумении, развёл руки и, сделав обиженно-удивлённое лицо, сказал:

— Милая, ну, куда уж больше-то?!

Секунду они смотрели друг на друга, а потом тихо рассмеялись. Он довольный собой, она — просто довольная. Им, в общем-то, было всё равно, какой там свет лился сегодня из-за окна...

ЗУБИК

Старую плиту убрали заранее. Когда её отключили и сдвинули с места, Екатерине Александровне сделалось несколько даже неловко. У неё, чистоплотной домовитой хозяйки за плитой оказался, надо сказать, необъяснимый бардак. Как это всё туда попало?! Ну, пыль-паутина — ладно, ни веником, ни пылесосом туда не проберёшься, вот и скопилось. Но там оказалась ещё масса разнообразного мусора: несколько монет ещё советских времён, спичечный коробок, оловянный солдатик, почерневшая вилка, салфетка, большая красная пуговица (не помнила Екатерина Александровна этой пуговицы, хоть убей, не было в этом доме вещей с такими пуговицами). Приклеилось к линолеуму до последней степени проржавленное лезвие бритвы «Нева» (отец брился такими когда-то). Новогодняя открытка (надпись выцвела и едва просматривалась). Комочек бумаги.

Нет, не просто комочек, Екатерина Александровна развернула его и увидела, что это записка, и в записку эту был завернут зуб. Детский молочный. «Первый молочный Катенинкин зубик...» — прочитала Екатерина Александровна едва заметную карандашную строчку и присела на табурет.

Зуб шатался, цеплялся за язык и побаливал. Мешал, в общем. Пока родители у себя в комнате рассуждали, кому из них удобнее вести дочь к дантисту, бабушка взяла черную толстую нитку, сделала петельку и, накинув её на большой зуб, другой конец нити привязала к ручке кухонной двери. Посадив внучку на колени, и прижав её голову к груди, позвала сына. Катин папа открыл дверь, зуб вылетел изо рта и с костяным звуком стукнулся о косяк.

Все принялись рассматривать зуб. Мама проворчала что-то про антисанитарию и заставила Катю прополоскать рот раствором марганцовки. Вечером бабушка на обрывке тетрадного листа написала записку и, завернув в него молочный зуб, научила Катю:

— Скажи: «Дедушка Домовой, возьми зубик репяной, а верни костяной...» И кинь за плиту. И зубки у тебя будут хорошие.

Катя так и сделала...

...Зубки у неё и правда получились на загляденье. Сколько лет пролетело! Папа теперь уже старше бабушки. Екатерина Александровна ещё раз прочитала бабушкины каракули: «Первый молочный Катенинкин зубик, на паску 1983 год». Она поднялась, пошла в комнату и, сняв с полки шкатулку с колечками-серёжками, аккуратно положила туда и зубик и записку. Потом долго стояла у окна и плакала...

АНАСТАЛЬГИЯ

— Да была я за границей, была и не раз. Мой мне путёвку купит и отправляет, сам-то не может, то бриффинг в Сургуте, то сёрфинг в Карибах. А мне и одной хорошо, гид всё покажет и расскажет. Тем более что эксклюзив, то есть всё включено. И гид тоже. И где я только не была — и в Греции, и на Крите, и в Англии, и в Великобритании, и в Индии, и на Гоа. Да, в общем-то, всю Европу облазила. Особенно в Чехии мне понравилось. Чисто так и культурно. Ходишь по Праге, а вокруг монголии цветут и каштанки! Была на могиле Кафки, ну, того, что написал «Бравый солдат Швец».

И в Париже была, гуляла по Монмарту, лупила апельсин и ела, и любовалась парижской жизнью. И думала, вот где-то здесь бродил со своими кистями, альбертами и красками сам великий Бернард Шок... А парки там какие — Семирамида! Цветы, цветы, в цветах цукаты трещат... А вокруг такие ландскнехты, ой, гешефты то есть — головы не оторвать! А то

еще видела Шарля... как же его... Дегоголя! Билет ужас какой дорогой, а за что? Голосок так себе, поёт только по-французски, картавит к тому же. Говорят, из армян он, а я думаю — еврей. Ну и публика реагировала — кто хлопал, а кто и свистел. В общем, не очень...

Ну, конечно, от хорошей жизни они слегка дураят, с жиру бесятся, эти европейцы. Вот была на художнике Дали из Сальвадора — та-а-а-кое рисовал! Убиться! Просто умаразум какой-то! Или вот в Голландии побывала. Много была наслышана про художников ихних — голландцы, голландцы... Причём почему-то старых ценят больше. Ну, правда, ничего себе рисуют — похоже. Я даже одному голландцу собственный портрет заказала. Прямо на набережной. Их там много. Выбрала, который постарше — лет за шестьдесят, наверное. Но быстро нарисовал и недорого. В картинных магазинах тоже посмотрела, но там всё какое-то тёмное и допотопное, сюжеты какие-то древние, ни к одной комнате не подходят, да ещё и дорогие слишком. А портрет ничего себе получился в постельных тонах, как говорится. Правда, сейчас постели даже чёрным застилают, но я не понимаю этого авантюризма, я за консерватизм. За традиции я, постель светлой должна быть...

Конечно, в компании ездить веселей. И в ресторан сходить вечером не так скучно, и об высоком поговорить, об искусстве. Но можно и нарваться. Раз со мной знакомая моей знакомой увязалась. Я думала, она нашего круга, хотела подружиться, а потом оказалось, что жена зама мэричика какого-то из Подмосковья. Мало того, что на обычном «Пежо» ездит, так у неё в этом «Пежо» даже климакс-контроля нет! Подумать только: к мясу мангуста белое вино попросила! Не знает, деревня, что к мясу — красное надо. А я вообще мангустов не люблю — уж больно их из панциря выковыривать муторно. Да и вообще с клешнями — противно...

А всё ж таки не зря в народе говорят — в Европе хорошо, а дома лучше. Не могу я долго на Западе обшиваться, так и тянет в родной Саратов. Недельки две-три поживу — и начинает мучить... эта, как её... анастальгия!

ДЕД МОРОЗ

В каком же все-таки сволочном мире мы живем, господа и товарищи. Ох, в каком сволочном, просто сил нету. Я это на днях со всей ясностью понял. Дело-то было так. Сидит мужик на скамейке и плачет. Пьёт из бутылки и заливается. Я

чего-то остановился, спрашиваю, чего, мол, случилось-то? А он говорит, что деньги, накопленные на Деда Мороза для сына, пропил. А сын ждет. Сыну пять лет, и он теперь сидит дома и ждет, а мужик сидит тут в сквере на ледяной скамейке и с горя пьет. Я ему говорю, что ж ты жене деньги на сохранение не отдал, а он говорит, она еще быстрее бы пропила. Представил я себе и жизнь убогую этой семейки, и квартиру их засранную, и мальчишку, что папкиному обещанию поверил и ждет Деда Мороза с подарком; и такое меня зло взяло и на жизнь эту, и на мужика этого, и на жену его, которую я в глаза не видел. Взял я этого мужичка за шкирку и повел в магазин. Купил бороду, колпак дедморозовский, халат красный с поясом. Чего, говорю, Дед Мороз сыну в подарок обещал? Ничего не обещал, мужичонка отвечает, просто подарок, прийти обещал с подарком. А сам смотрит на меня и вроде даже трезвеет. Ну, пять лет мальчишке, как моему, купил танк на батарейках и обычный «конфетный» подарок в картонном ярком сундучке. Еды кое-какой прикупил, ясно же, что ни хрена у них в холодильнике, разве что лук да картошка. Если еще и холодильник-то есть.

В подъезде, кошками загаженном — господи, как тут жить можно! — напялил халат, бороду и колпак, спросил квартиру и отправил его вперед. Говорю, приберешься по-быстрому, накроешь на стол, пять минут тебе, я тут в вашем сарае воном больше не выдержу.

Через пять минут стучусь, звонок давным-давно с мясом вырван. Захожу. Ждал совсем уж безобразного чего-то, но всё оказалось терпимо. Бедно очень, но не грязно, терпимо. И запах жилой, хоть и не амбре.

Как мальчишка на Деда Морозаотреагировал, и рассказывать не буду. Бесполезно. Ну, представьте себе хотя бы, что вам вдруг звонят и сообщают, что вы в лотерею особняк на Канарах выиграли и миллион долларов в придачу. И все равно вы так не обрадовались бы, как мальчишка обрадовался. Это, может быть, у него первая настоящая радость в жизни случилась. Стишок мне рассказывал, чуть не задохнулся от волнения, бедняга... Жена-то сначала на это всё смотрела с умилением таким, тоже уже подшофе слегка была. А потом вдруг потихоньку ушла на кухню и давай плакать.

И подумать только: всех-то трат рублей пятьсот, а у человека счастье. Эх, да что там...

В общем, уложили его спать с танком в обнимку, а сами втроем пошли на кухню. Разлили коньячок, мной принесенный, и начал я их стыдить. По-хорошему, без нравоучений, по-человечески. И не за пьянку-гулянку, за мальчишку. И

ведь знал, что бесполезно, что сейчас они слезы умильные и покаянные льют, а завтра опять перед страстишкой своей не устоят, но остановиться не мог...

Вышел из подъезда уж ночь-полночь, иду, думаю, что бы жене соврать. Разве такое расскажешь, да и не смог бы я. Хорошо на улице, огни предновогодние горят, елка нарядная на площади маячит фонариками разноцветными, снег мандаринами и хвоей пахнет, снежинки редкие, но пушистые падают. Живи, дыши полной грудью да радуйся. А тут рядом такое... И как же радоваться?!

Нет, господа-товарищи и просто люди, не то что-то с нами происходит, и мир сволочной, и мы все по большому счету, если откровенно и без вранья, — сволочи!

СЧАСТЬЕ XXI ВЕКА

Иванов поехал за грибами и заблудился. Напрасно жена с тестем сигналили ему из машины, оставленной у кромки леса, до самой темноты; напрасно светили дальним светом фар в ночную лесную гущу. Напрасно отряд МЧС с добровольцами из соседних деревень прочесывали тайгу, стреляли из сигнального пистолета и запускали ракеты. Иванов — сугубо городской человек, лысый кандидат-физик — сгинул бесследно...

Иванов несколько суток шел по тайге, питаясь сырыми грибами, кислыми ягодами и орехами; брел то в одну, то в другую сторону, не находя ни дороги ни малой тропки. Сначала он пытался вспомнить что-то о мхе на деревьях, Полярной звезде, солнце и часах, но потом просто шел и шел. Ночью забирался на ближайшее дерево и дремал, вздрагивая от каждого шороха и лесного крика. Ему повезло: в конце концов, он набрел на старую охотничью избушку. В избушке было всё — и печка, и заготовленные для неё дрова, и продукты, и даже спички. Иванов понял, что выживет. Он быстро отдохнул, немного отъелся и успокоился. Куда идти, как выбираться из тайги, он не знал и решил ждать. На ближайшей поляне приготовил огромную кучу сушняка с травой для дыма, выложил из веток английское SOS, и стал ждать.

Сначала ему было хорошо, он даже радовался неожиданному приключению и представлял себя новым Робинзоном Крузо. Слушал птичек, загорал на поляне и ловил рыбешку в ручье. Но через некоторое время почувствовал сосущую под ложечкой тоску. Он вдруг понял, что ему отчаянно не хватает мно-

---

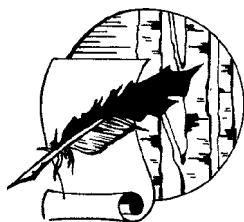
гих вещей, которые были у него в городе. Кофе. Туалетной бумаги. Тостера. Интернета. Соседа с нардами. Шума машин за окном и даже ночной сигнализации. Электричества. Газет. Обеденного перерыва и разговора с коллегами о футболе и начальстве. Инны из соседнего отдела. Даже жены.

Но больше всего ему не хватало телевизора. Не хватало душики Регины Дубовицкой, Петросяна, «Ментовских войн» не хватало и... В общем, со всем можно было еще как-то мириться, но когда солнце падало за край тайги и избушку окутывала тьма, почти не разгоняемая огарком стеариновой свечки, на Иванова накатывала страшная депрессия. Порой задумавшись, он вдруг вставал с лежанки и начинал искать пульт, раздражаясь и сердясь (куда же я его засунул?!), пока не осознавал, что нет не только никакого пульта, но и самого телевизора. У него началась самая настоящая ломка. Это было мучительно: приходила ночь, и он не знал, куда себя деть. Ощущал тяжкую бессмысленность своего бытия. Мысли, не занятые Региной Дубовицкой и Шифриным, приводили его к таким вопросам, которые терзали душу и не давали покоя. А ведь мысль — не телевизор, ее не выключишь нажатием кнопочки пульта. И, наконец, он понял, как правильно была устроена его жизнь в городе, осознал, что зря ругают наше телевидение, ведь оно спасает нас от сумасшествия, спасает от неразрешимого, а потому опаснейшего для цивилизации вопроса: в чём смысл жизни?! Становилось всё хуже — бессонница, галлюцинации и бред...

Его нашли через полтора месяца. Он оброс, оборвался, сильно похудел, но физически был совершенно здоров. Чего нельзя было сказать о его психическом состоянии. Он не узнавал близких, плакал, разговаривал сам с собой, вел себя очень беспокойно, куда-то рвался. Врачи и спасатели ломали голову — отчего человек сошел с ума, если у него все было для нормального выживания? Что же делать — его определили в психиатрическую лечебницу.

Его помыли, постригли, одели в больничную пижаму и стали лечить. В первый же вечер в общем холле он сел перед телевизором и успокоился. Он смотрел все передачи подряд и улыбался, он был беспредельно счастлив...

г. Саров Нижегородской обл.

Алла ЛИНЁВА

ПОСРЕДИ МОРОЗНОЙ ЗАМЕТИ

* * *

Что за странное прошение:
Не успеха, не гроша —
Утешенья, утешенья
Просит грешная душа...
Ликовала, ликовала,
Улетала в облака...
Радость словом рисовала,
А беда была близка...
Вороньё уж вило гнёзда
У родимого крыльца,
И с небес катились звёзды,
Щедро сыпалась пыльца...
Там, где вороны кружили,
Сердце ль знало эту связь? —
Густо-густо и обильно
Кровь сыночка пролилась.
И дождями не смывает...
Всё красней, как погляжу..
Боже, я ещё живая...
Утешения прошу.

* * *

Отцвели мои сады душистым облаком.
Облетели листья, стихли журавли...
Не позвать и не окликнуть — словно в горле ком,
Да и чем бы эти птицы помогли?..
И стою я посреди морозной замети,
Укрываясь полушалком тишины...
Холоднее нет зимы на моей памяти —
Даже звёзды над рябиной сожжены.

---

* * *

Унылая пора, очей очарованье...

А.С. Пушкин

Прошло очарование очей...
И листья облетели, потускнели...
Настало время долгое ночей,
Дождей, тумана, слякоти и тленья...
И мне настало время пожинать,
Всё, что душа так трепетно растила...
Настало время плакать и стенать,
И провожать, что было сердцу мило...

* * *

А листья ещё шумят, шумят,
Ещё их волнует ветер,
И ты, мой хороший, чему-то рад
На этом тревожном свете.
Ещё светел взгляд твой, такой земной, —
И не помышляешь о Небе,
Ещё ты поспорить готов со мной
О мире, в котором не был.
И всё мы решаем, где рай, ад,
Всё спорим, смешные дети,
А листья ещё шумят, шумят, —
Ещё их волнует ветер...

* * *

Отсыревшей от дождей стеной
Мир стоит, задумавшись в тиши.
Наклонилось небо надо мной —
Слушает движение души...
Тучи загустели, собрались
Изо всех невидимых краёв,
И на мне сошлись и даль, и близь,
Утешать страдание моё.
А моё страдание, оно —
Нет, неутешимое...
Мир стоит, задумавшись, стеной,
И душа недвижима...

---

* * *

Этой тропкой сто раз я ходила,
Рядом сын щебетал, семена...
В низком небе дымилось кадило,
Но оно не смущало меня.
Любовалась берёзой и ивой,
Незаметная падала мгла,
Я была самой в мире счастливой,
Жаль, душа это знать не могла...
А сейчас я бреду сиротливо,
Воздух свеж, по-весеннему густ...
Машет голыми ветками ива,
Да мерцает рябиновый куст...

* * *

Несокрушимая
Боль моя пребольшая...
Жизнью ушиблась я —
Смотрит зима, утешая...
Криками птичьими,
Ветками голыми...
Прошрое кличу я
Сорванным горлом.
Мальчик мой радостный,
Птенчик мой глупенький,
Где же ты празднуешь
Нашу разлуку?..

* * *

Я достала из шкафа коробочки,
Где уложены игрушки, шары,
Наряжаю я веточки ёлочки —
Новогодней долгожданной поры...
Ветер стонет за окном, завывая,
Не мечтаю ни о чём и не злюсь...
И не песню вовсе я напеваю —
А рыданиями глухими давлюсь...
По делам моим беда, по заслугам, —
Пламенеет, как медаль на груди.
Вечереет, а за окнами вьюга
Разыгралась и не стихнет поди...

Пусть же ветки золотятся по вазам,
В каждой комнате поставлю букет...
Вот придёт домой сынок, скажет сразу:
Как красиво, хоть и ёлочки нет...

* * *

Метёт метель, коврами стелется,
Бела остывшая земля.
Укутай душу мне, метелица,
И унеси её в поля.
Там под звездами легкокрылыми,
Навечно горечи полна,
Со всеми чувствами унылыми
Пусть распрощается она.
Пусть изстонается, исплчется
До самых донышек глазных...
И пусть над ней судьба-обманщица
Хотя бы сжалится на миг.

* * *

Выведи душу мою из темницы,
Выведи в поле, где солнце и свет,
Где над гнездовьями кружатся птицы,
Где над простором плывёт благовест.
Выведи, Господи, душу-затворницу,
Видишь, до блеска слезами умыта...
И преврати её в сизую горлицу —
Вольную птицу с крылом перебитым.

* * *

Камень на сердце лежит у меня.
Милый мой друг, как же мне не заплакать?
Как одолеть эту нежность и слякоть,
Оттепель чувств в угасании дня.
Уж вечерет, мы вместе поплачем,
Может быть, нам и не надо беречь
То, что Господь для двоих предназначил:
Нежность души, неприкаянность встреч.
Я ухожу, обними напоследок.
Разве я знаю, что первым уйдёшь?..
Мысли глухи, непрощаемо слепы
Окаменённые правда и ложь.

---

* * *

Небо смотрит на меня из-за туч
Бирюзовым островком — оком Божьим,
Мир и светел, и безумно дремуч —
Не найти того, кто был всех дороже.
Потеряла, упустила, ушло...
Просочилось, как сквозь пальцы, истаяло...
Только в небе Божье око светло,
Да резвятся птицы малыми стаями...
Да в душе моей лишь боль немоты.
Истекает сердце кровью — раздавлено...
Осень в прошлое сжигает мосты —
Значит, скоро будут в вечное явлены.

* * *

Листьям в стаю не собраться, не взлететь...
Отзвенела, потускнела их медь.
И летят они кто плавно, кто штопором,
Будут все до одного в землю втоптаны...
Исстрадается душа, изрыдается.
Только что с того листве этой станется?
Не поможешь ни слезами, ни стонами...
Будет снами ледяными закована...

* * *

Спасибо, Господи, за всё:
За дождь, за пасмурное небо
И за ломоть ржаного хлеба,
Что сын в руке своей несёт.
Спасибо, Господи, за всё,
За все обиды и тревоги,
За мысли светлые о Боге,
Что всех Он слышит, всех спасёт...

* * *

Мети, метель, мети, метелица,
Мети, метелица моя...
Тебе хотела б я довериться,
Но не тебе доверюсь я...
Свети, звезда, свети, соцветица,
Звезда немерклая моя,

Тебе могла бы я довериться,
Но не тебе доверюсь я...
И не тебе, моя угодница,
Берёзка тонкая в окне...
А я доверюсь Богородице,
И лишь Она поможет мне...
Одним Её укроюсь именем,
Один её согреет взгляд...
Ведь и её Сынок родименький
Был и унижен, и распят...

* * *

Ни слёз, ни вздыханий, ни печали
Не будет нам в обители иной...
А здесь, душа, рыдай, рыдай, отчаясь
Найти и утешенье, и покой...
Не будет утешенья и покоя,
Пока одно ты в жизни не поймёшь:
Есть истина — небесного покроя,
Всё остальное — ложь, и ложь, и ложь...

* * *

Мигали звёздочки, светились
Глаз золотые огоньки...
А мы с тобой и не простились,
И стали очень далеки.
Не дотянуться, не увидеть,
Не долететь, не заглянуть...
Но где-то есть твоя обитель —
И только к ней лежит мой путь.
Шепчу: «Сыночек, баю-баю...»
Шаги по воздуху легки...
Иду по звёздочкам, ступаю
На золотые огоньки...

* * *

Ещё снега лежат в долинах,
Снега, снега, снега кругом...
Но свет на кронах тополиных
Уже играет серебром.

Теплу и свету путь проторен,
Летит сквозь самый тёмный лес,
И в солнцем залитом просторе
Дрожат проталины небес.

* * *

Сыну Мише

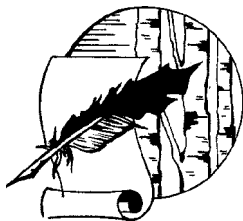
Тихо длился день осенний
И сочился в наши окна,
Из счастливейших мгновений
Был он соткан, был он соткан...
Мы шутили и смеялись,
Миша с котей, мама с Мишей,
Что в руках моих вязанье
Ты простишь мне, ты простишь мне...
Называл себя подарком,
Улыбался мне игриво...
Я уйду тропюю парка,
Ты уйдёшь тропой незримой...
Богом данный на спасенье
В этой жизни скоротечной...
Это было воскресенье,
Это был обычный вечер...

СЕРДЦЕ

Всё, всё в тебе: и радость, и беда.
В тебе всему начало и открытье.
В тебе есть путь: в куда, иль в никуда...
У нас есть выбор, у тебя есть крылья.
Всё, всё в тебе: и вера, и любовь,
Тебя не так-то просто обескровить,
Вовеки злу не справится с тобой:
У зла есть ложь, а у тебя есть совесть.

г. Липецк

Редакция журнала выражает глубокое сострадание и моральную поддержку нашему верному автору Алле Линёвой в связи с гибелью ее 17-летнего сына.

Борис ЩЕРБАТОВ
(1941 — 2013)

СЕЯТЕЛЬ

ПОЭТУ

Свернётся небо, как горящий свиток,
погаснет солнце, звёзды упадут.
И конвоиры ангельского вида
на суд бессмертных
смертных поведут.
За всё, что было, — мы с тобой в ответе.
Суду известны наши имена.
При нас с тобой
на суетной планете
последние кончались времена.
Мы проглядели одичанье мира,
безумство плоти, пляски на крови.
О чём, скажи, звенела наша лира,
когда весь мир отрёкся от Любви?
Нам не простят —
как в песенном угаре,
размазывая слёзы по лицу,
мы вдохновенно поклонялись твари
и не спешили кланяться Творцу.
Пока же в ад не рухнула дорога
и на уста нам не легла печать,
молись, поэт,
выпытывай у Бога,
какую правду людям прокричать.

* * *

Два зрелища притягивают нас
и смутными тревожат голосами —
живой огонь, трепещущий у глаз,
и воды, что бегут перед глазами.

Мы знать не знаем собственной души,
Но, может быть, приоткрывая тайну,
вот это пламя, прядая в тиши,
самой души являет очертанья.
Гори, огонь!
Хотя бы потому,
что есть предел отпущенному сроку.
И нет конца
летающему во тьму
холодному и мрачному потоку.

* * *

Прощаюсь с Родиной, прощаюсь
со всем, что горестно люблю.
Под ветром времени качаюсь
и запоздало слёзы лью.
Вчера судьбою и талантом
я был с другими наравне.
А нынче жалким эмигрантом
проснулся в собственной стране.
А нынче проклятым изгоем
от боли корчусь и тоски
в Отчизне, отданной без боя,
захваченной по-воровски.
А ветер времени широко
несёт заморскую чуму.
И от погибельного рока
не убережешься. Никому.

РАБОТА

Есть детская нехитрая игра
без проигравших, безо всяких правил.
В моё окно из глубины двора
мальчишка зайчик солнечный направил.

Угрюмый лик мой в келье отыскав,
ко мне прильнуло крохотное тело.
И скоро птица чёрная — тоска,
шурша крылами, в фортку улетела.

Смешной малыш!
Ну, что ты натворил?
Среди других нашёл мое оконце,

мой задремавший разум разбудил
для древнего соперничанья с солнцем.

Играй, малыш!
Что для тебя игра,
то для меня — суровая работа.
Да будет свет на кончике пера,
когда гудит над бытом непогода!

ОТЧИЙ ДОМ

Захолустье Руси, заколоченный дом.
Ходят тучи над ним, кувыркается гром.
Сиротливо калитка скулит на ветру.
А осталось ему — только смерть на миру.

И, как близость конца, у замшелых ракист
стеариновой свечкой берёза горит...

А ночами в дому половицы скрипят,
а ночами в дому обо мне говорят.
Мне восторг или страх шевелит волоса...
Я своих стариков узнаю голоса.

Мне б ночами сюда не ходить никогда,
но противиться сердцу — не стоит труда.
Вот я снова пришёл. И тоскует метель,
и поёт за стеною моя колыбель...

Я, наверное, завтра в Москву укачу,
я в Елоховской церкви поставлю свечу,
до земли поклонюсь незабвенной родне,
кто в небесных путях не забыл обо мне.

* * *

А сорок лучших весен пролетело,
и новые маячат рубежи...
Усталое изношенное тело
задумалось о возрасте души.
Всё принимая —
дружбы и измены,
свет откровений и потёмки зла,
душа не умирала постепенно,
но трудно и мучительно росла.

Остывший пепел вспыхивал, как порох,
клубилась пыль встревоженных веков.
И если телу нынче просто сорок,
душе, наверно, сорок сороков!
Иди, душа,
любя и проклиная,
по неисповедимому пути!
Какие бури ждут тебя —
не знаю,
но подвиг твой
провижу впереди!

ЛЕБЕДИ

Александру Гусеву

Усталый, больной, неудачливый
брожу, избегая людей.
За чьими-то пышными дачами
с ладони кормлю лебедей.
Над озером, над перелесками
свободные мчат журавли...
За что же вам крылья подрезали,
о, гордые птицы мои?
А вам хоть бы раз,
хоть ненадолго
тела свои бросить в зенит!
Над Ладогой где-то, над радугой
услышать, как воздух звенит,
увидеть, как молнии мечутся,
и, смело летя сквозь грозу,
внезапно понять, что отечество —
не то, что осталось внизу,
а выше!
По звездному лезвию
летите от грешной земли!
За что же нам крылья подрезали,
красивые братья мои ?

* * *

Конь крылатый парит в тишине,
сыплют звон золотые копыта...
На роду ли написано мне
пропадать под копытами быта?

А ведь было:
беспечен и юн,
я Пегасу расчёсывал гриву.
Но увлѣк человечий табун
и несѣт к роковому обрыву.
Здесь высоким ломают крестцы,
здесь под масками спрятаны лица,
похотливые ржут жеребцы,
жарким глазом косят кобылицы.
И не выйти живым из игры:
слишком поздно, и грязно, и тесно.
Вот всё ближе и ближе обрыв,
вот передние падают в бездну.
Страха нет.
Но так хочется жить,
видеть солнце в чумной круговерти.
Только б звонкое стремя схватить
за полмига до смерти.

СЕЯТЕЛЬ

Я — сеятель на ниве песнопенья.
Бежавший от колхозных трудовней,
я растерял крестьянское терпенье,
завещанное матерью моей.
Молясь великим,
их глагол глотая,
я, как в судьбу, поверил в письмена.
Я столько слов посеял,
не гадая,
где прорастут, в какие времена...
В какие времена живѣшь, Россия!
Грабѣж, падѣж, неслыханная сушь.
Двужильная,
ты выступишь, осилишь!
Но что нам делать с засухою душ?
Бесплодные,
ярься и сатанея,
по душам молодым, как степняки,
заморские промчались суховеи,
по горло засыпая родники.
И вот уже отравлено искусство,
народ бессилен, а правитель плох.
И, Боже правый,
даже в речи русской
чужой ордой шумит чертополох!

Я — сеятель.
А нива песнопенья,
как поле боя, в прахе и в дыму..
Пошли мне, Бог, крестьянского терпенья,
и русской силы слову моему.

* * *

Я не считал ни добрыми, ни злыми
тех, что совет мне подали вчера:
Поэты умирают молодыми!
А ты поэт, и, стало быть, пора.
На горло наступив своей гордыне,
я отвечал:
— Спасибо за совет.
Поэты умирают молодыми
и в двадцать лет,
и восемьдесят лет!
В судьбою отведенном промежутке
я жребий свой измеряю до конца.
Вот только жаль, что дружеские шутки
становятся подобием свинца.

* * *

Как холодно в мире, как ветрено!
Слякотно, слёзно, темно.
Берёза озябшею веткою
стучит и стучит в окно.

Всё было. Но всё повторится.
Под русские всхлипы и стон
усну я, и будет мне сниться
счастливый о Родине сон.

Полгода пройдёт ли, полвека,
проснусь и увижу в окно:
всё так же безумствует ветер,
всё так же в России темно.

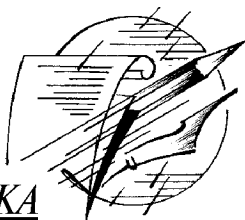
ПРОБЛЕМ С СОВЕСТЬЮ НЕ БУДЕТ

Бог умер: теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек.
Ф.Ницше

21 июня 1941 года в войсках нацистской Германии, изготовившихся для нападения на Советский Союз, был зачитан приказ Гитлера «О военном судопроизводстве». Приказ запрещал предавать немецких солдат и офицеров суду военного трибунала за любые действия над советскими гражданами. Нацисты считали советских людей недочеловеками — унтерменшами. А недочеловеки, по мнению Гитлера и его сподручных, достойны только уничтожения, а в качестве особой милости — бесправного рабства.

По тому же приказу офицер мог истреблять русское население по своему усмотрению. Командирам подразделений было предоставлено полное право применять к мирному населению карательные меры: полностью сжигать деревни, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ разрешал вермахту творить преступления на восточном фронте. Для сравнения, на западном фронте подобное было категорически запрещено.

Нет, такие приказы не появляются спонтанно, «шедевра» расизма и сата-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

низма рождаются на основе философских теорий нигилизма и богоборческого гуманизма, которые, несмотря ни на что, и сегодня продолжают «цвести и пахнуть». «Цвести» ненавистью ко всем, кто не разделяет планов «нового мирового порядка», и «пахнуть» угрозами и реалиями смерти, ныне красиво именуемыми «гуманитарными операциями». В год 75-летия начала Великой Отечественной войны будет полезно напомнить апологетам «нового мирового порядка» хотя бы о некоторых фактах из планов строителей его прошлой версии — германских нацистов. Тем более, что тогдашние и нынешние «строители» опираются на общие философские идеи.

«Расовая теория» и «теория жизненного пространства» зародились в Германии задолго до прихода нацистов к власти, но лишь при них приобрели статус государственной идеологии, охватившей широкие слои населения. В разговоре с президентом сената Данцига Х. Раушнинггом Гитлер разъяснял: «Одна из основных задач германского государственного правления заключается в том, чтобы навсегда предотвратить всеми возможными средствами развитие славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам не только необходимость побеждать своих врагов, но и уничтожать их». В этом разъяснении — вся суть «мирового порядка», задуманного нацистами.

Поэтому германский генеральный план «Ост» предусматривал массовые убийства евреев и славянского населения Европы, а миллионы русских, украинцев и белорусов подлежали физическому уничтожению. Планом предусматривалось в течение 25—30 лет уничтожить и депортировать 80—85% населения Польши, 85% Литвы, 65% Западной Украины, 75% Белоруссии и по 50% жителей Латвии, Эстонии и Чехии. На пространстве, подлежащем немецкой колонизации, проживало 45 млн. человек. Не менее 31 млн. тех из них, кто будет объявлен «нежелательным по расовым показателям», предполагалось выселить в Сибирь, а сразу после разгрома СССР намечалось переселить на освободившиеся территории до 840 тыс. немцев. В течение последующих двух-трех десятилетий планировались еще две волны поселенцев численностью в 1,1 и 2,6 млн. человек.

Особые планы нацисты вынашивали в отношении русского народа. Один из разработчиков генерального плана «Ост» доктор Э. Ветцель, референт по расовым вопросам в Восточном министерстве Розенберга, подготовил для Гимmlера документ, в котором утверждалось, что «без полного уничтожения или ослабления любыми способами биологической силы русского народа установить немецкое господство в

Европе не удастся». «Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве, — писал он. — Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их».

30 марта 1941 года Гитлер пригласил к себе в рейхсканцелярию 200 высших офицеров вермахта. Он еще раз подчеркнул, что предстоящая война с Советским Союзом — это война идеологий со всеми вытекающими отсюда последствиями. Физическое уничтожение советской интеллигенции и большевистских комиссаров — это «не работа для военных судов», это общая задача для СС и вермахта. Командиры в частях должны знать, как им надо действовать. «Комиссары и сотрудники ГПУ — это преступники. — подчеркнул Гитлер, — и с ними надо поступать соответствующим образом». Особенно Гитлер настаивал на том, что офицеры и солдаты вермахта при выполнении этой задачи не должны испытывать никаких проблем со своей совестью.

28 апреля 1941 года главнокомандующим сухопутными войсками Германии фон Браухичем был издан специальный приказ: «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». Согласно ему с солдат и офицеров вермахта снималась ответственность за будущие преступления на оккупированной территории СССР. Им предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или проявит сочувствие партизанам.

В программном выступлении на совещании эсэсовских руководителей 2 октября 1941 года начальник Главного управления имперской безопасности Р.Гейдрих заявил, что после войны Европа будет делиться на «германское великое пространство», где будет жить германское население — немцы, голландцы, фламандцы, норвежцы, датчане и шведы, и на «восточное пространство», которое станет сырьевой базой для германского государства и где «немецкий высший слой» будет использовать покоренное местное население в качестве рабов.

У Гимmlера на этот счет было иное мнение. В эсэсовской газете «Дас шварцекор» от 20 августа 1942 года, в статье «Германизировать ли?», Гимmlер писал: «Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови». Достижению этой цели служило массовое уничтожение мирного населения и военнопленных, происходившее с самого начала вторжения немецких войск на территорию СССР.

Германские планы в отношении «беспольных регионов» были ясно изложены в рекомендациях штаба «Ольденбург». В них говорилось, что Германия «сможет получить значительное облегчение за счет этих областей только один раз в результате заблаговременного принятия решительных мер», что «свины и крупный рогатый скот в этих областях» должны быть «сразу же изъяты немецкой стороной», в противном случае «население забьет их для себя, и Германия ничего с этого не получит».

При этом авторы прекрасно понимали, к каким последствиям для населения приведет такая политика, однако это не сильно их смущало: «Десятки миллионов людей в этих областях излишни, и они либо умрут, либо будут вынуждены переселиться в Сибирь. Попытки спасти население потребляющих областей от голодной смерти привлечением избытков продовольствия из черноземной зоны могут лишь сказаться на снабжении Европы. Это подорвет стойкость Германии в войне».

Национальный вопрос с самого начала занял видное место в идеологии германского нацизма. Откровенный расизм, согласно положениям которого исключительными правами обладает лишь немецкая нация, способствовал циничному подходу нацистов к решению проблемы межнациональных отношений на оккупированной территории. Оккупировав часть территории СССР, нацисты стремились посеять раздор между представителями различных наций. Это делалось, с одной стороны, для ослабления сопротивления захватчикам, а с другой — с целью физического уничтожения части местного населения. Все это, по замыслу нацистов, должно было способствовать освобождению жизненного пространства «Великой Германии» от нежелательного национального элемента.

Проблемам расовой чистоты и необходимости бороться за нее посвящена одиннадцатая глава первой части «Mein Kampf» Адольфа Гитлера. Она называется «Народ и раса». «Вершина человеческой культуры» — арийцы — противопоставлялись «стае голодных крыс» — евреям. Все остальные народы занимали в этой расистской пирамиде различное место. В зависимости от него кого-то предполагалось ассимилировать, а кто-то подлежал частичному или полному уничтожению. Поэтому с началом Великой Отечественной войны офицеров, комиссаров, цыган, евреев и жён военнослужащих расстреливали сразу после пленения. Перед смертью над женщинами еще и издевались. Остальных военнопленных направляли в лагерь.

Вершиной идеологии «крестового похода цивилизованной Европы за чистоту нации» стало издание образовательным отделом СС в 1942 году иллюстрированной брошюры «Унтерменш». Вот цитата из этой брошюры: «Недочеловек — это

биологически, на первый взгляд, полностью идентичное человеку создание природы с руками, ногами, своего рода мозгами, глазами и ртом, — объясняют немцам составители этой агитки. — Но это совсем иное, ужасное создание. Это лишь подобие человека, с человекоподобными чертами лица, находящееся в духовном отношении гораздо ниже, чем зверь. В душе этих людей царит жестокий хаос диких необузданных страстей, неограниченное стремление к разрушению, примитивная зависть, самая неприкрытая подлость. Одним словом, недочеловек. Итак, не все то, что имеет человеческий облик, равно. Горе тому, кто забывает об этом».

По официальным советским данным, в годы фашистской оккупации полностью или частично было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, 70 тысяч сел и деревень, 30 тысяч промышленных предприятий, около 100 тысяч колхозов, 40 тысяч больниц и лечебных учреждений, 84 тысячи школ.

Крова над головой лишилось около 25 миллионов человек. Экономике освобожденных территорий пришлось восстанавливать в буквальном смысле слова из руин. И хотя нацистская политика «выжженной земли» не смогла спасти «третий рейх» от неминуемого поражения, ее результатом стала полуголодная жизнь в СССР первых послевоенных лет.

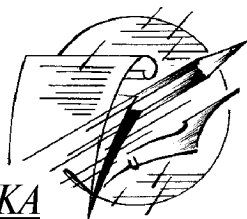
Людские потери оказались гораздо страшнее материальных. Из 70 миллионов, оказавшихся под властью нацистов советских граждан, погиб каждый пятый. Около 7,5 миллиона человек было расстреляно и сожжено, 2,1 миллиона умерло на принудительных работах в Германии, более 4 миллионов — на оккупированных территориях от голода и отсутствия медицинской помощи. Кроме того, нацистами было погублено около 3 миллионов советских военнопленных. Примерно 8,7 миллиона воинов Красной Армии погибли в боях.

«Ни одно правительство не устояло бы перед такими страшными жестокими ранами, которые нанес Гитлер России... Но Советы не только выстояли и оправились от этих ран, но и нанесли германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести ей ни одна другая армия в мире... Чудовищная машина фашистской власти была сломлена превосходством русского маневра, русской доблести, советской военной науки и прекрасным руководством советских генералов... Кроме советских армий, не было такой силы, — которая могла бы переломить хребет гитлеровской военной машине... Именно Русская Армия выпустила кишки из германской военной машины...» — писал У.Черчилль.

СОВРАЩЁННЫЕ ДЛИННЫМ РУБЛЁМ

Унизительное поражение российской футбольной сборной на Евро-2016, случившееся несмотря на небывалую, почти всенародную поддержку команды и прилив патриотических эмоций на фоне откровенных западных провокаций, было, увы, абсолютно закономерным.

И дело тут не в каких-то тактических ошибках игроков, просчетах тренеров и прочей мелочевке. Катастрофу потерпела сама концепция российского футбола, в том сугубо коммерческом виде, который она приобрела в постсоветские годы. Отданная в хищные руки своекорыстных дельцов, видящих смысл спорта только в извлечении максимальной финансовой прибыли, спортивная сфера и, в особенности, отечественный футбол были загублены на корню. Именно на корню. Потому что была уничтожена сама корневая система, питавшая в прежние времена живительными соками это могучее спортивное древо. Когда вместо кропотливого и тщательного труда по выращиванию собственных выдающихся игроков, появилась возможность просто купить по сходной цене уже готовых, пусть даже не первой свежести,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

заграничных гастролеров, стало понятно, что отечественный футбол умрёт. Великолепная система массовых физкультур и спорта, существовавшая в СССР, которая, с одной стороны, поддерживала здоровье всего народа, а с другой — позволяла отбирать из этого неисчерпаемого резерва в большой спорт лучших из лучших, оказалась ненужной нынешним непутевым бизнесменам, которые, разрушив одно, не смогли создать ничего даже близко похожего. Заграничный футбольный импорт закономерно оказался вторым, или даже третьим сортом, потому что лучших игроков никто нам не отдаст. А местные футболисты новой, коммерческой формации, уяснив, что главное — это деньги, которые якобы всё решают, стали даже на футбольном поле больше думать о своих гонорах, чем о том, кому отдать пас.

Именно так длинный рубль убил наш футбол. Но если бы только футбол! Так совпало, что именно в эти июньские дни были опубликованы итоги первого эксперимента с участием российских частных компаний в китайской системе электронной розничной торговли. Результат оказался для них примерно таким же разгромным, как матч России с Уэльсом. За несколько месяцев работы отдельного российского раздела китайской интернет-площадки AliExpress, где были представлены одежда, обувь и аксессуары российских производителей, покупатели совершили аж 24 заказа! При этом посетили проект более 130 тыс. человек. В AliExpress причину этих, мягко говоря, низких продаж видят в «неоправданно высокой стоимости и отсутствии оригинальности» предлагаемого российского ширпотреба. Согласно презентации, цены российских компаний в несколько раз выше китайских. Так, свитшот Trends Brands Base стоил 3,2 тыс. руб., а похожий китайский товар — 153 руб. с бесплатной доставкой; кожаный клатч «Анна Чапман» стоил 6,8 тыс. руб., китайский аналог — 1,5 тыс. руб. И так далее.

Хочу особо подчеркнуть. Речь в данном случае идет не о сырьевом бизнесе, который по определению является паразитическим и ни о какой эффективности «рыночной экономики» заведомо говорить не может. Речь именно об «успехах» российских рыночников из реального сектора, которые оказались примерно такого же сомнительного сорта, как и футбольные. И диагноз, смею утверждать, точно такой же — массовое сворачивание длинным и легким рублем.

В условиях фактического развала государственности, имевшего место в девяностых годах, — именно тогда, когда формировался российский новый рыночный класс, он просто не мог не получиться таким дефективным и вороватым,

---

каким в итоге и стал. Причем, независимо от конкретной сферы приложения усилий. Ведь менталитет не пропьешь, а он везде одинаковый — сделать поменьше, урвать побольше. Кому сильно повезло, тот сразу прилип к месторождениям и бензоколонкам, кому повезло поменьше — те рванули в реальный сектор, но ровно с такими же грабительскими намерениями.

В результате делают на копейку, а цену ломают в рублях. Причем китайские оценки этого частного предпринимательства «а ля русс» еще очень сдержанные. Вот что пишет, например, родимый «Россельхознадзор» о ситуации с фальсификацией российской молочной продукции. Не стоит забывать, что практически весь этот производственный сектор сегодня находится в руках частных «эффективных менеджеров»:

«Дорогое козье молоко нередко подменяется более дешевым коровьим, а цельное коровье молоко жирностью 4,5% или 6% — нормализованным с жирностью в 2,5%. Кроме того, вместо натурального молока часто используют восстановленное с добавлением растительных жиров. Наконец, молоко просто разбавляют обычной водой.

Кроме воды, в молоко подмешивают крахмал, мел, мыло, соду, известь, борную или салициловую кислоты и даже гипс. Все это делается для фальсификации или для предохранения от быстрого скисания. В действительности, применение этих добавок не предохраняет молоко от скисания. И, что самое главное, часто приводит к пищевым отравлениям.

Сметану, по данным ведомства, чаще всего разбавляют водой, кефиром или обезжиренным творогом, после чего добавляют в ее состав растительное масло, соевый белок или крахмал. В сливочное масло добавляют маргарин, в сыр — соевый белок, в творог — растительные жиры. В результате жирность фальсифицированного нежирного творога нередко превышает 10% (вместо заявленных 0,5%)».

«Целью фальсификации является получение незаконной прибыли за счет снижения себестоимости продукции в результате несанкционированной замены качественного биологически ценного сырья менее ценным»», — делает вывод российский государственный орган.

Примечательно, что в этом докладе «Россельхознадзора» не указывается — какие конкретно предприятия занимаются таким преступным «бизнесом» и, следовательно, можно говорить о существовании общей, широкомасштабной тенденции.

Иначе и быть не могло в случае с частным сектором экономики, который сформировался в 90-е годы на основе бандитских «бригад» и этнических ОПГ.

Можно сколько угодно биться головой о стенку, настаивая на том, что это «отдельные недостатки в пробирной палатке», но так можно только башку себе расшибить. Так называемый «частный бизнес» во всех его ипостасях в России потерпел полную катастрофу. Да иначе и быть не могло с учетом его гнилостной, криминальной закваски и желания извлекать максимальную прибыль при минимальном вложении средств и своего труда. Назовите мне хотя бы один завод, построенный в России за последние 25 лет российским частным бизнесом и на основе российских же технологий. Не назовете. Потому что нет таких. В лучшем случае — это купленные за границей сборочные цеха для «отверточной» (то есть самой примитивной) сборки заграничной же бытовой техники. Та же рваческая психология — лишь бы побыстрее извлечь максимальную прибыль и купить на эти шальные деньги дворец в какой-нибудь заморской «стране чудес». И плевать им на отечественные «ноу-хау» и прочие высокоумные прикормы. Самые прибыльные российские «технологические компании» сегодня — это, опять же, частные операторы мобильной связи, зашибающие бешеные деньги на абсолютно тупой эксплуатации купленного за границей комплектного базового оборудования и мобильных трубок.

Практически все новейшие предприятия и технологические линии, построенные в России за эти годы и обеспечивающие ей приличное место в рейтинге мировых промышленных держав, построены за государственный счет и в рамках государственных усилий по экономическому и социальному развитию страны. Попутно на этих сотнях новых заводов созданы сотни тысяч новых рабочих мест.

А там, где в это же время свирепствовал частный бизнес, — были купленные по дешевке турецкие помидоры, египетская картошка и мерзость запустения на огромных территориях центра России, где условия для развития сельского хозяйства, как минимум, не хуже, чем в горно-каменистой Турции. Сам видел этот ужас в сельских районах Тверской области. Между прочим — самой ближней к Москве!

Россия — исторически страна государственной организации производства и коллективистского морального климата. Нравится нам это или нет — не имеет никакого значения. И там, где русские люди трудятся в этих привычных для них условиях, там они до сих пор показывают прекрасные результаты. И если те же китайцы не спешат приобретать сомнительные потребительские товары российского частного сектора, списанные с американских аналогов, то они же по-прежнему стоят в очереди за оригинальной высокотехнологичной

российской продукцией, типа авиационных двигателей или боевых самолетов. Да что там китайцы, если даже США уже не могут летать в космос без российских ракет и двигателей.

Русский человек по своей природной ментальной организации — коллективист и бесребреник. И если его сбить с этих естественных, вековых основ и попытаться заменить их противоестественной погоней за длинным рублем, то ничего, кроме многократно ухудшенной копии западного оригинала, у нас не получится. И пытаться не стоит. Печальный опыт ленивого и вороватого отечественного «частного сектора» — тому порукой.

И сегодня, когда Россия вновь находится в преддверии очередного поворотного пункта своей истории, итоги последних 25 лет следует оценить без всякой предвзятости — по их истинному результату. Потому что дальнейшее движение в исторически и ментально неверном направлении может дать только пагубный и уже необратимый результат. И отнюдь не только в футболе.

РАССКАЗЫ

В РОДНОМ КРАЮ

Филипп Маркунин приехал погостить денечка на три-четыре к матери. Не был дома четыре года. Всё как-то не получалось навестить родных. Не сказать чтобы он совсем не вспоминал о доме, о матери, о сестре... Все-таки как-никак, а в родительской избе детство мимолетно пролетело. Да и как не вспомнить о матушке, о родной кровинушке, о человеке, который тебя вырастил любовью и лаской? Отними, пожалуй, у человека воспоминания, любовь, жалость — и он потеряет в себе человечность, которая только и отделяет нас от каменной бездушной стены. Случается, заное сердечко, вспомнишь о матери, и так тревожно на душе становится, что сил нет. Как-никак, а годы немолодые. Отца уже давно схоронили. После похорон Филипп так и не был в родительском доме. Часто бывает, что затоскует сердечко, запорхает крылышками, словно пташка в клетке, запросится в родные края, да работа не отпускает. Только и успокаиваешь себя, что будет отпуск,

ПРОЗА

и обязательно навестишь мать. Но вот приближается тот самый долгожданный отпуск, и все думы о поездке на родину куда-то исчезают. Так, к сожалению, бывает. Думаешь-думаешь весь год о родных, а приходит этот самый «отпуск» — жена с детьми запрягнется на море, и все твои планы теперь только о солнечном курорте.

В этот раз было иначе. Перед самым отпуском Филиппу приснился странный сон. Будто сестра его Анжела сидит на крыльце в одной ночнушке, оголив колени, и поглаживает покойного пса Валдая. Окна в избе заколочены. Помнится Филиппу, что ни матери, ни племянника Ванюши нигде не было видно. Только сестра с распущенной косою грустно обнимала пса и напевала ему колыбельную. Отчего-то ноги у нее были изрезанны, и Валдай старался слизать с неглубоких ран языком кровь. Маркунин проснулся в холодном поту и до утра не сомкнул глаз. Неужто с матерью чего стряслось? Бехороший сон. Хотя сны всякие бывают. Иной раз такая белоберда приснится, всю голову сломаешь и не поймешь к чему. Весь день Филипп ходил сам не свой, а под вечер позвонил сестре узнать, как у них дела. Оказалось, что все хорошо, только вот соскучились по нему и деткам ужасно. И решил Маркунин через пару недель, как освободится на законных правах от работы, навестить мать. Жена от такой идеи в восторг не пришла.

— Никуда ваш юг не убежит, и море ваше за четыре дня не украдут, — сказал тогда Филипп. — Навешу своих. После поедем отдыхать.

Спорить с ним никто не стал, но и составить компанию тоже никто не блеснул желанием. Оно может даже и к лучшему. Иногда человеку нужно побыть одному, отдохнуть от всех.

В родимом доме Филиппа встретили с распростертыми объятьями, поцелуями, со слезами. Матушка с годами превратилась в плакунью. Она и в молодые-то годы не стыдилась слез. Бывало, всплакнет на радостях или с горя. А теперь и вовсе — случись чего, и тут же слезы. И не поймешь иной раз, то ли радуется, то ли огорчилась. Но сейчас были добрые слезы, слезы радости. Как-никак сын мать навестил, в избу солнышко заглянуло, это их Филипп, пусть и короткий, но привез с собою в эти серые бревенчатые стены праздник.

Пока Филипп распаковывал подарки, беседовал с матерью и слушал забавного Ваньку, сестра его, Анжела, тем временем затопила баню. Баба она была крупная, румянистая, всю работу по хозяйству тащила на себе: и мужскую и женскую. Молодая, красивая, работающая — на такой женись, она

тебе и женою и матерью станет. Сытый, глаженный, ухоженный будешь, лишь бы сам дурака не валял и от работы не увиливал. Как ни крути, а с такой женой не забалуешь. Поэтому, наверно, до сих пор и одна. В город ей, конечно, уехать нужно, а в этом захолустье последние остатки молодости губить. Сколько раз ее Филипп звал — не едет. Мать не хочет оставлять одну, да и город ее пугает. Это уж если сразу в юные годы не подашься туда, не уедешь из деревни, потом сложнее поменять что-то в жизни. И страшно, и издумаешься весь: «А стоит ли?»

После бани распаренный и разруганный, как молодой поросенок, Филипп с семьей пил чай и беседовал о жизни. Анжела жаловалась, что школу их, девятилетку, собираются закрывать, и если это случится, то Ваньке, как и другим детям, придется ездить гранит науки грызть в Черемушки. А это за двенадцать километров. Кто возить станет? Мало того, что школа в зиму почти не отапливалась, дети в куртках и пальтишках учились, то теперь и вовсе закрыты собираются. Филипп понимающе кивал головой и посматривал на белобрысого Ваньку, который весело надкусывал торт и совсем не переживал, что школу собираются закрывать. Мать, Августина Васильевна, коротко рассказывала о сельской жизни, которая в принципе ничем не изменилась за последние годы. Разве что у Лупатовых сын погиб.

— У Марьи Лупатовой... Кольку-то помнишь? — спросила Августина Васильевна сына. Филипп кивнул. — Пролетным летом на тракторе перевернулся в овраг пьяный.

— Убился?

— Знамо дело, — ответила та. — Все кости, как через мясорубку прошли. Куда там.

— Да и не сказать, чтоб уж шибко и пил, — вздохнула Анжела. — Выпивал, конечно, ну а кто тут не пьет? Но так ведь и работал. И голова и руки при себе. И не буянил сроду. Чего вот, скажи на милость, понесся сломя голову вдоль оврага?

— Марью жалко, — Августина Васильевна тихонько вздохнула и отвела взгляд в сторону, в угол, где висели иконы. — Единственный ребенок в семье. Внуков и тех не оставил. Были бы внуки, всё, глядишь, с бедой легче управиться было бы. А тут... Она теперь места себе не находит. Каждый день с утра до вечера на кладбище проводит. Не приведи, Господи, родителям детей своих пережить. Не приведи, Господи.

Филипп посмотрел на мать. Сердце сжалось от жалости. Вспомнил, как два года назад дочурка упала с дерева и сломала руку. Полезла снимать котенка и сорвалась. Филипп тогда места себе не находил в больнице, пока дочери накла-

---

дывали гипс. Сотню раз такую же боль перенес бы сам, лишь бы его дитя не страдало, не плакало. Чего уж говорить про материнское сердце, которое всю жизнь переживает за своих детей.

Тем временем из комнаты показался Ванька, который пришел за очередным куском торта. Не став слушать взрослую беседу, он уже с полчаса как ушел к себе в комнату смотреть телевизор.

— Ничего не слипнется? — в шутку спросила Анжела. — Вот только попробуй у меня не поужинать.

— Не слипнется, — важно сказал паренек и, положив на блюде кусок торта, поспешил обратно к себе.

Все улыбнулись. Анжела принялась убирать со стола, Филипп отправился на крыльцо покурить. Село, как и десять лет назад, жило всё такой же тихой, спокойной жизнью. По улице носилась чья-то рыжая дворняга, вывалив набок языка, гоготали где-то гуси и кудахтали куры, кучерявый мальчишка лет пятнадцати гнал со стороны оврага стадо. Вот она где, жизнь. Живи, никуда не торопись, да радуйся... Красота кругом какая... И спешить никуда не надо, сломя голову несясь на утренний трамвай. Куда спешим, зачем? У каждого человека финиш жизни один. Дальше могильных холмиков все равно не убежишь.

Потушив каблук ботинка окурком, Филипп решил пройтись по селу. Выйдя за калитку, он неспешно побрел по улице, на которой прошли его детство и юность. Ах, память-память, можешь же ты встряхнуть душонку так, что и не заметишь, как сквозь улыбку на щеке блеснет слеза... Всё сейчас Филиппу помнилось, словно только вчера покинул эту улицу. Как босоногим мальчуганом играл с ребятишками в лапту и чехарду, как носился на стареньком «школьнике», пугая соседских уток и гусей, как за тем вон оврагом на лугу помогал пастуху Емельяну пасти стадо, и всегда рядом был верный друг Валдай. Даже припомнилось, как у сердитого, хромого на одну ногу старика Василия Степановича рвали ножами сливу и яблоки. Много чего было. Кажется, что и не уезжал никуда, что и не было никакого города, а только все тридцать с небольшим лет и была эта улица, пруд за околлицей, сады, полные сирени и вишни.

Филипп остановился возле старенькой покосившейся избенки, в которой уже несколько лет никто не проживал. Раньше там с родителями жила Першина Елена или просто Аленка, как Филипп любил ее называть. Красивая, веселая, забавная девчужка с двумя родинками на левой щеке. Когда-то в этой девочке он не чаял души, ночами не спал, верил и

знал, что обязательно они поженятся. Возле того вон тополя стояли до рассвета, целовались. Как быстро пролетело время, каких-то двадцать лет, а помнится всё, словно и не было никакой взрослой семейной жизни, а только и была эта весенняя зеленая юность. Теперь Аленка сама городской житель. Как поступила учиться в Казань, так и осталась там. Слышал Филипп от сестры, что она каждое лето навещала мать, а потом забрала и ее к себе. Больше их здесь не видели. Избу продавать не стали. Так и стоит она покосившаяся среди других бревенчатых изб, напоминая, что когда-то и в ней проживали хорошие добрые люди.

Филипп, сам того не ожидая, прошел село и вышел к кладбищу. Навестить отца собирались с матерью завтра. Но теперь-то уж не возвращаться назад. Филипп зашел на погост. Вот оно где, последнее пристанище людей. И тихо здесь, и спокойно, и в то же время грустно. Проходя мимо надгробных плит, понимаешь, что не вечен человек. Жизнь легко оборвать и в молодые годы. Вон их сколько, юных и красивых лиц. Жить да жить, а они с неведомой тайной смотрят на нас с могильных крестов — будоражат жалость. Молодых всегда жалко.

Могила отца была ухожена. Видимо, Анжела частенько навещает ее. Она вообще с ранних лет была привязана к отцу. Папина дочка. Сильно переживала, когда его не стало. Вся в мать — такой же доброй души человек. Добрая и работящая. С возрастом, наверное, тоже плакуньей станет. Добрые люди всегда всех жалеют, переживают обо всем — оттого и слезы. Филипп присел у могилы, посмотрел на крест, с фотографии которого пожилой мужчина мирно смотрел в даль кладбища. Вспомнилось, как ходили с ним на сенокос заготавливать сено. Скотины держали много. Это сейчас только у матери козы да куры остались, а раньше и корова была, и поросята имелись, да и кроликов одно время разводили. Хозяйство было. Переведя медленно взгляд на могилу, Маркунин подумал о том, что вот прожил человек жизнь, честно прожил, всю душу вкладывал в детей и работу. И за все эти четыре года у сына его не нашлось времени навестить могилку. Если бы не дочь, то поросла бы, скорее всего, бурьяном, как многие могилы. С этой мыслью у Филиппа больно сжалось сердце. Стало стыдно и горько на душе.

Уже возвращаясь обратно, почти у самых ворот Маркунин заметил низенькую сгорбленную старушку в черном платке. Та неподвижно стояла у могилы. Только подойдя ближе, Филипп узнал ее. Это была Марья. Та, что в прошлом году схоронила единственного сына. И вот стоит она у его

могилки и ничего не замечает, что происходит вокруг. Весь мир сейчас замер, потому как она мысленно ведет беседу с сыном. Филипп решил подойти. Пройти мимо, пусть даже тебя и не заметили, было как-то неправильным. С Николаем все-таки росли на одной улице, в одну школу бегали, даже в армию и то уходили в один день.

Только когда Филипп подошел почти вплотную, Марья заприметила его и обернулась. Маркунин, не проронив ни слова, посмотрел на нее. Как же она постарела. Прядь седых волос виднелась из-под черного платка, глубокие морщины гуляли по всему лицу, пустые одинокие глаза... Даже худое тело ее было сейчас каким-то скукоженным, сутулистым. Перед Филиппом стояла старушка, хотя эта самая «старушка» была моложе его матери. Вот что горе с человеком делает.

Некоторое время стояли молча. Тишину развеяла Марья. Убрав седину под платок, она тихонько, еле слышно, вздохнула:

— Маму решил навестить?

— Решил, — тоже в полголоса ответил Филипп.

— Все-таки нашел время, — какая-то капелька упрека прозвучала в ее словах. Маркунину стало даже как-то не по себе. — И я вот к Коленке пришла. Поговорим с ним немного, и всё легче обоим. И мне, и ему. Одному лежать одиноко здесь. Вот я и хожу, чтобы Коленка мой не скучал.

— Вам бы, Марья Сергеевна, у могилки скамью поставить, чтобы присесть можно было, — посоветовал Филипп.

Женщина, давно убитая горем, мимо ушей пропустила его слова. Ей хотелось говорить о своем, о том, что ее беспокоит и тревожит. И она говорила.

— А бывает, ноги не слушаются. Весь день в постели пролежишь, а под вечер придешь сюда, а он мне и говорит: куда, мол, мамочка, подевалась? Не забывай меня. Навещай почаще. А я ему: да как же я тебя, родненький, оставлю, да что ты такое, сыночек, говоришь? — Женщина тяжело вздохнула и ладонью смахнула слезу. — И ноги не слушаются, и сердце на куски разрывается. — И, переведя усталые влажные глаза на Филиппа, спросила: — К отцу ходил?

— Ходил, — не сразу ответил тот.

— Это правильно. Нам теперь только и остается, что навещать их. Не забывать. Они ведь ждут нас, когда мы придем и поговорим с ними. А мы не ходим, забываем. Закопали и поминай, как звали. И зарастают могилочки, и не видно становится их, будто и нет. Все мы под одним крылом у смерти ходим. Никто не вечен. Не сегодня-завтра нас примет земля. И будем мы лежать, ждать, что кто-нибудь придет из родных,

---

навестит, поговорит с нами. Да только никому до нас дела не будет. Спрашивается тогда, для чего живем, для кого, зачем?

Женщина снова посмотрела на Филиппа. Тот промолчал. Да, конечно, навещать родных и близких надо, но губить и свою жизнь, убиваться горем и не видеть больше никакого смысла существования — разве это правильно? Вряд ли ушедшие от нас дорогие сердцу люди хотят этого.

— Я Коленьке зефир в шоколаде да ириски приношу. Он маленький уж очень любил их. Ох и сластена был, — Марья за всё это время впервые улыбнулась.

И вот она опять замолчала, уставившись на крест. Снова непонятные думы навели ее. Ей не было дела ни до кого. Казалось, она и правда ведет беседу с умершим сыном. Филипп постоял еще немного и, чтобы не мешать, оставил Марью одну. Уже у выхода Маркунин обернулся и еще раз посмотрел на нее. Женщина по-прежнему стояла неподвижно и смотрела на могилку. Вот оно какое бывает горе, возьмет человека в объятия, и не вырваться из них. Так и умом тронуться недолго, позабыв о нормальной жизни.

Покинув кладбище, Филипп вновь оказался в мире живых — в мире проблем, суеты и боли. Не торопясь, Маркунин пошагал обратно в село. Наступал вечер. Где-то еле слышно играл радиоприемник, доносились звонкие детские голоса. Улица вновь нахлынула теплыми приятными воспоминаниями. Жизнь всюю была ключом. И даже не верилось, что совсем неподалеку находится Марья, одна справляющаяся со своим горем.

Филипп держал путь в родительский дом. Он шел к матери и сестре и, поглядывая на зеленые сады, вспоминал отца.

НА РЕЧКЕ, НА РЕЧКЕ, НА ТОМ БЕРЕЖОЧКЕ...

Корзину Олегу Матвеевичу было шестьдесят с небольшим. Вот уже как пару годков коротал он свои денечки на пенсии. Но и то, без дела никогда не сидел. Зимой нанимался сторожем в сельсовет, а летом пас сельское стадо. Глава сельсовета Наум Григорьевич (который и сам держал трех телок) с приходом весны, поглядывая на Корзина, лукаво прищурил левый глаз, каждый раз спрашивал:

— Ну, что, Матвейч, надо бы и этим летом за стадом присмотреть.

— Надо, так надо, — соглашался старик.

— Больше некому, — разводил руками Наум Григорьевич. — Да и народ тебя хвалит. Как, говорит, мы без нашего Матвейча будем? На кого коровушку свою оставим? Хех...

Олег Матвеевич послушно кивал головой. Народ и правда был благодарен старику, что так ловко и умело нянчился с коровами. Да и скотина его полюбила и слушалась. А коли и попадалась какая непутевая дуреха, то его собака по кличке Сара быстренько эту хулиганку утихомиривала, ставила на место. Да и прав Наум — больше никому. Молодые не идут в пастухи, а те, кто уже в годах, либо здоровьем слабы, либо пьют безбожно. Сколько с этими пьяницами намучались, натерпелись, слов нет.

Проживал Олег Матвеевич в пятистенной избе с дочерью и внуком. Жену, Елизавету Павловну, редкой доброты души человека, схоронил семь лет тому назад. Тоже вот ведь как бывает. Всю жизнь отработала почтальонкой. Натерпелись ноженьки ее беготни. Вышла на пенсию. Здоровье и силенка имелись еще. Не жаловалась ни на что сроду. Всю работу по дому сама делала. А в майские праздники прилегла днем отдохнуть на часок, да и не проснулась больше. Если бы не дочь, совсем тяжело старику пришлось бы. Поговорить и то не с кем. Одиночество — суровая баба, та еще стерва, возьмет в свои объятия, тряханет как следует, что и умом тронуться недолго. Молодые-то с ней не всегда справляются, чего уж говорить про стариков.

А вот с внуком Олег Матвеевич не ладил. Никак не получилось найти с ним общий язык. Лентяй несусветный. Ничем не помогал ни матери, ни деду, мерин такой. Только и знал, что целыми днями лежать на кровати в наушниках и слушать музыку. Стены все увешаны плакатами с длинно-волосыми музыкантами в «кожанках». Это Корзин тоже не одобрял.

— Чем бока пролеживать, шел бы лучше в огород. Полоть надо, — говорил Матвейч внуку.

— Успеется, — лениво отвечал тот.

— Задарма хлеб ешь, паразит эдакий! — бранился старик. — И не стыдно?

— Мне в армию идти скоро, дайте хоть лето нормально пожить, без всяких огородов и упреков, — возмущался парень.

— Ты всю жизнь лоботрясничаеть, лось такой. Хоть бы разок матери помог, бесстыжий! — Олег Матвеевич в сердцах ругался. — Ничего-о, в армии из тебя сделают человека. Научат мамку любить и уважать старших.

Внук на это равнодушно улыбался.

Есть у Олега Матвеевича еще сын Валерка, который живет в соседнем районе. Но так случилось, что давным-давно поругались они с ним сильно. Потому и не видятся больше.

Из-за чего побранились, Олег Матвеевич уже и не припомнит. Прошлым летом старик ездил в соседнюю Криушу мириться с сыном, но получил от ворот поворот. Видать обиду Валерий далеко за пазуху спрятал, гордыня в молодой душе играет, раз родного отца признавать не желает.

— Видимо, и правда я здесь никому не нужен, — сказал тогда Корзин, глядя сыну в глаза и уставшей сутулой походкой медленно побрел к автобусу. Больше не смел тревожить Валерку своим присутствием. А сердце нет-нет да кольнет, вспоминая о сыне. Да и как не тревожиться, не переживать ему — ведь кровинушка родная. Не чужой.

Рано утром, выгоняя стадо в поле и примостившись где-нибудь в тенечке, забивая толстыми пальцами табак, Олег Матвеевич пускал из ноздрей густой дым и любовался коровами. Вот какие они у него красавицы! Все до одной. К каждой животинке он испытывал непонятную нежность и радость. Словно все они были его. А коровы молча жевали сочную траву, время от времени трясли головой, прогоняя назойливых слепней. Часам к десяти на поле приходил паренек Серега. Его белобрысая шевелюра и синие шорты виднелись издалека. Заприметив его еще от холма, старик расплывался в улыбке. Ему нравился паренек. Они дружили. Тот весело здоровался и присаживался рядом, подтягивая босые ноги к животу. Было Сереге десять лет. Жил он с матерью один. Отца не помнил. Слышал только, что веселый был мужик и выпить любил. В одну из февральских ночей замерз пьяным. Не дошел до дома. Поутру в сугробе нашли прямо возле калитки.

— Ну как, рыбы много наугуюжил? — спросит, бывало, Олег Матвеевич паренька.

— Какой там. Не хочет клевать штой-то, — Серега важно треплет свое большое ухо. — На Сивухин пруд надо ехать. Да там криушинские не дают.

— Не пускают?

— Бранятся.

— Это не дело. Раньше такого не было.

— А кому охота, чтоб с других деревень катались. Свой иметь надо.

— И что, совсем у нас не берет?

— Не-е, не хочет, — Серега мотает белобрысой челкой. — Емельян Петрович говорит, что рыба нынче сыта.

— С чего бы это?

— А кто ее знает.

Олег Матвеевич, громко покашляв в ладонь, затихает. Он и сам раньше любил порыбачить, посидеть с удочкой на бе-

---

регу. И сколько себя помнил, рыба всегда водилась в реке. Последнее время, правда, зрение у Матвеича подыспортилось совсем. Долго любоваться на поплавок не может, глаза устают, да и разве его увидишь теперь, крохотульку эту. А Петрович, видимо, хитрит. Эх, хитрит. Малец еще ловить толком не умеет, а он ему — рыбы нет. Это куда ж она тогда подевалась, а? Надо будет как-нибудь Серегу на вечернюю рыбалку сводить. Пусть знает, что и у нас не все так плохо. И даже лучше, чем у этих криушинских. Главное, места знать.

Олег Матвеевич достал из кармана рубахи кусок газеты, оторвал малость, свернул «козью ногу», набил туда табак, прикурил, и, затянувшись, пуская из больших ноздрей едкий дым, тяжело вздохнул. Запрокинул голову и стал любоваться облаками, что медленно плыли себе по бескрайнему широкому небу.

— Неужто и правда она сейчас где-то там? — тихо произнес он.

— Кто? — не понял его Серега.

— Та-ам, — кивнул Матвеич. — Ни одну букашку сроду не обидела, худо никому не сделала. Где ж ей тогда быть? Бог, он всё видит.

Серега, по-прежнему не понимая, о чем говорит Корзин, тоже уставился на небо.

— Помру я нынче скоро, — неожиданно сказал старик. И сказано это было так, словно об этом он знал наверняка. Будто заглянул случайно в книгу жизни и теперь готовился без всякого страха и сожаления к последнему дню.

— Да что вы такое говорите, дядя Олег. Вы не говорите так. Об этом даже думать грешно. Мама всегда говорит — будь, что будет, живи, пока живется. А приманивать ее, горбатую, нечего.

— Хех. Агафья Аркадьевна знает, как сказать. Хорошая женщина, — старик улыбнулся. — Помогаешь матери-то?

— А как же. Чай, я у ней один. От кого ей еще помощи ждатель. Вот кончу школу, отучусь на водителя и буду, как дядя Миша, работать. Он вон поскольку зашибает. И дом, и хозяйство какое.

— Эт правильно, эт нужно... Родителей беречь надо, — сказал Олег Матвеевич. — Ты вот кнут возьми и учись...

— А то я не умею, — перебил Серега. — Я уж, дядя Олег, давно научился им щелкать. Поди, и сами видели, только не помните.

— Хлыстать это одно. Этому любой дуралей обучится. Надо, чтобы животные к тебе привыкли. Чтобы слушались

тебя. Ты завтра прихвати из дому хлеб с солью да угости их. Они, ить, как и человек, ласку и доброту помнят. Мне недолго осталось — этот бы год как-нибудь осилить. И новый пастух потребуется. А нынче молодые не шибко к такой работёнке приучены. Вот и пойдешь к новому пастуху подпаском за приставки. Коли скотина слушаться будет, в помощники возьмут. Всё какие-никакие деньги. Матери помощь. Хоть сам себя в школу оденешь.

— Да я по годкам не подхожу, — поглядывая на старика, ответил Серега.

— Ничего-о, раньше лошадей выгоняли в ночь вот с таких вот пор. А тут... С Наумом Григорьевичем я поговорю. Он мужик умный, поймет. Скажу, замену готовлю.

— Ну, хватит вам.

— А чего? Иль думаешь, мне вечно эту землю топтать? Нет, такого не бывает, братец, — сказал Корзин и, уставив взгляд на горизонт, тихонько добавил. — Только больно от того, что умру, и дела никому не будет. Придет ли Валера проститься? Проводит ли в последний путь, постоит у гроба? Вряд ли. Ему не до меня. Чего уж еще ждать от жизни, коли родному сыну не нужен? — Старик потушил окурок. — Не придет Валера. Не придет.

Теперь каждый раз, приходя на поле, Серега брал из дому горбушку хлеба и угощал им коров. Оказывается, эти животные очень даже миролюбивые. И Олег Матвеевич был совершенно прав, что коровы всё помнят. Бывало, только Серега явится, как они тут же к нему тянутся. Тот и хлебушком угостит, и по голове погладит, ласковое слово на ухо шепнет. Как после этого мальчугана не полюбить?

В обеденное время старик подзывал Серегу перекусить. Корзин доставал из серой сумки скатерть, стелил ее на траве и аккуратно выкладывал на нее вареную картошку и яйца, ржаной хлеб, лук, тюбик с солью и бутылку с молоком. Трапезничая и поглядывая за стадом, старик обычно начинал вспоминать какой-нибудь случай из жизни или же наоборот, сам о чем-нибудь просил паренька рассказать. Ему нравилось слушать малого.

— Егорка-то к вам захаживает? — спросит вдруг Олег Матвеевич, как бы невзначай, случайно, а сам с хитрецей глядит на паренька. Это он о своем племяннике, который временами заглядывает к Серегиной матери. Что у них там происходит, не поймешь. То Агафья Аркадьевна пускает его и даже оставляет ночевать, и нет-нет да и упомянет о нем, когда тот подолгу не появляется. А бывает, что прямо с порога метлой гонит, как пса негодного. Сам по себе Егор мужи-

---

чок тихий, хороший, только вот одна у него беда — пьет. И пьет часто, помногу. Оттого-то, видать, и скандалят с Агафьей.

— Заходит, — отвечает Серега, поглядывая под ноги, в траву. — Толку-то.

— Чего так?

— Маменька его последнее время часто хаёт.

— Что ж они никак язык-то общий не найдут? — интересуется Матвейч. Паренек пожимает плечами.

— А чего он пьяный всегда? Она теперь алкоголиков на дух не переносит. Папка у меня ведь тоже любил выпить. И где он сейчас?

— Так-то оно да... так-то все верно, конечно, — Олег Матвеевич понимающе кивал головой. — Жалко вот только его, дурака, тоже. Я ить его вот с таких вот пор нянчил. Да и мужик он неплохой. Только вот скажи... да... Руки ему повыдергивать, чтоб стакан этот чертов брать не мог.

— Так ведь и через соломку можно, — сказал Серега. Матвейч посмотрел в наивные ребяческие глаза и тихонько засмеялся.

— Можно. Тебе самому-то как, Егорка нравится?

— Нравится, — признался Серега. — Он меня на тракторе учил ездить. А еще мотоцикл обещал мне отдать, как подрасту. Только его отремонтировать нужно.

— Ты мамке как-нибудь скажи, мол, плохо без папки-то жить, — посоветовал Матвейч. — А мозги Егору вставим. Он у нас не то что выпить, забудет, как она, дрянь эта, пахнет.

Серега послушно кивнул головой.

После легкого перекуса, Матвейч обычно, облокотившись на локоть, тяжелым хриплым басом запевал какую-нибудь песню. Старик много знал хороших душевных песен. Паренек тут же присоединялся и звонким молодым голосом подпевал. Ежели Серега не знал слов, тогда просто слушал, тихонько мыча в такт.

— Про Марусю знаешь?

— А вы напойте, — попросит паренек.

Старик, потирая влажные губы, стараясь изо всех сил, запевал: «На речке, на речке, на том бережочке, мыла Марусенька белые ноги...» Серега, услышав знакомую песню, радостно начинал подпевать.

Ближе к полудню появлялся на поле народ с ведрами — доить коров. Самыми последними, когда все разойдется, приходили Анюта и Лешка. Анюта только-только окончила школу и уже подала документы в город. Высокая, стройненькая, светленькая, как колосок пшеницы. У Лешки коровы

нет, они не держат. Но парень все равно каждый раз приходит с подругой за компанию и помогает ей нести ведро. Девушка скромно здоровается с Матвеичем и Серегой и, виновато пряча глаза в сторону, начинает доить свою Рыжуху. Лешка стоит рядом, закинув кепку на затылок, важно поглядывает по сторонам, шевеля губами травинку. Но вот Анюта перестает доить, выпрямляется, поправляет платок и все так же, скромно попрощавшись, направляется в деревню. Лешка молча берет ведро и следует за ней. Тихой походкой они идут к дому, о чем-то мило беседуя.

— И чего это он всё ходит? — задумчиво говорит Серега. — Сами скотину не держат, а чужие ведра таскает.

— Жених, потому и таскает, — объясняет Матвеич, с доброй завистью поглядывая на молодых. Серега громко захотал. — Чего это ты? Сам скоро за девчонками ухлестывать начнешь.

— Ну уж нет, — смеется Серега. — Не дождутся.

— А чем ты лучше? — улыбается старик и снова, переведев взгляд на влюбленных, с жадной радостью вспоминает и свою ушедшую юность.

В конце августа, когда ночами стало холодать, и уже не посидишь, как прежде, с раннего утра на земле, не повалешься, как в начале лета. Ближе к обеду Серега забрал у Матвеича кнут, собрал скотину в одно большое стадо и повел ее к реке. Старик остался лежать у пригорка, облокотившись на левый локоть, вновь посматривая куда-то в небо. Вернув коров с водопоя, паренек поспешил похвастаться Олегу Матвеичу, как ловко на этот раз ему удалось собрать их и так же ловко увести от реки и вернуть обратно. Что даже кнут, и тот почти не пришлось использовать. Всего-то пару-тройку раз и щелкнул в воздухе. Старик лежал по-прежнему на земле, запрокинув голову и заострив скулы, смотрел в небо. Серегу поначалу удивило, а потом испугало его равнодушное молчание. Он осторожно коснулся холодной кисти старика и резко, будто ошпарив ладонь, отдернул руку. Старик был мертв. Вскочив на ноги и не чуя под собой земли, паренек бросился в деревню.

Хоронили Матвеича скромно. Народу было немного. На похоронах плакал только один Серега. Ему до глубины души было жаль старика, и обида душила его маленькое сердечко от того, что Валерка не пришел проститься с отцом. Всё же знал старик о своем скором уходе и не боялся его. Когда опустили гроб, Серега запрокинул влажные от слез глаза к небу, как частенько последнее время делал Матвеич. Кто-то из

пожилых, видимо, чтобы успокоить, сказал, что там, на небушке, ему будет лучше. Серега ничего на это не ответил, лишь прижался к матери и заплакал еще сильнеей.

ОТЦОВСКОЕ СЕРДЦЕ

Константина Аркадьевича Громова весь вечер тяготило странное предчувствие. Непонятное беспокойство затаилось глубоко в душе. Оно-то и не давало покоя. Это был мужчина маленького роста с аккуратной лысиной и среднего телосложения. Везде во всем внимателен, нетороплив. Ни лишнего словечка тебе не скажет, ни придерется просто так по пустякам. Вел тихую однообразную жизнь. Работал Константин Аркадьевич в сельской школе учителем. Вот уже как тридцать лет преподавал юным односельчанам историю. Дочь его Олеся этим летом окончила школу и уже подала документы в институт. С раннего детства мечтала стать врачом. Как-то налаженно и гладко шла у Константина Аркадьевича жизнь, хоть другим в пример ставь — взрослая дочь-умница, рядом любимая жена, дом, хозяйство, работа, приносящая людям пользу. И, наверное, оглянись сейчас Громов назад, то смело мог бы признать: «А ведь и правда, жизнь прожил как человек». А, поди, тоже бывало, как и у всех: и радость и боль, и разочарование, и успехи, а всё же сумел пройти эту длинную дорогу как надо.

И всё бы так и шло своим путем к спокойной тихой старости, если бы не Васька-безотцовщина. На селе его прозывали коротко — шалопай. Он, действительно, был какой-то бестолковый, дурной. Никаких слов не понимал. Если уж что вбил себе в голову, ни одним ломом не выбить. Константин Аркадьевич знал паренька — преподавал ему историю и даже какое-то время был у него классным руководителем. Так что Громову хорошо был знаком этот горьковатый фрукт на вкус.

Кое-как с грехом пополам окончил Васька девять классов и подался в ПТУ. Отучился на тракториста, получил водительские права и работал теперь водилой. Всю свою несмышленную жизнь провалял дурака, а теперь зарабатывал ничуть не хуже, чем одноклассники, которые с хорошим аттестатом не сумели найти подходящую работу. Вот она, жизнь. Пыхтел-пыхтел за учебниками, а теперь никому не нужен. Не то, чтобы уж совсем не нужен, а просто нет мест. А все потому, что «засидевшиеся пенсионеры» не желают уступать тепленькие места молодым, или же какое начальство пытается про-

---

пихнуть своего работника, несмотря на то, что тот дуб дубом. Так что, поработай парень годик-другой «мальчиком на побегушках», а там, глядишь, и местечко подходящее найдется.

Это произошло в конце мая, когда Олесья готовилась к экзаменам. В девушку влюбился Василий. Вот ведь как бывает — всю жизнь прожили бок о бок, детьми были, ругались постоянно, а только стоило расцвести цветочку аленькому, как тут же сорванец поспел, как шмель на цветок. И теперь Василий кричит на все село, что у них большая любовь и что рано или поздно поженятся они и будут жить долго и счастливо. Люди посмеиваются, а тому хоть бы хны. Сколько валерьянки испил с этим Васькой Константин Аркадьевич, сколько нервов потрепал, и не сосчитать. Каждую ноченьку уснуть не может. Навадился жених по ночам к их дому ходить. Облокотится на калитку и по окнам глазами рыщет, как зверь какой. То камушек бросит, то свиснет. Поспи тут с таким. Каждую ночь свои сюрпризы. Весь забор исписан, какая Олесья хорошая, с соседних садов все цветы посрывал.

— Да скажи ты ему, наконец, что не нужен он тебе, Олеська! — бранились соседи. — Для него, гаденыша, цветы сажали?

— Говорила, толку-то, — отвечала девушка. — Если он деревянный, разве ему что докажешь?

— Деревянный не деревянный, а вон как любит.

— Знаем мы эту любовь, — сердился Громов. — Сам костьми лягу, но дружбе этой не бывать.

— Этот тугодум теперь житья не даст ни вам, ни нам, — охали соседские бабы. — Хоть кастрируй его, как котика шелудивого. И то не поймет.

— Как бы дом не поджег, — сказал однажды кто-то. — Дурная голова рукам покоя не даст.

Константин Аркадьевич поначалу несерьезно отнесся к этим словам, но каждый раз, когда Васька подходил к забору и начинал глазеть в окна, становилось беспокойно. Поди разбери, что у этого влюбленного дурака на уме? Сколько раз милицию вызывали, сколько раз его забирали, и всё ему ни почем. Диву давались, когда же он спит? Днем его не было видно, он всегда в разъездах. Но только наступал вечер, Василий появлялся у забора и искал глазами Олесью.

Этим вечером Васька не появился. Наверное, поэтому Константина Аркадьевича и не покидало странное предчувствие. Куда подевался? Неужто услышал Всевышний молитвы и образумил дурака? Вряд ли. Перед сном Громов на носочках подкрался к окну, как преступник какой, и аккуратно отодвинул край занавески. У забора никого не было. По-

---

дозрительно осмотрев двор, Константин Аркадьевич лег в кровать и обнял жену.

— Не видно? — спросила та.

— Не видно, — не сразу ответил Громов.

— Ну и ладно. Давай спать. Может, и правда за ум парень взялся.

— Сама-то себя слышишь, что говоришь? — Константин Аркадьевич искоса глянул на супругу. — Не-ет, этого дьявола, прости господи, ни одна кочерга не возьмет. Этого уже ничем не исправить. Характер с пеленок. Свалился на нашу шею, ирод.

Этой ночью Громов уснул в тишине. Никто не шастал у забора, не бросал в окна камушки, и даже пронзительного взгляда сквозь занавески не ощущалось. Пару раз всё-таки за ночь Константин Аркадьевич вставал, подходил к окну, но убедившись, что у калитки никого нет, удовлетворенный ложился в постель досматривать сон.

Но рано утром, где-то в четвертом часу, за окнами послышалось громкое пение под гитару. Диким воплем доносилась до жильцов дома отчаянная серенада влюбленного.

«Спря-ячь за-а высо-оким забо-ором девчо-онку, вы-кра-аду вместе с забо-ором...» — Васька выл на всю улицу. Певец из него, как выяснилось, тоже оказался никудышный. Но то, что он старался, было слышно по тому, как он пытался перекричать гитару.

— Это невозможно, — Константин Аркадьевич вскочил с постели. — Что же этот паршивец вытворяет?! Совсем совесть потерял.

Накинув на голое тело фуфайку, прямо в домашних тапочках Громов выбежал во двор. Заприметив хозяина дома, Васька перестал играть и убрал гитару куда-то за спину.

— Совсем ополоумел?! — закричал мужчина. — Я тебя спрашиваю?

— А что такое? — Василий был выпивши. Как ни странно, но пьянством тот никогда не славился. Может, и выпивал, конечно, где-то и с кем-то, но по селу потом не бродил, как веник, не красовался.

— Ты на время смотрел?

— Смотрел.

— Чего ты нам житья не даешь? Чего тебе от нас все надо?

— Олесю.

— Замолчи! — закричал Константин Аркадьевич в гнев так, что и сам испугался своего крика. — Ты это брось, парень. Слышишь меня? Выкинь, говорю, это из головы.

— Как же я выкину, когда я ее, ик, люблю.

Громов глубоко вдохнул и выдохнул, постарался успокоиться, не кричать больше.

— Ты, пойми, Василий, — заговорил он как можно спокойней, рассудительней. — Жизнь она ведь суровая штука. Не всегда она бывает сладка. Многие пытаются урвать самый сладкий кусок и местечко потеплее. Да только с ней, с жизнью, эти номера не проходят. Она в ответ лягнуть может. И очень больно. Нельзя вот так вот с размаху крикнуть «это мое!» и прибрать руками себе. Не всё, что хочется, исполняется, как по щучьему велению. Такого не бывает. Ведь мы, в первую очередь, люди, а не варвары какие и дикари, чтобы силой всё заполучать.

— Что вы этим хотите сказать? — Васька достал из-за пазухи початую бутылку, откупорил, предложил Константину Аркадьевичу, тот отказался. — За ваше здоровье, папа.

Василий залил в луженую глотку самогона.

— А говорю я про то, что не подходите вы с Олесей друг другу. Разные вы. Во всём разные. Найди другую девушку. Неужто у нас девиц больше нет? Вон какие барышни ходят по селу, только выбирай. Не весь свет клином сошелся на Олесе... Да и не любит она тебя.

— Вот с чего вы взяли такую глупость, а? Кто вам сказал, что не любит? Между прочим, мы с ней очень даже хорошо дружим. И у реки мы с ней мило беседовали на прошлой неделе. Она окуньков приносила? Так это я наловил. И, между прочим, она мне улыбалась и не посылала никуда. Значит, не так уж я ей и неприятен. Верно?

Константин Аркадьевич теребил влажные ладони, пытаюсь еще как-то держаться.

— Это ничего не значит.

— Конечно, не значит. У вас всегда всё не значит, — Васька облокотился на забор, протянул голову ближе к собеседнику. — Заперли её, как зверя какого в клетке, и довольны.

— Послушай, что тебе говорят...

— А то я не знаю, что вы мне скажете, ик. Я уже всё это сто раз слышал. Вам меня не понять. Я вам чужд. Хорошо. Но вы у дочери спросите, хочет она вечерами гулять или предпочитает, как мелкота какая, дома сидеть. Вон, оглянитесь, — Васька указал рукой в сторону дороги. — Все гуляют, только одна она, как прокаженная. Это же неправильно. Зачем вы вмешиваетесь в нашу жизнь?..

— Что?

— Не украду я её и не съем. Хотите, мы с ней у дома будем вашего встречаться? Прямо вот тут. Вот на этой лавке. Хотите, под вашим присмотром. Вы же меня совсем не знаете. Не

такой уж я и плохой, как вам кажется. А узнаете меня лучше, стыдно станет, что такого ранимого человека обижали, ик, папа...

— Замолчи! — Константин Аркадьевич снова взорвался. — Еще раз скажешь «папа», я тебе... Бесстыжий.

Громов двинулся к калитке. Васька мотнулся от забора. Упал. Попытался встать на ноги, снова упал. Громко засмеялся. Поднялся.

— Все равно мы поженимся. Вот увидите, — сказал парень.

С минуту стояли молча, не шевелясь, глядя друг другу в глаза.

Василий, взяв гитару в руки и ударяя по струнам, запел, удаляясь в темноту:

*С тестем водочку мы пьем,
С тестем крепко дружим.
С тестем весело живем,
Никогда не тужим...*

Константин Аркадьевич проводил глазами влюбленного музыканта и осмотрелся по сторонам. Никого больше не было видно. Свет в соседних избах не горел. Влюбленный Ромео не успел поднять своим воплем народ.

Громов отправился к дому, уселся на приступок, достал из кармана фуфайки папиросы. Вышла жена.

— Ну, чего он?

— Чего-чего, ничего. Как об стену горох, ей-богу. Трындит и трындит об одном и том же. Не-ет, пока Олеся здесь, житья он нам не даст.

— Что же это за напасть-то такая? — вздохнула супруга. — И ведь не боится никого. Ни милицию, ни...

— Что она ему, милиция-то. Чай, он к нам не воровать лезет. А по улице ходить еще никому не воспрещалось. — Константин Аркадьевич взялся за грудь.

— Сердце?

— Сходи на кухню. Достань валидолу. Сейчас подойду.

— Не курил бы.

— Да-а, — Громов мотнул головой. Жена зашла в дом.

Константин Аркадьевич потушил папиросу. Посмотрел на небо. Начинало светать. Прохладный утренний ветерок поглаживал голые колени. Жизнь. Непонятная это штука, жизнь. Сколько ни думай о ней, сколько ни гадай, а все равно не познаешь ее тайны. Вспомнилась юность, когда сам Аркадьевич был чуть моложе Васьки. Вспомнил, как безум-

---

но любил свою жену Веру, да только вот боялся и стеснялся к ней подойти. Она и не замечала его в ту пору. В выпускном классе с Игорьком встречаться стала. Тоже вот такой же, как и Василий, баламут был. Несерьезный. Одно только на уме. И отчего же им, девушкам, пока молоды, вот такие и нравятся шалопаи? Неужто не понимают своим нутром их лисьи повадки — чего от них хотят. Вот и Вера тогда не сумела разглядеть истинного Игорька и забеременела. А этот прохиндей, как узнал, сразу на заработки в город, в бега. Потом, правда, объявился, навестил родителей. Что там у Веры стряслось, никто не знает. Да только не выносила она дитя. Окончил Громов институт, вернулся в родное село и, несмотря ни на что, взял Веру в жены. Это тогда он был Костя-учебник, а теперь Константин Аркадьевич. И вот уже тридцать лет живут они душа в душу. И пусть судьбу не предугадаешь, но одно знал Громов наверняка. Девушек, пока они молоды и красивы, нужно оберегать от таких вот пустозвонов. Превратилась куколка в принцессу, а как дальше жить, как с красотой своею совладать, не знает. Ведь любой проходимец может сорвать этот весенний цветок и, наигравшись, выбросить. Понимал и знал это Константин Аркадьевич прекрасно, оттого-то и болело сердце за единственную дочь. Сколько их еще, таких Василиев, будет! Ведь не один он такой. В город уедет, а там что...

Вдалеке ярко-красным огоньком загорелась заря и пошла волнами по всему небу. В такое утро хорошо и спокойно. Выйдешь, бывало, в такую рань, вдохнешь воздуха, и жить охота. Охота жить и радоваться жизни. Но сейчас этой легкости не было. Глубоко внутри затаилась у Константина Аркадьевича тревога. Прожил он свои годы, много чего повидал, познал суровую правду жизни — потому и тревожно за счастье Олеси. Беспокойно за судьбу единственной дочери. И с этим не поборешься. Отцовское сердце не обманешь.

ПОРТРЕТ НА ПАМЯТЬ

Деревня Ижовка окольцована садами. С дороги ее хорошо видно. Через рыжее спелое поле виднеется такой маленький остров, будто лодка по реке плывет. Почти у каждого жителя в саду посажена вишня и сирень. Весной, когда всё цветет, деревня усыпана белыми, сиреневыми цветами, и стоит приятный сладко-кислый аромат.

Еще Ижовка славится целебной водой. За деревней, ближе к лесу, бьет родник, и вода его считается лечебной. Летом

часто можно увидеть в деревне городских на дорогах машинах. Остановившаяся перед каждым встречным, всегда интересуется об одном и том же — как добраться до родника.

Хотя колодцев в деревне много, местный народ всё равно ходит к роднику за водицей: испить или просто умыться. Да разве сравнится вода из колодца с родниковой водой? Чего стоит только одно удовольствие любоваться, как пробивается из земли, расталкивая маленькие песчинки, хрупкая струйка... Вот она где, жизнь.

Прохор Афанасьевич, как обычно, с самого утра шеvelyрлся во дворе, когда его окликнули. Старик обернулся. По ту сторону забора стоял паренек годов двадцати в разноцветной футболке, с рюкзаком за спиной.

— Прутников Прохор Афанасьевич здесь проживает? — спросил вежливо юноша.

— А? — не расслышал старик. Он был глуховат на одно ухо.

— Прутников, это вы?!

— Я, я, да... э-э... — Старик подошел ближе, чтобы лучше разглядеть гостя.

— Сергей, — представился парень и протянул через забор руку. Старик пожал крепкую молодую ладонь и снова представился: — Понимаете, в чем дело. Я студент. Художник. Учусь на четвертом курсе. Мне нужно к началу августа сдать пейзажные работы. Неплохо было бы показать и сельский быт. Понимаете? Мне бы вашу местную красоту запечатлеть на бумаге. Так сказать, увековечить — Парень улыбнулся. — Места у вас красивые, родник славится на всю округу, только и работай. А остановиться вот не у кого. Ко многим просился. Не пускают. Одна женщина посоветовала к вам обратиться. Вы, сказала она, кого-то прошлым летом к себе пускали. Да и живете, говорит, одиноко, скучно одному-то.

Прохор Афанасьевич и взаправду жил один. Жену, Агафью, схоронил восемнадцать лет тому назад. Умерла, сердечная, от рака. Долго хворала и мучилась. За всю жизнь ни одну букашку не обидела, слова худого никому не пожелала. А тут... умирала в муках. Видно, такова воля Господа. Долго Афанасич не мог прийти в себя после смерти супруги. Замкнутым стал. На людях почти не показывался. Всю зиму в избе просидел. Сам захворал сильно. Если бы не тетка Анисья, почтальонка и местная знахарка, может, и сам следом за Агафьей ушел бы. Не редкость, когда вот так старики друг за другом уходят. Чаще почему-то мужики одиночества не переносят. Что ни говори, а всё же бабская душа закалкой сильнее.

Прохор Афанасьевич потер седую шетину и улыбнулся, по-детски прищурился один глаз. Отворив калитку, старик запустил юного гостя во двор и велел идти в избу.

— Только, дед, давай сразу договоримся о цене, — поправляя рюкзак, промолвил Сергей. — Денег, скажу сразу, немного. Да и сами понимаете, когда это было видано, чтоб у студентов деньги водились. Тут и... — хотел было что-то добавить паренек, но старик его перебил.

— Будет тебе, ну что ты, в самом деле, — Прохор Афанасьевич похлопал парня по плечу. — Коли дружно жить станем, так хоть всё лето гости. Отчего бы хорошего человека не принять. Постель имеется, чего ей попусту без дела стоять.

На том и сошлись. И зажили они, как и велел хозяин избы, дружно. Сергей, с утра пораньше позавтракав, уходил за околицу «увечивать» местную природу. Старик, покопавшись немного на заднем дворе да в огороде, брел в избу приготовить обед.

Понравился ему студент. Особенно нравилась Прохору Афанасьевичу его настойчивость. Если у того что не получалось, не отчаивался: ничего, мол, завтра обязательно получится. И от того, что паренек был худоват, особо печалило старика. Ему постоянно хотелось того ублажить — угостить чем-нибудь повкуснее, пожирнее, помясистей. Уж больно фраза эта запала в душу: «Где это видано, чтоб у студентов деньги водились». Вспоминались сразу военное детство, послевоенная юность, тяжелый ранний труд. Оттого-то, может быть, и проснулась непонятная жалость у старика к пареньку.

Еще Прохора Афанасьевича радовало то, что Сергей выбрал именно его деревню и так живо расхваливал ее красоту. Сейчас ведь вся молодежь в город бежит, лучшей жизни, лучшего угла ищет. И потому, когда Сергей возвращался в избу, удовлетворенный работой, его на столе поджидала жареная картошка с грибами, ломоть сала, зелень и кувшин с молоком. Студент благодарил старика, садился трапезничать и обязательно рассказывал Прохору Афанасьевичу, чем сегодня занимался. То это была покосившаяся у оврага березка, то пастух Егор с деревенским стадом, то сама Ижовка со стороны леса. Родник пока не трогал — берёт до последнего. По словам паренька, ему хотелось, чтобы душа сама потянула его к нему, тогда точно картина получится. Ведь любая работа должна ладиться с душой. Зритель это сразу почувствует.

— Тут к пастуху девчушка постоянно с ведром ходит, корову доить, рыженькая такая, Клавой звать, — завел, как-то раз Сергей за ужином тему. — Смешная. Я как вечером не

пройду по деревне, всё никак не могу встретить. Неужто дома сидит? Барышня эдакая.

— Дык ты про Мурзину внучку, что ли? Хе... Заставишь такую невесту дома сидеть!.. С Егоркой на танцы ездят на его-то трехколесном агрегате.

— Это куда это?

— В район. Куда же еще. Тут до Черемушек рукой подать.

— Танцы, это дело хорошее. Надо как-нибудь клуб ваш посетить. Размять кости.

— Не ходил бы один-то. Новеньких-то не особо встречают. Кабы бока не намяли. Она ить молодежь сейчас такая. И не посмотрят, что один.

— Ну, этим меня, дед, не возьмешь. Не родился еще тот человек, которого бы я испугался.

— Иди к лешему, — улыбнулся старик беззубым ртом.

Сергей, глядя на него, тоже усмехнулся.

В Черемушки тот все-таки скатал. Правда, как съездил, не говорил. Только отнекивался, что приехал он сюда не отдыхать, а работать. Что там произошло, неизвестно, только после этого юный художник вечерами из дому нос не казал.

Работать с землею, как оказалось, Сергей не привык. Как-то Прохор Афанасьевич попросил помочь ему на усаднике картошку окучить. Паренек согласился. Но, порыхлив землю мотыгой, под солнышком, догадался, что работенка-то не из легких. И сообщил старику, что помог бы и дальше, но руки беречь нужно, ведь у художника весь талант именно в руках кроется. Старик поначалу на это обиделся и про себя выругал того лентяем, но к вечеру обида прошла.

«Ну, в самом-то деле, — размышлял про себя Прохор Афанасьевич, — ведь каждому свое. Зато он вон как красками рисует. Залюбуешься».

По субботам Прутников топил баню. Вечером, загнав кур и подоив козу, Прохор Афанасьевич со студентиком шли споласкивать недельную сажу. Париться Афанасич любил долго. Березовым веником хлестал пареньку по раскаленной спине и ногам, лишь изредка поправляя на голове шапку. Сергей несколько раз выбегал в предбанник отдышаться и испить кислого домашнего квасу. Сам же Серега махал веником лениво, не с таким азартом выходило у него, как у старика. Да и руки уставали быстро, и голову тоже пекло. Уже в предбаннике, усевшись на лавку, паренек поглядывал на разруганное жилистое тело хозяина бани и дивился тому, откуда в нем столько силы и энергии. Глядел на крепкие худые руки, на которых, словно натянутые тросы, виднелись толстые вены. Знал бы он, сколько эти руки ис-

---

пытали на себе работы, сколько всего было переделано и сделано этими толстыми сбитыми пальцами. Представить и то трудно.

Вечерами, перед сном грядущим, старик выходил во двор, усаживался на лавку, забивал табаку и любовался розовым небом, что уходило за горизонт. В такую погоду приятно посидеть на свежем воздухе. Что-нибудь да обязательно припомнится из прошлого. Непонятные думы лезут в голову, и всем телом ощущаешь радость того, что живешь. Ведь не дано больше тем, кто ушел от нас радоваться нежностью этого вечера, ощущать легкую прохладу летнего ветерка, любоваться закатом и наслаждаться тишиной. И как-то печально становится немного. Понимаешь частичкой себя, что всё это будет вечно. Всё, но не ты. Рано или поздно человеку придется уйти, но всё так же будут гореть закаты и полыхать рассветы, всё так же по осени улетят зимовать птицы, всё так же зимою выпадет пушистый снег... Обязательно вспомнишь в такой вечер дорогих сердцу людей. Сердце всегда болит за детей и внуков, переживает и беспокоится, часто, конечно, без дела, но на то оно и сердце. Ему не прикажешь — не волнуйся, всё в порядке. Обидно от того, что разъехались дети кто куда, и затаил, как водоворот, их этот стальной город, что и не выбраться из него, не найти время приехать на выходные к отцу или черкнуть пару строк, что всё в порядке. Даже до этого не доходят руки.

Пришло время и Сергею возвращаться обратно в город. Рисунки были готовы, и на просьбу старика погостить еще пришлось вежливо отказаться. Некогда.

Прохор Афанасьевич долго любовался работами юного гостя и, как всегда, по-детски, с прищуром, улыбался. Постоял, постоял возле рисунков и попросил паренька:

— А вот меня так же сможешь нарисовать, а?

— А чего бы нет, — улыбнулся Сергей. — Легко!

— Я её вот тут повешу, над кроватью. Ниче, как думаешь?

— Нормально, — согласился парень.

Прохор Афанасьевич принарядился, как на праздник, причесался, на пиджак повесил медали, которые у него имелись и, затаив дыханье, уселся на стул. Сидел неподвижно, не то, что шелохнуться — моргнуть боялся, пока юный художник не успокоил его. Мол, ничего, если немного и пошевелишься, ведь человека рисуем, а не куклу. И вот — пара часов работы, и портрет готов. Как живой, получился на нём Афанасич, даже моложе своих лет.

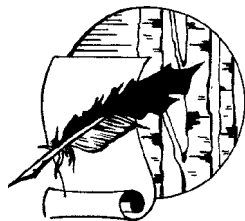
Долго старик любовался работой, приятно улыбаясь. Даже слеза блеснула в глазах. Сергей помог повесить портрет над кроватью, куда велел старик, и попросил за работу три тысячи рублей.

— Что ни говори, дед, а работа есть работа, она оплачиваться должна. Это я еще по-братски беру. В городе за такой портрет раза в три заплатили бы больше.

Прутников ничего не ответил. Ушел в горницу, достал из старого комода узелок, развязал зубами платок и взял нужную сумму. Паренек забрал деньги, поблагодарил еще раз старика и поспешил на автобус.

Прохор Афанасьевич постоял немного у кровати, полюбовался портретом и, прихватив авоську, пошагал к магазину. На обратном пути собирался навестить Агафью. Только там, присев у могилочки, всегда можно поговорить с душою.

с. Дивеево Нижегородской обл.

Олег КОЧЕТКОВ

НА ГРАНИ МОЛЕНЬЯ

* * *

Три реки в моём граде старинном,
И Москва здесь впадает в Оку.
И дышу я простором былинным
На своём беспокойном веку.
Здесь Донской с Евдокией венчался,
Мнишек здесь изнывала в Кремле,
С Куликова Боброк возвращался
На израненном верном коне.
Здесь ещё молодой я, вчерашний,
Пел про эту бескрайнюю ширь:
Про Маринкину древнюю башню,
Про Бобреновский монастырь.
Эти самые первые строки
На крутом берегу я пропел.
Здесь мои родовые истоки,
Здесь мой самый последний предел!

В МОЕЙ ДЕРЕВНЕ

Незавидная местность:
Косогор, осокорь.
И я весь — бестелесность,
И желанная хворь...
В Лапотке поплещусь я —
Он почти ручеёк.
Он — душе моей устье,
Босоногий исток.
Подойду к осокорю,
И щекою — к коре.

Я с шершавой корою —
В занебесной поре,
Где я жёгся крапивой —
Не тщетою бытовой...
Дед и бабушка — живы,
Где я — вровень с травой, —
Беспорточный, босой,
И с такой же душой,
Окроплённой росой...

ОСОКОРЬ

Хорошо на заре, да по росам
Обжигающим, да босиком!
Под родным осокорем белёсым,
И в гортани — нетающий ком!
Босоногим ты и голоштанном
Этой Ряжской земле присягал,
И таким же вот утром туманным
Здесь на цыпочках лёгких порхал.
Шестьдесят пролетело с лихвою
Лет твоих, от тебя в стороне, —
Осокорь же густою листвою
Над тобой шелестит в вышине,
Как и в прежние годы, бывые,
Поросли что прогорклым былём.
Ну, а листья, такие живые, —
О своём шелестят, о твоём...

* * *

Отгуляли мы красное лето,
Глядь — и осень сквозит на дворе.
И вокруг столько чистого света,
Золотая листва на траве.
Голубые просветы в деревьях,
И распахнуты в даль небеса,
И в глазах твоих — омутных, девьих —
Отразилась вся эта краса.
Скоро серые тучи нагрянут,
Хрусталём заблажит с высоты,
И вконец меня будни заманут,
Где в сиреневой кофточке — ты!
Не успели друг в друга всмотреться —

На дворе уже белым-бело...
И куда ж друг от друга нам деться,
Когда весь белый свет замело,
Когда красное лето прошло?

ЗАВИСТЬ

Развиднеется... Даль всё далече,
Непорочны и чутки стога.
Немоты не хватает и речи —
Так бессильно здесь жизнь дорога!
Никакого не надо участия,
Ни касания. Дышит простор...
Здесь само первородное счастье
В естестве с незапамятных пор
Схоронилось от новой неволи,
От алкающих рук и очей...
Вот нам в жизни бы этакой доли —
Где ты сам по себе, и — ничей!

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Тиходумная радость — брести босиком
По просёлочной, пыльной, родимой,
И соскучившимся, пытливым глазком
Примечать свет, едва уловимый,
От упругой, волной убегающей ржи,
Чуть разбавленной васильками,
Над которой стригут знойный воздух стрижи,
Прошивая косыми стежками.
Ни комбайн и ни трактор тебе на пути —
Никакая иная машина.
Вот бы так всю-то жизнь мне по жизни идти —
Не брала б никакая кручина!
В стороне от деньской суеты городской,
Где бытую, в заботы погрязнув
(Почему-то всегда их бывает с лихвой!),
В стороне от никчемных соблазнов.
Не колышется тень, убывает мой день,
Всё короче мой шаг (ведь не молод!).
Было в жизни плохого, хорошего — всклень.
Но опять приближается город.

Надвигается всею громадой своей
Всё отчётливей, неотвратимей.
Куда деться: жалей — не жалей,
Всё постылей и — необходимей...

* * *

Ум не внемлет и ухо не слышит,
Только сердце, лишь только оно
Занебесною влагою дышит,
Пьёт её неземное вино.
Белый свет — на четыре исхода
Распахнулся... Концов не видеть.
Воля духу, а мыслям — свобода.
Остаётся тебе выбирать.
Занедужили дали родные,
Рассуропились — невмоготу.
И заветы, и жесты чужие
От тебя уже — не за версту.
Только сердце хмелеет нездешним,
Грезит зыбким, невиданным днём
В совершенстве своём неутешном,
В непосильном значенье своём...

* * *

Внучке Машеньке

Машенька, ангел, Мария, —
Вишенки — глазки твои —
Смотрят на дали родные,
Что в твоей детской крови
Нежно уже растворились,
Чтобы судьбой навсегда
Стать... что впервые родились
В эти глухие года...
Я на тебя уповаю,
Как на нательный свой крест,
Жертвенно благословляю,
Счастлив, едва не рыдаю,
В сердце своём и окрест.
Помни бедового деда,
Что на земле гомонил
Ради словесного бреда.
Вот — и тебе посвятил!

---

* * *

Лишь однажды убил я змею,
На пенке она грелась замшелом.
Как сейчас — перед нею стою,
Себя видя и ловким, и смелым.
На куски я её искромсал
Подвернувшимся дрыном ольховым,
И от радости чуть не плясал,
Возгордясь ощущением новым.
Не святая была простота —
До сих пор не прощу себя-гада:
Помню, сразу — в душе пустота,
Только горечь лишь в ней и досада...

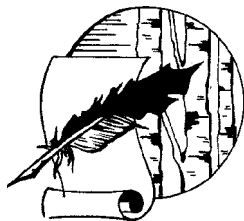
* * *

Туман неподвижен в низине,
Роса на траве, будто град,
И дух невозможной полыни.
Подошвы босые горят.
И воздух густой чуть клубится.
Душистый, бескрайний покой,
И мнится: здесь что-то случится —
Над чуткой недвижимой рекой.
Какое-то в сердце томленье,
Мерцание в смутной душе,
Родное, на грани моленья.
Всего-то одно лишь мгновенье —
И нет тебя в мире уже...

МЕЖА

Пространство души невозможно
Без этой забытой межи,
Где так одиноко, тревожно.
Колосья засохшие ржи
У самого поля, по краю,
Качаются ветром степным
Навстречу грачиному граю,
Печальным просторам пустым
И этим неласковым думам
О ветрено прожитых лет,
Усталым, почти что угрюмым,
И нет им скончания, нет...

г. Коломна Московской обл.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Я — НЕ ОДИН

(Недописанная поэма)

I
...Ну что ещё
нам суждено прочесть
так быстро, как страницы наших буден,
листая дни от «было» и до «есть»,
и дальше — до мерцающего «будет»?

Летит судьба, как по ж/д экспресс,
что нас везёт, спеша, к аэропорту.
В нём — наша радость, наши боль и стресс,
стремленье к славе, счастью и комфорту.

В окне мелькают дали и года,
там — города в туманных далях тают,
бредут в луга колхозные стада,
и виллы новых русских вырастают.

Там жизнь меняет цель свою и лик,
социализм сменив капитализмом,
там блещет счастья мимолётный блик,
скача, как луч, по тёплым лужам-линзам.

Там с плеч стекает, как давивший груз,
вся тяжесть дней, где места нет надежде.
Но никуда не исчезает грусть
из-за ошибок, сотворённых прежде.

Взгляну назад — и вспыхнет боль в груди
от груды слов и дел моих нечистых.
Но жизнь прожить — не поле перейти
тропой среди колосьев золотистых...

II

...Ну да, я слаб и вывалян в грехах,
как глупая свинья в дорожной луже.
Ну да, я раб, что заплутал впотьмах
без фонаря среди осенней стужи.

Ну да, я слеп, и мой хитон сырой —
весь обветшал и то и дело рвётся.
И горький хлеб, что я жую порой,
мне так непросто в жизни достаётся.

Но слышал я: есть в этом мире — Бог,
и наша жизнь — это к Нему дорога.
Он видит всё. Он в наказаньях строг.
И всё ж без Бога — нам ни до порога.

Ну что мы можем в собственной тщете
переменить в своей судьбе и в мире?
То в суете живём, то в нищете,
не властны даже в собственной квартире.

День белым светом ломится в окно,
залиты солнцем и дома, и скверы.
А нам и в полдень на земле темно,
если в душе потух светильник веры.

Приходит в мир весенняя пора,
клубится пар над чернозёмом пашен.
А мы и летом мёрзнем у костра,
если в груди огонь любви погашен.

Что мы посеём — то мы и пожнём,
что мы сошьём — то сносят наши дети.
Мы не живём, а жвачку дней жуём,
коль, не молясь, вершим деянья эти.

Прекрасен лист, трепещущий в лесах,
прекрасен шпиль над белоснежным зданьем.
Кто сердцем чист — тот будет в небесах
одарен Богом ангельским сияньем.

Нам столько свыше запросто дано,
что стыдно жить, трясясь над пятаками!
Господь глядит, как на речное дно,
на бренный мир, где мы снуём мальками.

Владеют нами суета сует,
пустые страсти и томленье духа.
Где сила денег — там тускнеет свет,
где сила власти — там не встретишь друга.

В слезах и муках стонет шар Земной,
от нашей крови — океан алеет.
Я слеп и слаб. Но если Бог со мной —
то кто меня на свете одолеет?..

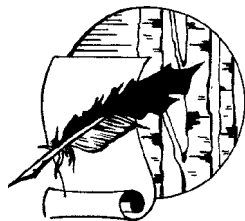
III

...Взгляну вокруг — везде клубится смерть,
равны в беде и марты, и июни.
Из горних сфер взирает, словно зверь,
на нашу Землю век, пуская слюни.

От горькой правды в венах стынет кровь.
Судьба страшит всех близкою могилой.
Но разве я — один, когда любовь
мне полнит душу огненной силой?

Живу, блюдя закон «Не укради»,
под тяжесть ближних подставляю плечи.
Я — не один. Со мной живёт в груди
святая вера, что булата крепче...

г. Москва

Любовь ДЕМИДОВА

КАК ПАХНЕТ ЛУННЫЙ СВЕТ...

ВОЗВРАТИСЬ!

— А может быть, вернёшься? Возвратись! —
Кричит деревня в заревую высь, —
Вернись, сынок, и землю распаша,
И уезжать подальше не спеши.

Мне без тебя не выжить, ты пойми,
Наследство дедов с радостью прими,
Мои поля скорей засея зерном,
Тебя молю лишь только об одном:

Не покидай родимого крыльца,
Завет исполни деда и отца,
Пусть у тебя родятся сын и дочь,
Рождением их сумеешь мне помочь.

Пусть у реки смеётся детвора,
Тебе, родной, вернуться бы пора,
Чужие люди здесь теперь живут,
Из родника твою водицу пьют.

Ведь русский дух уйдёт из этих мест,
Чужая речь уж слышится окрест...
Молчишь? Не отзываешься на боль.
А как ведь было славно нам с тобой...

* * *

Хлещет дождь по степи, по макушкам лесов,
По соломенным крышам прогнувшихся домов,

Где никто не закроет дверей на засов,
Чтоб нельзя было стуком нарушить их снов.

Хлещет дождь, размывая дороги-пути,
Разливаются реки за край берегов,
Где ж деревня моя, мне ее не найти,
Затерялась родная в пылище веков.

Видно, время пришло раствориться в слезах
Проливного дождя бесконечной ночи,
Лик пронизан тревогою на образах,
И береза, ломаясь, от скорби кричит:

— Возвращайтесь, сыночки, домой поскорей,
Заливает деревню постылая грязь,
И дождю нет конца, как слезам матерей,
Тех старух, что стоят на погосте, молясь.

* * *

Вообрази, как пахнет лунный свет,
Как пахнет дождь, пропитанный грозю,
Как пахнет наступающий рассвет,
Как горечь пахнет с тихою слезою.
Вообрази, и может, ты поймешь,
Как пахнет солнце, тонущее в море,
И душу сокрушающая ложь,
И музыка, звучащая в миноре.
Как пахнет неизведанная грусть,
Как пахнет то, что восторгает новью.
Разгадывать сегодня не берусь,
Как пахнет день, наполненный любовью...

* * *

Я тебя разлюблю с окончаньем зимы,
Я твой голос забуду, глаза и улыбку,
Средь весенних забот, суеты, кутерьмы
Мне не вспомнится имя в бескрайности зыбкой.

Я тебя разлюблю не на год — навсегда,
Чтобы то, что любила, укрылось в тумане,
Шаловливых ручьев колдовская вода
Смоет память мою, не предаст, не обманет.

Я тебя разлюблю в том весеннем саду,
Где другой человек, опьяненный любовью,
Целовать меня будет у всех на виду,
Оживляя мне душу волшебною новью.

Я тебя разлюблю. Разлюблю... А пока —
Замирает душа, если голос услышу,
И волнуюсь, и щёки краснеют слегка,
И боюсь, что однажды тебя не увижу..

г. Волгоград

ДНЕВНИК АЛЕКСЕЯ МОЗГОВОГО

К годовщине гибели командира бригады «Призрак» Алексея Мозгового мы, его друзья и соратники, публикуем дневниковые записи и последнее обращение комбрига. Незадолго до гибели он передал нам пакет с документами — на усмотрение. Год назад мы не решились их опубликовать, боялись навредить ополчению и общему делу. Но теперь все то, за что мы боролись, предано, и войну, как говорил Мозговой, продолжают только для того, чтобы братья-славяне убивали друг друга. Лидеры Новороссии убиты, идейные командиры с бойцами сидят на «подвалах». Теперь, когда ополчение первой волны зачищено, а из ДНР и ЛНР сделали копию олигархической России и Украины, терять больше нечего. Пускай эти мысли комбрига будут памятником верным сынам России — и самому комбригу, и нашим соратникам Александру Беднову, Евгению Ищенко, Павлу Дремову, офицерам и рядовым отряда СпН «Троя» и другим героям, которые предпочли умереть, чем предать.

Судя по записям, они охватывают время с августа или сентября 2014 г. по май 2015 г.

РУССКИЙ МИР

Оставляем всё, как было в блокнотах, опускаем только записи, касающиеся оперативной и хозяйственной работы, а также имена и позывные конкретных людей.

Письмо к русским и украинцам

Братья! Я вижу, как враги, разделив наш народ, готовят ему большую войну. А мой народ — это не русский и не украинский. Мой народ — единый. И другого я знать не хочу. Как человек, если у него нет руки или ноги, считается калеккой, так и разделенный народ.

Нам, русским, украинцам, белорусам, завещано быть вместе. И то, что мы сегодня безумствуем и ненавидим один другого, главное обвинение против нас — мы нарушили этот завет.

Что же нам не хватало, братья? Земли? Вон ее сколько у нас, земли-то. Свободы? Так что, убивая друг друга, мы стали свободнее? Или, может быть, мы захотели хорошей жизни? Бочки варенья и корзины печенья? Так неужели это стало дороже родного брата?

Так вот, я думаю, нам просто не хватает любви к своему брату. Мы забыли, что такое святость родства. И потому к нам приходят чужие и становятся в нашем доме первыми. Вот теперь эти чужие, которым мы поверили больше, чем своим, понукают нами, и под их лукавые речи о величии русского и украинского народа мы убиваем друг друга.

Я пишу это письмо с болью о моем народе. Я, православный казак, вынужден был встать на защиту своей земли против своих же братьев по вере. Разве возможно было придумать подлее? Сегодня хорошо видно, что уже не ополчение схлестнулось с украинской армией, а разделенный православный народ поднялся друг против друга.

Такое стало возможно потому, что в 1991 году мы потеряли нашу общую Родину — Советский Союз. Тогда враги развалили государство, а сегодня дробят и стравливают его части. У нас ничего не осталось, ни своей культуры, ни образования, ни своих шахт и заводов. Но это еще полбеды. Главное, что мы потеряли, — это своих братьев. Теперь нам запросто внушают, и мы верим, что украинцы — это холопы Запада, а русские — это агрессоры и захватчики.

У нас, оболганных и обворованных, осталась только общая мечта — о справедливом государстве. У украинцев о великой Украине, у русских о великой России. Но в сущности это одна большая мечта разделенного народа, истосковавшегося за 25 лет по своей Родине. Не о государстве олигархов и предателей, которыми являются Московская и Киевс-

---

кая колонии, а о нашем едином славянском государстве. И мне не важно, как оно будет называться, — Киевская Русь, Московская Русь, Новороссия, главное, что это будет Новая Россия, наш общий дом.

А пока мы убиваем друг друга, а наши палачи почти открыто подталкивают нас к убийству. Они глумятся над нами на российском и украинском телевидении, то оскорбляя украинский народ и называя его фашистом, то оскорбляя русский народ, называя его оккупантом. Из «объективных российских СМИ» не услышишь слов сочувствия к попавшим в беду украинцам. Там не скажут, кто вверг целый народ в духовную катастрофу. Да и сами русские уже не слышат своих братьев. Их, как и украинцев, усыпили «патриотической» ложью о собственном величии, разожгли мелкую национальную гордыню и спесь. Главное, чем заняты СМИ, — не пробудить добрых чувств между нашими народами.

До чего же мы унизились, братья, оскорбляя друг друга! Разве мы настолько ослепли, что не видим настоящих врагов? И что они устроили на земле Украины? То, что делают захватившие власть известные нацисты, поражает своей продуманной злобой и ненавистью к нашему народу. Они не только разрушают села и города Донбасса. Они уничтожают здесь армию Украины, перемалывая ее в котлах и бессмысленных атаках. Их врачи, их санитарные бригады разбирают на части солдат ВСУ и мирных жителей Донбасса, собирая здесь богатую добычу из человеческих органов, которые потоком идут в Израиль, Европу и США. Они уже открыто заявляют, что строят на Украине Новый Израиль. И делают это вместе с российской олигархией, чьи спецслужбы отстреливают здесь независимых командиров ополчения. А мы все воюем друг с другом.

Удивительно, но единственное место, где всего одну весну продержалась русская власть, была Новороссия. Может быть, мы потому так трепетно берегли и так яростно дрались за нее, что чувствовали — это последнее, что у нас есть. Теперь это последнее отнимают. Не территорию, нет. Они убивают главное — веру в справедливость и людей, вставших за идею. А без этого кому нужна территория? Чтобы набивать чрево, пить по кабакам водку и культурно прозябать в рабском стойле? Это можно делать и в колониях. Уж лучше добрая война, чем такой худой мир. Война, по крайней мере, открывает нашему народу глаза на то, кто мы и кто наш враг.

Я призываю соратников, призываю тех, кто сегодня в строю, и будущих воинов. Мы не могли иначе, у нас не было выхода. Но вы будьте мудрее нас. Не доверяйте врагам. Не верьте Москве и Киеву. Ни хорошему, ни плохому. Ни побе-

---

дам, ни поражениям. Даже если весь Донбасс от Славянска до Мариуполя они отдадут вам, даже если всю Новороссию — не верьте! Они всё превратят в поражение. Власть в России и Украине в одних руках. И там, и там спецслужбы служат известным олигархам. И им нет разницы, кто ты — украинский националист или русский доброволец, писатель Олесь Бузина или командир ополчения Александр Беднов.

Люди Донбасса! Русские и украинцы! Братья!

Наша жертва не напрасна! Не напрасна ни для тех, кто встал на защиту Донбасса, ни для тех, кто встал за единство Украины. Наша общая беда в том, что наши идеалы оказались в руках подлецов, которые, играя на патриотических чувствах русского и украинского народа, организовали нам эту войну.

Скоро нам всем — русским, украинцам, белорусам предстоит сражаться за единое государство вместе со всеми когда-то отпавшими от нашей Родины народами. И надо благодарить Бога, что накануне большой войны нам открылись лица наших истинных врагов, которые разделили наши народы в 1991 году и до сих пор удерживают свою власть на нашей земле, организуя в ней перевороты и майданы, а затем стравливая нас в гражданских войнах. Но они рано радуются! Здесь, в Новороссии, в горниле братоубийственной гражданской войны куется оружие великой мести, которое пройдет по земле России, Украины и Белоруссии и выжжет эту вселенскую скверну.

Потому я говорю вам: наша жертва не напрасна! Эта война не разделит наши народы. Стыд за пролитую братскую кровь окажется сильнее, чем мираж независимости. На крови воинов-мучеников, на братской крови русского и украинского народа воскреснет наше единое государство. Это для нас набатом звучат слова святого Лаврентия Черниговского: «Как нельзя разделить Святую Троицу — Отца и Сына и Святого Духа — это один Господь Бог, так нельзя разделить Россию, Украину и Белоруссию — это вместе Святая Русь!»

Поэтому я обращаюсь к вам, братья, чтобы вы всегда видели истинного врага и не поднимали руку друг на друга.

Комбриг МОЗГОВОЙ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

Жили мы себе тихо и не особо было видно людей. И вдруг... Я даже не знаю, откуда, из какого времени пришли сюда эти рыцари-бессребреники? Без доспехов и оружия, без надежды на награду, оставив дома детей и старых родителей.

Вот и проросла белая идея, белая жертва, чистая. Что посеяли последние войны Империи, то сегодня взошло в людях чести.

Белая — не против красных, а против общих врагов, которые только меняют окраску, но всегда остаются черными. Белая — за чистоту нашего народа. Белое против черного.

В Москве встретился с людьми, представились: ГРУ. То, что услышал, не обрадовало. Считают, что война у нас будет идти по чеченскому варианту — то мир, то война, но всё под контролем. Проводить какие-нибудь серьезные операции или добиваться смены режима на Украине их ведомство не планирует. Иначе их группы действовали бы в соседних с Донбассом областях по-другому. Я спросил: что нам делать? Честно сказали, что не знают. Обещали помогать информацией, неофициально.

Если бы нас поддержали по-настоящему, восстание охватило бы всю Новороссию. Теперь же весь актив в Харькове, Запорожье, Николаеве, Одессе арестован. Судя по легкости, с какой разобрались с местным подпольем, координации и агентурной работы там, действительно, не проводилось.

Приходили разведчики из «Зари». Говорили, как было летом. Их подразделение распалось. Информацию о них постоянно сливали. В предательстве замешаны на всех уровнях — от командира батальона до министра обороны. Ставят задачу, дают координаты, люди выходят в квадрат, попадают в засаду или под обстрел. После очередного провала бойцы прижали комбата, и тот сказал в присутствии двух подразделений (30 спецов и 30 разведка), что ничего не может — у него был приказ, чтобы с последней операции никто не вернулся.

Некоторые из спецов имели похожий опыт в Чечне, когда наверху сливали информацию. Потому решение приняли как и там — не сообщать командованию маршрут и детали операции. Министр обороны (тогда — Плотницкий) вызывал к себе, кричал, требовал действовать по плану командования, либо сообщать детали, где и когда будут. Тогда бойцы, перешедшие из «Востока», заявили, что всё это похоже на подставы, которые организует сотрудник СБУ Ходаковский. Участвовать в операциях отказались. К августу разведка «Зари» (1-й состав) распалась, некоторые уехали в Россию, часть перешла в ГБР к Бэтману.

Люди в недоумении. Москва поддержала восстание, посылает войска, вооружение. И одновременно пытается впихнуть восставший народ обратно в Украину.

Тогда зачем это всё? Для чего поддерживать, если цель — не победа? Вопросов каждый день всё больше.

Из этой войны делают тайну. А то вдруг узнают на Западе и замучают санкциями! И мы как дурачки продолжаем загадочно перемигиваться и называть военных из России то «отпускниками», то «смежниками», то еще чем. Но это тайна только для россиян. На Западе давно отследили 2-й эшелон.

Я смотрю на добровольцев — православные, коммунисты. Есть в наколах, разукрашены от запястий до шеи — говорят, родноверы. Но все крепкие, не пьют, мотивированы правильно. А на той стороне такие же добровольцы — и православные, и с языческим креном, но тоже готовы сражаться за свою страну. Друг против друга стоят русские люди, крепкие духом и любящие свою Родину. Это и есть генофонд нации.

Они совершили сначала духовный подвиг. Вышли из рабской зависимости от средств массовой информации, которые предлагают им только животные удовольствия. Отвергли алкоголь и наркотический дурман, не берут от жизни все, а наоборот готовы жертвовать.

Второй подвиг они совершили, когда приехали сюда. На войну поехали лучшие, переборовшие страх. Им побрататься бы, да двинуться против тех, кто вынуждает их убивать друг друга. Этого еще не произошло. Но это будет главным подвигом их жизни. Подвигом широкой и великодушной русской природы над местечковой ненавистью, которую вбивают в головы русской и украинской молодежи.

Из российских СМИ часто слышим, как зомбированы украинцы. Однако никто не замечает, как зомбирован теми же СМИ народ в России. Несмотря на трусливые маневры своего руководства, люди верят, что на Донбассе Россия проводит свою независимую политику.

Вопросы от командиров свелись к следующему:

1. Когда продолжнутся обстрелы, почему ВС Новороссии связаны перемирием?

2. Половина территории республик осталась у противника. Зачем остановлено наступление, когда ополчение при поддержке российских частей могло без труда взять Мариуполь, Славянск и выйти на границы областей?

---

3. Почему наступление остановлено так, что в руках противника остались важные стратегические объекты, транспортные узлы, ЛуТЭС, Дебальцево, Донецкий аэропорт с прилегающими н.п., Мариуполь?

4. Почему вопрос о линии разграничения решают не командиры ополчения, а чины из Москвы?

5. С какой целью Новороссию делят на ДНР и ЛНР вместо единого государства, единой армии и командования?

6. Почему в руководстве не те, кто кровью добывал свободу, а люди, состоящие на службе у олигархов?

7. Зачем выборы во время войны?

Мы — не «полевые командиры». Мы выполняем здесь функции государства — защищаем население и обеспечиваем порядок. Совет командиров для нас не только военный инструмент, но и путь к формированию народной власти.

Новороссия — не территория, а идея. Люди приехали к нам потому, что увидели возможность построить государство по совести, а не по звериным законам современных демократий. Именно эти люди и есть истинные носители народовласти.

Тех, кто первыми встал на защиту Новороссии, теперь называют махновцами и бандформированиями. Махновцы, которые хотят присоединиться к России? Парадокс. А может, нас потому так унижают, что власти РФ сами не хотят нас видеть в составе России? Так кто тогда махновцы и бандформирования? Мы, которые хотим быть с Россией? Или те, кто заварил эту кашу, пообещал Русский мир и потом кинул несколько миллионов русских?

Только задним числом понимаешь, как нас обвели. В июле, когда ситуацию вокруг Донецка довели до края, как в Славянске, Стрелков поверил угрозам кураторов из ФСБ, что если он не уйдет, то помощь из России не дадут. Это была ошибка. В тот момент Россия была настолько едина в желании помочь, что бездействие власти совсем подорвало бы пошатнувшийся крымский авторитет. Если бы в ответ на шантаж Стрелков с командирами ополчения обратился к народу России, заявив о предательстве Кремлем Новороссии, — помощь они бы дали. Но мы приняли их условия, надеясь на патриотические силы в окружении президента.

Убежденность, что власть в России неоднородна и в ней действуют разные силы, часть которых за русских и Ново-

---

россию, — иллюзия. К сожалению, вера в это — наша общая болезнь.

Парадокс. Судьба Новороссии находится в руках ополчения, а управление — в руках ставленников олигархов.

Еще парадокс. Люди с одной и другой стороны поднялись против олигархов, а убивают почему-то друг друга.

Кричат: Донбасс встал против фашизма! Уточню — против сионского фашизма. Потому что другого в Украине нет. Назвать фашизмом глупость украинской молодежи, которой олигархи нашлепывают на форму свастику, не могу. Это обман. Кошунственный маскарад с целью вызвать ответную реакцию русского населения.

Российским политикам и СМИ хорошо известно, что фашистскую и бандеровскую атрибутику на украинскую молодежь налепили еврейские олигархи. Но они с упорством продавливают тему именно «украинского фашизма». Разжигают ненависть и еще больше усугубляют конфликт. Оскорбляют людей и все дальше отталкивают их от России.

Кто сказал, что Украина — это не Русский мир? Киевская Русь — это купель и историческая память России. Поэтому Украине и предназначили роль запала. Распад ее территорий — это распад самой России. Война на ее территории — это война внутри России.

В 90-е цепочкой войн по границам Союза со страны содрали кожу. А вот теперь дошло до сердцевины. Уничтожение начала и колыбели Руси — это ритуал, который должен сорвать с точки опоры все российское государство.

Слили не Донбасс, не Новороссию, а просто без всякого сопротивления Россия отдала мировому кагалу всю Украину и сорок миллионов братских русских душ.

Что Крым? Яблоко раздора. Крымом рассорили наши народы. Крымом поманили русских Донбасса в Россию и не приняли. Крымом дали преступникам юридическое основание, чтобы послать армию на Донбасс против «русских агрессоров».

Крым для России благо. Но Россия без Украины — это хуже, чем Россия без Крыма. Бросить 40-миллионный народ, огромную часть своей Родины, лишь бы урвать кусок — это нерусская политика. Не узнаю в этом акте по-

---

литики Великого государства. Больше похоже на местечковое рвачество.

От великого до смешного один шаг. От идей о великой России и великой Украины мы опустились до самого дна — служим целям врагов славян и православия, сами загоняем себя в резервации. Это нам, возомнившим о себе и отделившимся друг от друга — наука.

А ведь могло быть иначе. Многие офицеры ВСУ, видя, какой сброд захватил власть в Киеве, не хотели стрелять в своих и даже готовы были сдаться. Но не ополчению, это для армии унижительно, а армии России, если та решительно войдет и примет всё честь по чести.

Решительности не последовало. В ВСУ поняли, что их в любой момент могут обвинить в измене, и не сделали исторического шага, который мог перечеркнуть все хитрые планы и объединить разделенный народ.

В Кремле делают вид, что не при делах, скромно умалчивая о своей роли в украинских событиях. Однако там сделали всё, чтобы эта война разгорелась.

Не препятствовали госперевороту, ссылаясь на то, что это внутреннее дело Украины. Но забыли про это, когда брали Крым.

Не ввели войска для защиты населения Донбасса. Но послали вооруженные отряды в Славянск, Луганск и Донецк.

Обещали военную помощь. Но цедили так, чтобы нельзя было победить.

В августе, наконец, ввели войска, но не дали им наступать.

Провозглашали Новороссию от Луганска до Одессы, а позволили удержать лишь две области. Но и от них половину оставили противнику, а оставшийся огрызок поделили на ДНР и ЛНР, чтобы русские и здесь не могли объединиться и не стали самостоятельной силой.

От поездок в Центр всякий раз двойственное чувство. Были люди, которые хотели нам помочь, но, судя по всему, их, как и нас, использовали вслепую. В отряде еще с Лисичанска тоже были сотрудники, из местных, бывшее КГБ. Эти были свои, они держали связь с Москвой. Оттуда помогали, но всегда дозированно и точно с каким-то расчетом. Когда я чаще стал ездить в Россию, то понял, с каким. Нам «помогали» не остановить эту войну, а наоборот раз-

---

жигали ее. Подпитывали потихоньку наши ресурсы, не давая ни победить, ни проиграть. Так же было и у Стрелкова. Уверен, что так обстоят дела и в украинской армии. Их, видно, тоже держат на поводке, иначе они давно прорвали бы фронт и закопали нас.

Многое вслух не скажешь. Руки у нас связаны. Мы зависим от военных грузов из России, наши жители голодают. Даже идейно мы находимся в зависимости от лживой пропаганды, где ни слова об истинных виновниках русско-украинской трагедии.

Все эти вброшенные в толпу кричалки типа: «Кто не скачет — тот москаль», «москаляку на гиляку», с одной стороны, и «хероям — сало», «майданутых на кол, чтоб Бандера плакал», — это порождение не украинского и не русского ума, а сознания, враждебного славянам, иноплеменного и глумливого.

Сионистские политики Украины и их СМИ делают дебилские заявления от имени украинского народа, выставляя украинцев дураками. Еврейские СМИ в России подхватывают эту глупость и провокацию против украинцев, вызывая смех у российской аудитории.

Недобрый смех ожесточает. Глумление и смех над украинцами не дает увидеть трагедию лишенного голоса украинского народа. И точно так же сионистские шоумены глумятся над Россией и русскими в украинских СМИ. Они за нас всё решили — мы должны смеяться и убивать друг друга.

До людей начинает доходить, что в Киеве произошла не украинская народная, а сионская олигархическая революция. И российская власть ее поддержала — финансово и газовой трубой. Затем признанием — Порошенко и непризнанием наших республик. Вот это ловко! Новороссия ведет национально-освободительную борьбу против олигархии Украины, а в тылу кто?

Москва установила здесь воровскую власть не лучше киевской, а для вразумления непонятливых присылает своих кураторов и спецслужбы. В общем, шило на мыло и веревку в придачу.

Если в Украине враг открылся, то в России еще нет. Людям трудно поверить, что в России под видом наших благодетелей выступает тот же олигархический кагал. Для них свои

не в Донбассе, а в Киеве, где их единокровные братья взяли власть. В общем, театр с двух сторон, а поле боя русские сердца.

Да, нам хватило мужества, чтобы воевать, но не хватает мужества, чтобы увидеть врага.

Общий замысел? Уничтожить тех, кто может хоть что-то вякнуть. В итоге даже если Порошенко уберут, вместо него придет такой же, но триколоровый г-н. И будет всё то же самое. Бизнес будет принадлежать тем, кому и принадлежал. Недра тем же, кому и принадлежали. А человек бараном был, бараном и останется. Особенно те, кто даже побоялся пойти в ополчение. Этими людьми вообще сладко управлять будет! — они на всё согласны.

Олигархи не бывают русскими и украинскими. Они едины, в отличие от нас.

По сценарию, который отработывают российские СМИ, русский народ борется с «украинским фашизмом». По сценарию украинских СМИ украинцы защищают единство своего государства. Какие удачные грабли! Как в Гражданскую. Опять у русских идеи разные, а у их исконных врагов одна — стравить простофиль и грабить, пока те будут рвать чубы друг другу за «правое дело».

Со стороны станицы Луганской работает артиллерия десантников ВСУ. Люди находят неразорвавшиеся снаряды с надписью: «Чем могли». Вот они — свои, с которыми приходится воевать, а не та мразь, что сидит в луганских и московских кабинетах.

Те, кто ищет доказательства существования «украинского фашизма» на форумах радикалов и копаясь в трофейной символике, наверное, и не подозревают, что их противники столь же успешно находят доказательства «русского фашизма», выкапывая его на маргинальных сайтах и изучая фото наколок русских добровольцев.

Что было свято для всех, что спланивало и делало единым народом — победа над фашизмом, тем нас и разделили. Ведь именно обвинения в фашизме стали тем взрывателем для братоубийственной войны, который использовали враги нашего народа с обеих сторон. Да так, что теперь ни в России, ни

на Украине люди не сомневаются, что, убивая своих братьев, они борются с «русскими» и «украинскими» фашистами.

Удивительное дело! Стоило нам с украинскими командирами выйти за привычный шаблон, то есть — просто поговорить по-человечески, как нам тут же напинали с обеих сторон. Ведь мы разрушаем образ врага, который так кропотливо создавали для нас СМИ и их хозяева.

Сионисты создали миф об Украине, чтобы украсть у украинцев Россию. Под патриотические речи о самобытности и независимости заставили забыть о большой Родине. Но этим не кончилось. Отодрав Украину от России, они не отдали ее украинцам, а подарили себе.

Хорошо, когда национализм происходит от любви к своей Родине. Скверно, когда он становится проводником сионистской ненависти.

Свой каганат у нас они строят с такой же жестокостью, с какой уничтожают палестинцев на их земле. Только здесь они расчищают территорию нашими руками. Мы воюем друг с другом, как нам кажется, за нашу землю. А они считают ее своей и называют Украину и Крым Хазарией. Зачем же нам делить между собой Украину, Крым, Донбасс? Пока власть у врагов, нельзя нам спорить друг с другом за землю. А когда власть будет наша, и спорить не придется!

С гуманитаркой передали иконы и книжку о Лаврентии Черниговском. Вот в точку: «Как нельзя разделить Святую Троицу — Отца и Сына и Святого Духа — это один Господь Бог, так нельзя разделить Россию, Украину и Белоруссию — это вместе Святая Русь».

Да, я стремлюсь к единству. Иное для русского и немыслимо. У меня есть одна большая Родина. Почему мне всё время подсовывают какие-то куски? Вместо единой Новороссии — ДНР и ЛНР. Вместо единства трех братских народов — независимые (непонятно от кого) государства. Нашему народу не нужны куски. Как Украина не нужна без России и Белоруссии, так и Россия без Украины и Белоруссии нам не нужна. Только так и никак иначе!

В этой войне победит не тот, кто лучше вооружен (кукловоды будут вооружать и одну и другую сторону). Победит тот,

---

в ком быстрее пробудится стыд за братоубийство и братские чувства. Это будет наша общая победа.

Как ни странно, я рассчитываю больше даже на прозревшие украинцев. Что они скорее возмутятся предательством. Наше ополчение слишком загнано в угол, ему не до того. Враг, обстреливающий города, кажется очевидным и единственным. А протягивающая хлеб и патроны рука — спасительной. В таком положении нет физических и моральных сил, чтобы разглядеть настоящих виновников кровопролития.

Ситуация невеселая. Слаженные подразделения расформируются. Тех, которые наформировали, не хватит даже для оборонительных действий, не то что для наступательных. Новые бригады неполные и необученные. В батальонах вместо 700 от силы 300 человек, остальное приписки. Что касается моей бригады, нам тяжелого вооружения не дают. Чем будем отвечать — не ясно.

Не хочу спорить, но считаю, что Москва только создает видимость помощи (техника, советники, гумконвои), чтобы успокоить российское общество. Вполне возможно, сливать Новороссию как территорию не будут. Ее будут использовать для взаимного уничтожения русских и украинцев, все более углубляя раскол, который со временем перейдет в открытое военное противостояние Украины и России.

А пока здесь выгодна вялотекущая война с переменным успехом. Если для пиара российского руководства нужно будет взять Славянск или Мариуполь, ополчению разрешат их взять (разумеется, с большими потерями), а украинской армии прикажут после упорного сопротивления уступить.

Власть в Киеве и Москве в одних и тех же руках, и кто кому какой кусок земли перепихнет — для них не имеет значения. Главное, Колизей будет продолжаться. Для этого наспех формируют армии ЛНР и ДНР, переподчиня боевые подразделения через перекрытие военторга. Вовсе не для помощи, а для регулирования боевых действий направляются советники и сотрудники ФСБ, которые парализуют действия ополчения. В подразделения внедряется агентура, которая сливает информацию противнику, дезорганизует, сталкивает лбами наших командиров. Ко мне прибывают стрелковцы. В ДНР уже десятки «случайно» погибших и пропавших без вести командиров и рядовых ополченцев. Скоро это будет у нас.

В этой связи, когда Москва и Киев осуществляют здесь совместную кампанию по утилизации ВСУ и ополчения, единственным выходом для всех было бы объединение ополчения

с ВСУ и движение на Киев. Этого нам сделать не дадут — в Киеве и Москве очень забеспокоились, когда мы провели телемосты с командирами тербатов. Однако это единственный выход из тупика гражданской войны.

Всё более очевидно, что и Крым, и массовое убийство в Одессе, и Волноваха, и бомбардировка Луганской администрации — это не стихийные события, а спланированные действия, исходящие из одного центра, катализаторы для русско-украинской войны.

Даже непонятные поначалу и бессмысленные с военной точки зрения обстрелы городов — это не ошибки или плохая подготовка армии, а часть плана по разжиганию обоюдной ненависти.

Ополчение целенаправленно оставляют без средств к существованию. Чтобы боевые подразделения, сражавшиеся за идею, превратить в мародеров или побирушек, готовых подчиняться за мзду. Воинов вынуждают незаконными способами добывать себе необходимое — еду, ГСМ. Очевидно для того, чтобы в любой момент объявить вне закона и расформировать.

Криминальные схемы с углем подсовывают казачьим атаманам как раз те, кто контролирует эти схемы, т.е. новая «власть». Командиры, чтобы прокормить бойцов и население, идут на это. Теперь их держат на крючке и делают покладистей. А кто не принимает выгодные предложения? Ликвидировать?

Похоже, дискредитация Новороссии и ее движущей силы — народного ополчения — становится главной задачей российского олигархата. Чем хуже будет выглядеть Новороссия, нищая, разрушенная, с бандитской властью, тем быстрее о ней забудут в России, тем дальше шарахнутся от такого Русского мира украинцы и другие народы. И тем циничнее и подлее будет выглядеть роль России в этой войне. Вот цель — отнять веру в Россию и через это похоронить мечту народа о возрождении Русского мира.

На словах реформируют, на деле перемешивают боевые подразделения, чтобы люди утратили товарищескую связь друг с другом, чтобы распалось боевое братство.

По большому счету, мы сейчас на том же уровне, как в начале. Тогда они шли на нас с БТРами, а у нас были только

«калаши» и палки. Сейчас они научились воевать, у них мощнейшее вооружение, электроника.

А у нас в течение 4 месяцев артиллерия только была. В ангарах пушки стояли, в казармах солдатики сидели. Никто никуда не выезжал, никто ничем не занимался, не пристреливался — перемирие же!

Танкисты даже танков не видели, а танки солярку не видели. И в течение этих месяцев у бойцов не было возможности на них не то что поездить, а хотя бы завестись-заглушить, потому что баки сухие были.

Я теперь понимаю, почему нам не дают ни техники, ни тяжелого вооружения. Потому что мы бы не сидели, а готовились. Уж я бы нашел, как zapравить эти баки.

Пока у народа есть ополчение, он смелее разговаривает с властью. Не будет ополчения, и не будут с нашим народом считаться ни здесь, ни на Украине, ни в России.

Монахи с Афона прислали мне весточку, чтобы я готовился к мученичеству, если конечно, не подчинюсь. Еще сказали, что скоро большая война и воевать против Запада мы будем вместе — Украина, Россия, Белоруссия и Сербия. Это хорошо. Значит, наши телемосты не зря. И еще, что во время войны придет православный Царь, и Россия с потерями, но восстановит границы и силу империи. В общем, всё не так безнадежно, только обо мне как-то невесело.

Механизм убийства запущен с двух сторон. Место ликвидации — Новороссия.

Да, механизм запущен, и его не остановить. Но можно, жертвуя собой, наполнить паруса истории своими смыслами, своей верой. И тогда корабль истории двинется другим курсом, и Господь даст нам по нашей вере. Нет, уже не Новороссию, этот несчастный клочок русской земли, о котором грезил все русские, но новое царство, новую Россию. Так нам обещано и так будет. На братской крови воинов-мучеников воскреснет наше единое государство.

Мы воевали не с теми. Мы встали на защиту своего дома, но не разглядели врага. Теперь мы поднимаем знамя Христа и национально-освободительной борьбы против антирусского режима, установленного в Украине и России. Хотим мы этого или не хотим, нам, православным, Богом определено встать на пути сионистского мирового порядка. Наша русская революция, наша Священная война за православный

мир грянет, и мы — русские, украинцы, сербы еще освободим свою землю.

Спрашивают: как в моей бригаде коммунизм совмещается с православием? Хороший вопрос. У нас есть православный батальон Александра Невского и коммунистический добровольческий отряд. На войне у русских всё совмещается. Совмещается — и слава Богу!

Пока мы четверть века спорили об идеях (мы — коммунисты, мы — православные), враги разрушали наш дом. Все это надуманные споры, которыми разделяют народ. И то, что произошло с русскими и украинцами, тому лучший пример — как, отравившись чужими мыслями, народ вдруг разделился на «сепаров» и «укропов».

Не будет манипуляторов в СМИ, и в народе сами собой утвердятся те идеи и традиции, которыми тысячу лет жили наши предки.

Печальные параллели. Кремлевская олигархия разрушила память людей о советском братстве в Чечне. Украинская олигархия разрушает идею о братстве русских в Донбассе.

Российская олигархия уничтожала советскую по духу армию в чеченских войнах. Украинская — уничтожает такую же, еще советской закваски, украинскую армию в войне на Донбассе. Потому что советские по духу люди — это русские люди, которые никогда не станут одного духа с христопродавцами.

Вот ведь парадокс! В то же «безбожное» советское время христианского в человеке было куда больше, чем в нынешнее сугубо верующее время. И сколько ни открывай храмов, сколько ни тверди о вере и возрождении монархии или, наоборот, о социализме и красной империи, — всё как-то не греет.

Это, наверное, потому, что мы идеи любим больше, чем человека. Только без обычной человеческой теплоты и сочувствия все наши высокие идеи — сотрясение воздуха и кимвал бряцающий.

Вчера разоружили «Одессу». Бригада вела борьбу с преступностью, наркотрафиком и оборотом оружия. И вот досада, не брала мзды! Что еще нужно, чтобы стать врагами республики?

А в интернете и СМИ всё та же волянка о единоначалии и борьбе с махновщиной. Прискорбно, но в России этому ве-

---

рят. Единоначалие здесь — это не то, о чём все думают. Это не единое армейское и государственное руководство, а единое руководство над всем криминалом.

Все хотят взять Дебальцево. Только это нужно было делать в сентябре. Здесь каждый шаг и каждый новый раунд продуманы наперед. Теперь там укрепрайон, бетонные бункеры, которые не возьмешь артиллерией. Гарнизон несколько тысяч, наемники. Если их не подставят, как в летних котлах, то нашими силами мы сможем устроить лишь демонстрацию протеста.

Паша со своими зря думает, что как-то договорится. Вряд ли ему забудут его новогодний привет Кремлю и Плотницкому. Мои командиры туда же, мол, если вступим в Корпус, не будет такой нужды и проблем у бригады. Они просто пока не понимают, с кем имеют дело. Нас ненавидят не за то, вступаем мы или не вступаем, а за то, что мы не играем по их правилам.

Все, что исходит от Москвы, лукаво. Лукавы заявления о помощи. Лукавство — гумконвой, которые не доходят до людей и распродают на рынках. Лукавы речи о Русском мире и противостоянии Западу. Лукавы войны, которые они ведут. Лукав мир, который они якобы хотят установить. Всё ложь, измена и обман.

Лукавое не имеет веса и цены. Но дорого платит тот, кто поверил.

Несчастный Донбасс. Мы зажаты с одной стороны украинскими войсками, с другой российскими. И те, и другие — наши кровные братья. Но и те, и другие — послушные орудия в руках врагов.

Расстреляли Бэтмана с охраной. Ищенко с волонтерами. Люди спрашивают, что происходит, а нам нечего сказать. Что мы скажем? Что это ДРГ из России и что убивают наших по приказу из Центра? Кто это услышит? Кто в это поверит? В Кремле знают, что мы скорее промолчим, чем обвиним Россию и русский народ, вина которого лишь в том, что им управляют предатели.

Унижают защитников Новороссии, покушениями и убийствами затыкают рты командирам и ополченцам. Ополчение мешает им, потому что ведет осмысленную войну, а не идет на убой, как стадо, к чему эти советники и кураторы нас постоянно толкают. Они хотят убрать ополчение как идейный буфер между украинской и российской армией, чтобы стол-

---

кнуть их потом напрямую. Армия — не ополчение, там задавать вопросов не будут. Будут просто уничтожать друг друга без всякого смысла и цели.

Мы остаёмся не один на один с Киевом и Западом без помощи Москвы. Нет, мы одни — против Киева, Запада и Москвы.

Людам я всего сказать не могу, они потеряют веру. Но может быть, эти заметки пригодятся тем, кто придет вслед за нами. Они не будут так доверчивы. И если им пригодится наш опыт, значит, мы ошибались не зря.

Новороссию сливают не только в Кремле — это понятно. Но более всего нас предают называющие себя русскими патриотами.

Когда ополчение и мирные жители истекают кровью, эта патриотическая интеллигенция говорит, что Россия «не вмещивается», чтобы избежать войны с Западом. А когда спецслужбы российского олигархата убивают наших командиров, то говорят: не стоит выносить сор из избы, это повредит становлению молодых республик! А кому нужно такое государство, где убивают лучших? Но главное, что, вливая этот яд в уши народа, они не дают ему возмутиться фарисейством своего руководства.

Затеяли наступление всем фронтом. При многократном превосходстве противника. Без подготовки, без ничего. Даже разведанные в подразделения не дали!

За эти полгода укры укреплений наклепали — на каждой высоте. Мы генералам — разведанные, а они нам: «Укрепрайоны из бетона — это миф, там все хорошо!»

Получаем приказы. В течение дня дается 5 задач дня. Только начинаешь готовиться к одному, через час-два задача меняется. Начинаем готовиться к этой — приходит следующая.

Неплохо устроились! Скажешь правду о том, что здесь происходит и что они здесь накомандовали, — назовут предателем, выдаешь, мол, военную тайну противнику.

Наконец, зацепились! Небольшой плацдарм, но заняли.

Под Дебальцево мы потеряли 8 человек. Если до конца февраля так продержимся, то еще хорошо. У соседей потери большие. Людей бестолково или умышленно бросают в лоб

на укрепрайоны. Командиры подчиняются, так как их силой затолкали в народную милицию. Теперь они обязаны выполнить приказ, даже ценой бессмысленного уничтожения своих солдат. По-другому то, что делает командование ЛНР-ДНР под руководством российских советников, не назовешь, они просто перемалывают ополчение. Нас Господь миловал, отвел от контракта! Это дает нам право послать всех генералов и самим планировать операции и беречь людей.

Соседи недовольны, что мы с головой не лезли в Дебальцево. Но я вообще не понимаю, почему ополчение должно класть людей в лобовых атаках, когда по указанию из Москвы командование выпустило из котла около тысячи западных наемников! Артиллерии запретили стрелять, когда те колонной выходили мимо позиций ополчения. Кому нужна такая война?

Просто очередной договорняк. ВСУ уже на 3-й день нашего захлебнувшегося наступления могли предпринять контрудар. И маршем проследовать до Луганска. Потому что позади нас не было ни одного укрепрайона, никаких резервов, ничего, что могло бы их задержать.

Но они не сделали этого. Как мы в сентябре.

Дебальцево отдадут. Кремлю нужен пиар и маленькая победа. Видно по их скользким ромам, что они уже обо всем договорились. Наемников выводят, хлопцев оставляют в котле, как летом.

Мы говорим, что несем потери. Кто мы? Я по привычке говорю о своих, но те-то тоже не чужие!

Украинская армия планомерно готовится сионистами для войны с Россией. А большие потери им сегодня нужны, чтобы тысячи украинских семей, потерявших своих сыновей, проклинали Россию, чтобы и в армии, и в тылу возникла устойчивая ненависть к братьям. Поэтому украинские части целенаправленно подводятся под удары российской артиллерии и оставляются в котлах.

Кто бы ни нанёс военное поражение — ополчение украинской армии или армия ополчению, это будет общерусское поражение и общая победа иудейской олигархии над русским и украинским народом.

От меня отсекают людей. Люди устали, им нечем кормить семьи, и их сманивают за зарплату.

Мы отводим технику без всяких гарантий с той стороны. Мы типа добрые! А они злые. И наша роль, отведенная нам минскими режиссёрами, очевидно, в том, чтобы мы своими добрыми намерениями (а на деле глупостью и беспечностью) спровоцировали ту сторону на новую драку.

Уже закономерность! Как только батальоны националистов стали в августе угрожать Киеву и обвинять власть в предательстве, вошли российские войска, которые мы ждали с весны, и погасили бунт в котлах.

Как только ополчение возмутилось по поводу воров и предателей в руководстве республик и убийством командиров, нам тут же организовали новый коллизей в Дебальцево.

Украинской армии устроили здесь Чечню, а из нас сделали чеченцев.

Когда в 93 году известные осуществили госпереворот в России, то энергию народного возмущения они направили на Кавказ.

Когда они провернули то же самое в Украине, то энергию майдана и восставшего против них народа они направили на Донбасс. Чтобы здесь произошла, так сказать, самоликвидация этой гремучей смеси из восставших украинских националистов и русских патриотов.

Какой одинаковый сценарий! Одни и те же снайперы в Москве 93-го и в Киеве, та же стрельба по своим и чужим, те же израильские боевики. И одинаковый итог: им — власть, нам — война.

Кто-то сказал, что Донбасс — это место утилизации украинской армии, а возможно и всей Украины. Я бы добавил: и русского ополчения, а возможно и России.

Они хотят убить меня не потому, что я как-то реально угрожаю их власти, а потому, что говорю, что это война не русских и украинцев, а война против русских и украинцев.

И казаков они пытаются разоружить не потому, что те не подчиняются (координация — вопрос решаемый), а потому что они не подчиняются их власти. Вооруженное казачество Донбасса для них такая же головная боль, как и в Гражданскую. Казаки при любых издержках самая национальная сила. Они лучше других видят, кто стоит за этой войной.

Убит Бузина, настоящий патриот Украины и России. Он примирял наш народ. Стоит ли удивляться, что расправля-

---

ются с теми, кто не на словах, а на деле за единство наших народов?

Убийства писателей, священников и депутатов — это вовсе не «агония киевской хунты» и не «злоба украинских националистов», как преподносят СМИ. Это сионистский террор после победившей в Украине сионистской революции. Такой же, как в 17-м и как теперь у нас на Донбассе. Только для удобства зачистки патриотов «украинские» и «российские» спецслужбы разделили полномочия и сферы влияния.

Для сионистов в равной степени опасны и те, кто воюют за единство Украины, и те, кто за русскую идею. Поэтому в котлах гибнут активисты майдана и националисты, а в лобовых атаках на укрепрайоны ВСУ — русские добровольцы и ополченцы. Погибают именно те, кто мог бы защитить Россию и Украину в случае войны с Западом.

А ведь тот же финт хотели провернуть и в Славянске. Если бы Стрелков не сумел в последний момент вывести людей — прихлопнули бы там русских пассионариев, съехавшихся со всей России и Украины.

«После Одессы все поднялись!» — говорят ополченцы и добровольцы из России. Это и была цель. Дать такой толчок к ссоре между двумя народами, чтобы война стала неизбежной.

А с другой стороны — Волноваха, такая же сионистская провокация, где группа безлеровских спецов на автомобилях Приват-банка, расстреляла мирный украинский блокпост. После этого поднялись уже украинцы и война пошла по-серьезному.

Значит, так и шло. С одной стороны запрет русского языка, «поезда дружбы», казни в Одессе, расстрел в Мариуполе. С другой — Крым, Волноваха, Славянск. Единый замысел и одна рука, которая разорвала родственные связи и запустила маховик взаимного истребления.

Российские войска давно втянуты в эту войну, но их усилия и жертвенность так же предаются, как и наши. Русских и украинцев просто изматывают перед большой войной.

Я не вижу настоящего патриотизма. На Украине он какой-то вымученный, искусственная конструкция, в которую всех заставили поверить. В России — наигранный и карнавальный. Говорят о павших в Великой Отечественной, но не видят живых русских, которые находятся в беде. Если бы в

России решали русский вопрос, в нее ехали бы не миллионы китайцев, а русские из Средней Азии и Прибалтики. Пустые деревни бы ожили, а так стоят, как теперь у нас, разорённые.

Многие думают, что после российского майдана в 1991-м власть как-то снова попала в руки к русским. Странная мысль. Когда русские восстали в 1993-м их расстреливали из танков не где-нибудь, а в центре Москвы. Когда в народе росло возмущение, ему устраивали чеченские коллизии и теракты. И вдруг расчувствовались и отдали власть? Так, что ли?

Так по легкомыслию могли поступить только русские в 91-м, а до этого в 17-м, но не эти «красавцы». И Украина, где известная олигархия, взяв власть, довела русских до взаимного истребления, только подтверждает старую истину. Власть не отдают, не передают, не подбирают. Она никогда не валяется. Ее берут силой, вырывают с кровью и охраняют до последнего. Это слишком дорогой дар! Мы теперь убедились в этом, когда у нас выбили ее из рук.

Когда появилась Новороссия, люди поверили, что отсюда начнется возрождение России. Возвращение к справедливому народному государству. Для украинцев майдан, а для русских Крым и Новороссия стали символом освобождения от чужеродной власти.

И этот всенародный подъем использовали для симуляции патриотизма и разжигания войны.

После Дебальцева, где нам устроили очередные гладиаторские бои, меня весьма интересует, как устроена эта система. Система разделения людей и их взаимного уничтожения. Где точно по одному сценарию вдруг происходят революции и мятежи, и еще вчера добрые соседи начинают ненавидеть друг друга. В Ливии, Сирии из ничего появляются оппозиции и начинают разрушать собственное государство. Какой-то опереточный ИГИЛ объявляет войну Западу и Израилю, но убивает почему-то своих же мусульман и христиан! Не странно ли это?

На Украине — майдан и добровольческие батальоны. Но руководят ими вовсе не украинцы. Нацбаты только прикрыты свастикой и бандеровскими лозунгами, но созданы олигархами, чтобы разжигать русско-украинский конфликт. В войска и МВД фактически введена структура бывших коммиссаров и карательных отрядов, как в Гражданскую. Они расстреливают солдат, отказавшихся стрелять в ополчение,

---

стоят в заградотрядах, уничтожая отступающие подразделения. И они же принуждают ВСУ вести огонь по жилым кварталам и совершают зверские убийства, терроризируя русское население Украины.

Это и есть третья сила, а на самом деле — первая, которая провоцирует и разжигает войну. Они проникли во все структуры государства и растворились среди не различающих их украинцев и русских.

На днях получил Обращение к президенту и прочим органам власти по ситуации на Донбассе. Что тут сказать? Всё справедливо. Только обращаться не к кому.

Да, мы всё это испытываем на своей шкуре ежедневно — и предательство, и воровство, и обвинения в бандитизме тех, кто в трудный час защитил республику. У нас похищают бойцов, пытаются до полусмерти. Выдавливают и арестовывают лучших командиров. Мы привыкли к этому как к неизбежному злу и уже забываем, что хотели построить нечто совсем иное, чем на Украине и в России — честное и человеческое...

Говорят, американцы и 5-я колонна готовят в России переворот. Не нужно мудрить! Он уже совершен. Сионисты взяли власть в России и бывших советских республиках и сталкивают нас между собой.

Еврей Саакашвили направил грузинскую армию на Осетию. Столкнули два православных народа — русских и грузин. Сионистская хунта во главе с Вальцманом послала армию на Донбасс — снова воюют между собой православные!

В Европе немножко иначе, но суть та же. Сталкивают лбами христиан и мусульман. В самой России — русских и мигрантов. Эту карту еще разыграют в России, а «либеральные» СМИ раскрутят национальный конфликт, как на Украине.

Удивительное дело, как несколько тысяч бесноватых олигархов, подмяв под себя спецслужбы и СМИ, способны взбаламутить весь мир. За двумя мировыми войнами стоят их капиталы. Вот реальный фашизм! Не итальянский, не немецкий, не мусульманский, не украинский, а сионистский. Вот враги человечества, враги упорные, делающие то, что требует их идеология: разделяй гоев на классы, партии, на вероисповедания и мировоззрения — как угодно, и уничтожай во взаимной вражде.

А где наша вера? Почему мы, славяне, как весь мир, плетемся в стаде, которое ведут на убой? Разве мы без Бога? Разве Христос не гнал этих торгашей из Божьего Дома? Наша вера против их веры, с Богом против дьявола — только так можно воевать!

Я верю в наш народ. Сколько говорили, что русские уже не способны строить и созидать. Да, не способны, но только в рыночной грязи.

Но вот возникла чистая идея, и вся Россия откликнулась! И тут же идея Русского мира стала обрастать материей и границами. Этот потенциал страшен для врагов, хотя они считали, что за 25 лет сумели его уничтожить. И вдруг он проявился в Новороссии. И сколько бы ни было поражений и неудач, он проявится снова! Это Бог показывает нам, что стремление русских к правде вечно и неизменно.

Называя меня националистом и антисемитом, они лгут, чтобы иметь патент на убийство. Наверное, во всём ополчении нет более интернациональной бригады, чем наша. Это не только советское воспитание. Это православная традиция — объединять людей разных племен и народов. На этом выросла Российская империя, а затем и Советская.

Посмотрев на майские празднования, вдруг сообразил: нам разрешают только дешёвый патриотизм. Ходи с портретом своего деда и думай, что ты бессмертный! А есть патриотизм, за который придется дорого заплатить. И многие у нас, как Беднов и Ищенко, уже заплатили, отстаивая интересы народа.

Да, на это решится не каждый. Но хуже другое — то, что люди уже не чувствуют разницу между дешёвым и дорогим. Покупают вещи — видят. А когда им подсовывают дешёвое шоу вместо патриотизма — не замечают! Не замечают, как эта власть прикрывается памятью наших дедов и отцов, пытаясь за миллионами рук с портретами героев скрыть несправедливость и убожество того, что она «построила».

Что бы сказали нам деды, если бы увидели, как их внуки молотят друг друга в бессмысленной войне, когда бы взглянули на свое разграбленное и разделенное отечество, за единство которого они отдали жизнь?

В этих войнах не выигрывают, в них проигрывают все, кроме тех, кто их организовал.

Добровольцы из Чечни и Дагестана еще осенью рассказывали, что у них было то же самое. Их полевых командиров тоже держали на привязи олигархи и спецслужбы из Москвы. Вначале вооружали и финансировали, провоцируя конфликт. Потом, когда тему надо было сворачивать, показательно уничтожали. У людей создавалась иллюзия борьбы с терроризмом и победоносной войны. У власти рос рейтинг.

И ведь то же происходило и с российскими командирами. Рохлин, Буданов, Квачков. Сколько было героев в России, и где они? Кто убит, кто в тюрьме. Это Система. По выявлению и уничтожению лучших. Теперь она у нас. За несколько месяцев после убийства Бэтмана ополчение Луганщины фактически обезглавлено. Теперь можно устраивать новый коллизей, где одно стадо, лишенное идейных вожаков, будет идти на другое. Но вот мое слово — в Новороссии этот олигархический цирк закончится. Оружие мщения повернется против самих циркачей. Здесь Система даст сбой.

Если бы не эта война, мы бы забыли, каким может быть русский человек. Потому что 20 с лишним лет нам внушали, что он не таков, каким мы его знали по военному и советскому времени, а что он — великий неудачник, неспособный заработать денег. Эта война показала такой запас неизрасходованной русской веры, такую жертвенность людей и близость Бога к нашему народу, что враги вздрогнули.

Здесь даже самые бедовые, самые упавшие возвращали себе достоинство, становились воинами и защитниками. Я воочию увидел, что ни деньги и никакой земной интерес не определяют строй души русского человека. Пусть в этой войне не будет победы, нам открылось главное — душа нашего народа жива! И как только появляется высокая идея, она возрождает в русском все лучшее, что у него есть. Потому в Великих войнах за Отечество у нас не было и не будет поражений.

Я воюю за право говорить правду. Не российскую и не украинскую, а одну на всех — о моем обманутом и разделенном народе. Правда — это мое последнее оружие в борьбе за честь моего народа.

Сегодня, когда Русский народ увидел луч света во мраке, его пытаются затмить политическим туманом. Когда возникли объединяющие символы и идеи, их с еще большим рвением пытаются облить грязью и очернить перед лицом пробуждающегося Русского мира.

Сегодня с еще большей силой необходимо бить в Набат и становиться действительно одним целым. Одним народом, способным озвучивать правду и не бояться ее. Одним народом, способным отстаивать свои права и защитить свой выбор. Одним народом, способным отстаивать свое право на жизнь. По совести, чести и справедливости!

РАЗДЕЛЁННЫЙ НАРОД

Воссоединение Крыма с Россией стало первым со времен краха СССР случаем восстановления утраченного ранее единства русских. Причем, воссоединения вместе с территорией, что особенно важно подчеркнуть, так как в саму возможность этого вне Крыма верили немногие. Даже накануне этого события находились «эксперты», «политологи» и «лидеры общественного мнения», которые, если и говорили о потенциальном возвращении Крыма в состав России, то делали это не иначе как с иронией, считая это попросту невозможным. Но невозможное стало возможным на основе соединения двух равновеликих факторов — массовой поддержки идеи воссоединения народом русского Крыма и наличием политической воли высшего руководства России при массовой поддержке русскими в России. Не случайно, именно в знаменитой «Крымской речи» Владимир Путин впервые с официальной трибуны заявил о русских как о разделенном народе, имеющем право на воссоединение. Напомним эти слова:

«Миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись за границей, в одночасье оказались национальными меньшинствами в бывших союзных республиках, а русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделённым народом в мире... Наша страна находилась тогда в таком тяжёлом состоянии, что просто не могла реально защитить свои интересы. Но люди не могли смириться с вопиющей исторической несправедливостью».

Казалось бы, после этого выступления представители российского «экспертного сообщества», особенно в его патриотической части (впрочем, кто у нас сегодня не «патриот»?), должны были тут же теоретически развить президентские идеи и предложить механизмы практического их применения... Ведь президент сказал то, что на протяжении более 20 лет твердили многочисленные и очень разные русские интеллектуалы.

Но прорыва, как ни странно, не произошло... Более того, очень быстро стали шептаться о том, что, мол, сказано это было в «крымском контексте», и, конечно, — «не нужно бу-

---

дировать русскую тему» или: «Вы же понимаете, что сейчас происходит на Донбассе»...

И вновь лишь немногие знали и помнили, что и задолго до «крымского контекста» Путин говорил о том же, что его слова — не случайность, не политическая импровизация, а внутренняя убежденность:

«Что такое распад Советского Союза? 25 миллионов граждан Советского Союза, этнически русских, оказались за рубежами новой России — о них же никто не подумал. 25 миллионов — это крупная европейская страна. В каком положении они оказались — в положении иностранцев? А их кто-нибудь об этом спросил?...

25 миллионов оказались за границей без средств к существованию, в условиях растущего национализма, в условиях, когда они не могли приехать в новую Россию, на свою историческую родину, не могли общаться со своими родственниками, потому что у них даже не было денег на то, чтобы купить билет на поезд или самолет. У них нет квартир в России. Им негде жить, негде работать. Это разве не трагедия?... Конечно, трагедия, еще какая!»

Сказано это было в декабре 2007 года в интервью журналу «Time». Помимо прочего, говоря о 25 миллионах русских, оказавшихся за рубежами России, Путин проронил фразу: «Мы не выпячиваем это сегодня, не говорим об этом. Но ведь это так...» Стоит напомнить, что это интервью давалось еще по горячим следам «Мюнхенской речи», когда Россия лишь начала говорить то, что раньше «не выпячивала»... Но спустя 7 лет то, что было впервые обозначено в Мюнхене, уже в полный голос и практически было заявлено и реализовано в Крыму.

И еще по поводу «крымского контекста»... Вот цитата из интервью президента американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS 29 сентября 2015 г. накануне 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке:

«В одночасье за границами Российской Федерации оказались 25 миллионов русских людей... Они жили в единой стране, и вдруг оказались за границей. Представляете, сколько проблем возникло? Бытовые вопросы, разведение семей, экономические проблемы, социальные проблемы — просто не перечислить всего. А вы считаете, что это нормально, что 25 миллионов русских людей оказались вдруг за границей? Русские оказались самой большой разделённой нацией в мире сегодня. Это не проблема? Для вас нет, а для меня — проблема».

Ну и, наконец, менее месяца спустя, 22 октября 2015 года, на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай»: *«В результате распада СССР 25 миллионов этнических*

русских оказались за рубежом помимо своей воли и, как у нас в народе говорят, в одночасье. Повторю тезис свой о том, что русский народ оказался самым большим разделённым народом в мире, и это, безусловно, трагедия».

Думаю, нет смысла дальше доказывать, что путинский тезис о русских как о разделённом народе не является «случайным». На мой взгляд, это вообще одно из главных заявлений нашего президента.

И, безусловно, этот тезис должен быть экспертно проработан, развит и воплощен в конкретные практические действия, в том числе и связанные с изменением ранее применяемых подходов по работе с русскими, оказавшимися за пределами России.

Первым шагом в этом направлении, на мой взгляд, должно стать раскрытие самого тезиса о русских как разделённом народе. Иначе говоря — надо чётко прояснить: что мы понимаем под этим понятием? В чем заключается данное разделение и в каких формах оно проявляется?

Первым сокрушительным ударом по единству русского народа необходимо признать его искусственное разделение в советские годы на три отдельных этноса: русских (бывших великороссов), украинцев (бывших малороссов) и белорусов. Закрепление в общественном сознании и политической практике данного разделения не является препятствием для целенаправленной и последовательной работы по восстановлению традиционного общерусского единства.

Разделённое состояние русского народа на современном этапе проявляется, на мой взгляд, в следующих формах:

Политическое разделение. Русские, ставшие в результате распада СССР гражданами других государств, в силу объективных причин, даже несмотря на факты дискриминации их национальных прав, преимущественно воспринимают именно эти государства в качестве «своих». Этому способствует и политика режимов стран их проживания, направленная на формирование политической лояльности, а в конечном счете — на ассимиляцию русских.

Разделение семей. Множество русских семей оказались разрезаны государственными границами. Широко распространённым стало явление, когда дети, в силу большей мобильности, оказались в России, родители — остались в бывших национальных республиках. Наличие границ, в ряде случаев — визового режима, затрудняют общение родственников между собой, способствует разрыву семейных связей. Нынешняя ситуация на Украине является примером того, как между ближайшими родственниками проходит радикальное политико-идеологическое размежевание, вплоть до участия в гражданской войне по разные стороны конфликта.

Идеологическое разделение. Формирование в республиках бывшего СССР этнократических режимов опиралось на историческое мифотворчество, во многом носящее русофобский и антирусский характер. Глубоко внедренное в систему образования и пропаганды, оно направлено в том числе на формирование негативного восприятия России проживающими в этих странах русскими, формирование из них особых, отличающихся от российских русских, групп — таких, как «казахстанские русские», «прибалтийские русские», или же полное забвение какой-либо связи с русскими и Россией, как это происходит на Украине.

Информационное разделение. Этому же активно способствует информационная политика государств проживания зарубежных русских. Во всех странах наблюдается общая картина использования масс-медиа в целях ассимиляции русского населения. СМИ, пытающиеся отстаивать права и законные интересы русских общин, а тем более — способствовать формированию общего информационного пространства России и Русского мира, сознательно маргинализируются. Наблюдается ограничение, а нередко и запрет вещания российских СМИ, прежде всего ТВ-каналов новостного и просветительского формата. Ряд стран (страны Прибалтики, Украина) фактически находятся в состоянии информационной войны с Россией, сознательно демонизируя образ России и русских.

Языковое разделение. Вытеснение русского языка из всех сфер общественной жизни, включая образование и СМИ, приводит к катастрофическому падению уровня знания русского языка русской молодежью, вытеснению его в бытовую сферу и даже образованию региональных «новоязов» на основе русского. Одновременно русский язык из фактора консолидации целенаправленно превращается в фактор разделения — «русскоязычие» превращается в антипод «русскости», информационно-пропагандистская антирусская деятельность на русском языке является самой эффективной и разрушительной (пример — оба киевских «майдана» (2004 и 2013—2014 гг.) были преимущественно русскоязычными).

Религиозное разделение. Несмотря на ряд позитивных тенденций, связанных с усилением роли православной церкви в жизни русских общин, деструктивные процессы наблюдаются также в религиозной сфере. Они связаны с активным прозелитизмом среди русских в постсоветских республиках агрессивных тоталитарных сект протестантского и иного толка, тенденциями перехода русских в ислам, в том числе в его радикальные течения. Особое беспокойство вызывают раскольнические процессы в православной среде, прежде всего — на Украине: выделение неканонических «церквей» с самозваны-

---

ми «патриархами», насильственные захваты храмов Московского патриархата и даже факты убийства священников.

Культурно-цивилизационное разделение. Все вышеперечисленные факторы, в конечном счете, на фоне усилившейся в начале XXI века геополитической и цивилизационной конкуренции свидетельствуют о явно выраженных тенденциях по «растаскиванию» русских по локальным региональным субкультурам, вписанным в крупные цивилизационные образования, чаще всего являющиеся враждебными (или, по крайней мере, — конкурентными) по отношению к православной русской цивилизации. Так, в странах Прибалтики наблюдаются процессы образования субкультуры «европейских русских», на Украине — агрессивно-русофобствующей группы «русскоязычных украинцев» (по сути — бывших русских), в Центральной Азии — различных групп «азиатских русских», занимающих подчинённое положение в окружающем исламском мире.

Обозначенные формы разделения не исчерпывают темы, но, на наш взгляд, обозначают основные проблемные места в контексте перспектив восстановления утраченного русского единства.

В свою очередь, говорить о перспективах воссоединения мы можем лишь при условии того, что вышеобозначенные разделения не являются фатальными, что русские как народ не утратили стремления к единству, что русские в России и в других странах проживания ощущают себя единым, искусственно разделённым народом и стремятся к воссоединению. И прошедшие 25 лет после распада СССР подтверждают, что, несмотря на все проблемы, русские не только не утратили стремления к единству, а, напротив, переживают сегодня подъем национальной консолидации поверх искусственно навязанных границ.

Сергей БЕЛЯКОВ (Липецк)

ПОТЕРЯВШИЕ НРАВСТВЕННОСТЬ ПОТЕРЯЮТ СТРАНУ

В 1238 году воевода Евпатий Коловрат спешил с отрядом из 1700 воинов на помощь Рязани, осажденной ханом Батыем, но не успел. Оглядев пепелище, он принял решение дог-

---

нать врага и вступить в бой с 150-тысячной ордой. Когда Батю донесли о нападении, тот послал против него тумен (10 тыс. воинов). Русские устояли. Батый послал ещё один тумен, русские опять устояли. Пораженный их доблестью, хан предложил им деньги и должности.

Они ответили: «Нет!». «Чего же вы хотите?» — спросил Батый. «Мы хотим умереть». После такого ответа хан вынужден был остановить всё войско, перестроить его из походного порядка в боевой и двинуть всю свою мощь на русских. А далее произошло чудо. 150-тысячная орда не могла одолеть горстку людей. На третьи сутки непрерывного боя Батый, несущий огромные потери, окружил храбрецов стенобитными машинами и закидал их огромными камнями. С точки зрения здравого смысла поступок дружины Евпатия Коловрата является необъяснимым, он из разряда русских чудес.

17 июля 1941 года в белорусской деревне Сокольничи оберлейтенант 4-й танковой дивизии Фридрих Хенфельд записал в своем дневнике: «Вечером хоронили неизвестного русского солдата. Он вел бой в одиночку. Бил из пушки по нашим танкам и пехоте. Казалось, бою не будет конца, храбрость его была поразительна... Это был настоящий ад».

Этим неизвестным солдатом был 19-летний старший сержант 55-го стрелкового полка Николай Сиротинин, который с орудием 76-го калибра добровольно остался прикрывать отход своих товарищей. Бой длился три часа, и даже после повреждения орудия Николай расстреливал неприятеля из карабина. Девятнадцатилетний русский паренек уничтожил 11 танков, 7 бронемашин и 57 пехотинцев. В Сокольничах слышали о зверствах фашистов, особенно в тех деревнях, где они понесли большие потери и ждали, что здесь месть будет особо жестокой.

Немцы действительно согнали всех жителей в одно место, а затем произошло то, что, наверное, не имело аналога во всей истории Великой Отечественной. Они сами выкопали могилу, накрыли тело русского солдата плащ-палаткой, долго стояли над ним, а захоронив, дали троекратный залп. Передавая солдатский медальон одной из сельчанок, немецкий полковник сказал: «Возьми и напиши родным. Пусть мать знает, каким героем был ее сын и как он погиб». Подвиг Николая Сиротинина тоже является русским чудом, и такие чудеса сопровождают всю нашу историю.

Когда-то Федор Тютчев написал: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить», и это выражение отразило суть русского народа. Весь мир знает, что русские — это не европейцы с их стремлением всё разложить по полочкам, что они

могут жить там, откуда другие убегают, что они могут побеждать тогда, когда другие сдаются, что Россия и Европа слишком разные, чтобы жить по одним правилам. Ведь одной из основных черт русской ментальности является жертвенность.

Современная Европа и жертвенность — понятия несовместимые, жертвенность пришла к нам с христианством, а Европа уже давно не христианская. Современная Европа трансформировалась в очень рациональное, просчитанное и проплаченное общество. Ситуация, когда обычный айтишник из Липецка надевает рюкзачок, берет такси и едет в Донецк защищать «своих», для европейцев неправдоподобна.

Они никогда не смогут понять боль России в событиях, происходящих на Украине, и пытаться объяснить им это — все равно что метать бисер перед свиньями. Даже если они нас и слушают, то не слышат, поскольку мы живем в разных нравственных плоскостях. Для европейцев бороться за национальные интересы и ресурсы — это понятно, а бороться за «своих» — непонятно. Как никогда русский человек не сможет принять слова президента Совета Европы Хермана Ван Ромпея о том, что «понятия «народ» и «родина» должны отправиться на свалку истории», так никогда таким ромпеям не понять, что кроме единой Европы существует еще и единый «Русский мир». Да, во многом беспутный, расхлябанный и по детски наивный, но при этом великий, бескорыстный и жертвенный.

Да и как может быть по-другому, если, говоря одними словами, мы вкладываем в них разный смысл. Мы говорим о гендере как о равенстве мужчины и женщины, а европейцы как о половой и социальной самоидентификации. К сведению, на сегодня зафиксировано шестьдесят два гендерных типа, легализующих самые различные комбинации, а не так давно один профессор из Австралии предложил ввести шестьдесят третий гендер. Это, ни много не мало, человек-свинья. Нас тошнит от всего этого, а европейцы гордятся своей толерантностью, и убедить их, что всё это — мерзость, невозможно.

Мы пытаемся оградить своих детей от растления, а в школах Берлина изучают пособие «Лесбийские и педерастические образы жизни». В нём, например, предлагается налаживать связи с местными организациями гомосексуалистов, приглашать на уроки их представителей, просматривать фильмы, а также участвовать в ролевых играх. Вот некоторые из них: ты в гей-баре и хочешь затянуть в постель привлекательного паренька; как рассказать маме о желании создать гей-семью; две лесбиянки собираются венчаться в церкви.

Многие ли из вас готовы держать дома немецкий «Справочник для родителей по сексуальному воспитанию детей от года до трех лет», в котором говорится о необходимости взаимного исследования и стимуляции половых органов детей и их родителей? А в Германии эта книга за 6 лет разошлась тиражом в 650 тыс. экземпляров.

Нам говорят о необходимости защитить ребенка от насилия, и естественной реакцией любого нормального человека является поддержать эту идею. А на самом-то деле речь идет о тотальном контроле государства над семьями, об отрицании родительской власти, о постановке прав ребенка выше прав родителей, и о том, что насилием считаются любые действия по отношению к ребенку, с которыми он не согласен, но которые вынужден выполнять. Например, вынести мусорное ведро, или, скажем, заправить постель.

А многие ли из вас знают, что о правах ребенка впервые заговорили педофилы, которые провозгласили, что дети должны иметь законное право на сексуальные отношения со взрослыми. В 1977 году организация «Педофайл Информейши Эксчейнч» даже начала издавать журнал «Права детей». И их логика вполне понятна — отгороди ребенка от родителей, затем выдерни его из семьи, и потом делай с ним что хочешь. Тут же найдутся желающие воспользоваться его душой или телом.

Наши «закрытые друзья» буквально истерят по поводу отсутствия в России свободы, но весь вопрос в том, о какой свободе идет речь. Представьте ситуацию, что рядом стоят два человека и у каждого есть свобода передвижения. Но первый может двигаться только в одном направлении, а второй куда угодно. Кто из них более свободен? Конечно второй. Уточним ситуацию, оба стоят на крыше и у них завязаны глаза. Первый может двигаться в направлении чердачной лестницы, а второй куда угодно. Кто из них более свободен? Всё равно второй.

А теперь скажите: чем закончится для него такое вольное передвижение. В лучшем случае больничной койкой, в худшем — кладбищем. Мы-то это понимаем, а европейцы нет. Например, для них свобода наркомана означает колоться где угодно и когда угодно, а для нас — подписать самому себе смертный приговор. Поэтому, говоря о свободе, нужно определиться: что это — свобода греха или свобода от греха?

Свобода по-европейски — это когда в Украине спиливают кресты, а в России оскверняют храмы и совокупляются посреди художественной галереи. Свобода по-европейски — это когда в Германии голые учителя и ученики проводят открытый урок физкультуры. Свобода по-европейски — это когда

в школах Франции устраивают день толерантности, и при этом все ученики и учителя мужского пола переодеваются в женское платье, наносят на лица макияж и начинают «косить» под дам, а все лица женского пола делают всё с точностью наоборот, изображая из себя мужчин.

Странные все-таки мы люди. Нам на блюдечке преподносят абсолютную вседозволенность, а мы от нее нос воротим. Для нас она дурно пахнет. И всё лишь потому, что, как когда-то написал Достоевский: «Если исповедовать свободу без внутреннего самоограничения, она ведет к распущенности». Другой вопрос: как объяснить европейцам, что нам всё это не подходит, потому что мы другие.

Как можно что-то объяснить людям, которые вообще перестали читать книги? Каким языком разговаривать с теми, кто вместо слов «отец» и «мать» сегодня говорит «родитель 1» и «родитель 2»? Мы деликатно выпроваживаем все эти многочисленные демократические фонды в дверь, а они лезут к нам в окно.

Наше общество по своей сути является консервативным, потому что было сформировано в системе нравственных запретов. Такая табуированность явилась следствием принятия Русью христианства как жизненного мировоззрения. Христианство раз и навсегда сказало, *что* есть добро, а *что* зло, *что* можно делать, а *чего* делать нельзя. Именно христианство воспитало в нас внутреннее самоограничение, именно оно стало фундаментом русской духовности и, если хотите, основой русской «упёртости».

Любое же консервативное общество очень сильно сопротивляется попыткам его изменения, в особенности извне. Именно этим и объясняется тот факт, что все те нравственные новации, которые проходят в Европе на «ура», в России наталкиваются на активное сопротивление. Однако, если в таком обществе всё-таки происходит сдвиг общественного сознания, сдвиг в сторону отказа от традиционных ценностей, то это приводит к разрушающим последствиям, поскольку изменения подвергаются базовые, государствообразующие основы, изменения принимают лавинообразный и непредсказуемый характер, а общество быстро превращается в хаотичную биомассу, существующую по законам силы.

Судите сами. Как только в России, при непосредственном, кстати, участии европейских либералов, были дискредитированы основополагающие принципы, а именно, Бог, Царь и Отечество, государство рухнуло, уничтожив в кровавом безумии десятки миллионов своих граждан. Как только в Советском Союзе, и опять же при непосредственном учас-

---

тии всё тех же европейцев, была уничтожена идея государственного коллективизма, государство распалось, породив «лихие девяностые».

Разве всё то, что сегодня происходит в России, вся эта возня вокруг защиты прав детей и сексменьшинств, возня вокруг сексуального просвещения и планирования семьи, попытки навязывания так называемых европейских ценностей — разве это не внедряемая здесь система? Но еще в Библии сказано: «Народ, потерявший нравственность, потеряет свою землю». Именно российская земля с ее ресурсами является истинной целью наших европейских и заокеанских «друзей», а вся эта трескотня об американской мечте, европейских ценностях и русской отсталости — лишь способ ее достижения. Как только наши традиционные ценности будут заменены на европейские, подвергнется уничтожению нравственный фундамент государства, и оно вновь рухнет.

Когда-то говорили: «что русскому хорошо — немцу смерть». Времена изменились, и сегодня уже оказалось: «что немцу хорошо — русскому смерть». Причем, смерть в буквальном смысле этого слова, потому что все страны, демонстрирующие гибкий подход к вопросам нравственности, являются вымирающими, и чем гибче этот подход, тем выше темпы вымирания.

Поэтому, когда ЮНИСЕФ призывает нас пропагандировать однополюе отношения среди детей, когда Совет Европы лоббирует интересы российского гейсообщества, когда в Ставропольском роддоме врачи предлагают женщинам стерилизацию, когда Российская ассоциация планирования семьи (РАПС) рекламирует гормональную контрацепцию и аборт, когда в школы пытаются втащить секспросвет, когда права детей ставятся выше прав родителей, когда российские либералы защищают «фемен» и «пуси райт» — это демографическая война.

Война, в которой каждая мелочь стоит тысячи жизней. Как только в России легализовали деятельность ЛГБТ-организаций, возросло количество молодежи, считающей однополюе отношения «нормой» и готовых к экспериментированию в этом направлении. Как только допустили в школы секспросвет, вырос уровень венерических заболеваний и преступлений на сексуальной почве. Как только под вывеской РАПС пустили в Россию Международную федерацию планирования семьи, начались рост числа абортот и падение репродуктивности женщин. Как только разрешили усыновление иностранцами детей, началась откровенная торговля ими. Да и многое чего еще.

А ведь всё это и есть те европейские ценности, о которых нам все уши прожужжали и которые так настойчиво пытаются нам «впарить». «Впарить» через евроструктуры, управляемые сегодня гомосексуальным лобби, через подконтрольные средства массовой информации, российских либералов и продажных российских чиновников. Судя по тому напору, с каким всё это делается, мы с вами включены в «черный список» на уничтожение, и вопрос стоит: «или—или». Или мы послушно поплетёмся на бойню, или попытаемся преградить распространение этой либеральной чумы.

Когда инквизиторы спросили Жанну д'Арк: «Ты считаешь своё дело правым, зачем же ты призывала солдат сражаться? Разве Бог не заступился бы за правое дело?». Орлеанская Дева ответила им знаменитой фразой: «Чтобы Бог даровал победу, солдаты должны сражаться!»

Русское поле

Виктор АКСЮЧИЦ

РАНО ИЛИ ПОЗДНО МЫ ВОССОЕДИНИМСЯ

— *Виктор Имантович, что сейчас, на ваш взгляд, представляет собой русский народ? Можно ли делать выводы о его моральном состоянии, скажем, по тому признаку, что многие россияне с удовольствием стали покупать путёвки в Турцию, как только был снят запрет? Хотя совсем ещё недавно турецкие ВВС сбили российский штурмовик, трагически погибли наши лётчик и десантник?*

— Русский народ обладает таким качеством, как бесстрашие. И, несмотря на то, что в Турции обстановка довольно напряжённая, люди не боятся ехать туда. Что касается моральной стороны, на мой взгляд, Турция принесла необходимые извинения.

Но, прежде всего, хотелось бы сказать о русском народе, как создателе русской цивилизации, в которой есть место для

многих народов. События Русской весны я называю началом патриотической революции. Началось пробуждение патриотического сознания государствообразующего народа России.

Причём, идёт оно снизу. Оно подспудно прорывалось и раньше, но власть и элита правящая игнорировали эти процессы и даже во многом их подавляли. И даже в Крыму власть вынуждена была отреагировать на тот стихийный подъём, который возник у крымчан и патриотически настроенных кругов русского общества. Не будь его, никакой референдум, никакие «вежливые люди» были бы невозможны. В свою очередь, события в Крыму пробудили широкие патриотические круги внутри России.

По большому счёту, власть старается не замечать и не поддерживать этот русский духовно-патриотический подъём. Она не понимает, что без возрождения русского народа невозможно возрождение России, ни одного народа, живущего в ней. Поэтому русский вопрос остаётся основным вопросом не только в Крыму и Донбассе, но и в России. Как Крым вернулся в Россию, так и Россия должна вернуться к своим онтологическим истокам. Необходимо изнутри освободиться от идеологических, страшных, зачастую русофобских явлений, которыми мы болели в XX веке и не изжили последствия той болезни до сих пор.

— *В чём выражается русская патриотическая революция, о которой вы говорите, кроме того, что отдельные патриоты едут в Донбасс поддержать соотечественников, рискуя жизнью?*

— В том, что абсолютное большинство граждан России поддержало воссоединение с Крымом. Кроме того, значительная часть общества продолжает выступать за то, чтобы, несмотря на санкции, Россия продолжала поддерживать соотечественников на Юго-Востоке Украины, в Новороссии. С начала 90-х годов после распада СССР и грабительских реформ большая часть русских находилось в состоянии депрессии той или иной степени. Нас подавляло разрушение исторической России, которая в советское время называлась СССР. Это привело к расчленению единого народа. Поскольку русские, украинцы, белорусы — один народ. Вот я чистокровный белорус, но при этом русский белорус. И сегодня люди воспряли, поскольку появилась надежда, что новое объединение русских земель, пусть и не так скоро, как хотелось бы, но случится.

Русская интеллектуальная и культурная элита тоже участвует в этой подспудной революции. Разрабатываются концепции, конкретные предложения, как возродить Россию. Повторяю, власть слабо на это отзывается, но когда отзывается хотя бы немного, это тут же находит отклик в народе. Посмотрите, само

слово «русские» на наших центральных телеканалах до недавнего времени было как бы неприлично говорить. Как и слово «патриотизм». По крайней мере, в положительном контексте. Теперь же в речи президента мы привыкли слышать слова «русские», «русский народ», «русская история». Ведь ещё в 90-е годы тема, которую мы сейчас обсуждаем, была под запретом, нас называли коммуно-фашистами и так далее.

— *Идеалисты, начинавшие русскую революцию в Донбассе, сейчас в значительной степени разочарованы. Поскольку той Новороссии «от Луганска до Одессы», где не было бы места олигархам и несправедливости, пока нет. Возможна ли она в принципе?*

— Для того чтобы оценить то, что происходит в Новороссии, надо подняться над окопами, и с «высоты птичьего полёта» оценить масштаб происходящих событий. Новороссия сегодня является фронтом борьбы России с атлантической цивилизацией, во главе которой стоят США. Сначала это был просто стихийный протест против русофобской хунты в Киеве. Но войны бы там не было, если бы не вмешательство Запада, который подталкивал новую власть к жестоким, варварским действиям против народа Донбасса. Россия в очередной раз оказалась перед крайне трудным выбором. Если бы мы не помогли соотечественникам в Крыму и Донбассе, Россия оказалась бы униженной и ослабленной. В Крыму совершенно точно появилась бы натовская база. Сегодня можно сказать, что без поддержки России ДНР и ЛНР не смогли бы устоять. И то, что Новороссия не была задавлена, — само по себе большая победа. Если опять же посмотреть «с высоты птичьего полёта», становится ясно, что русский Донбасс Россия теперь не оставит ни при каких обстоятельствах. Назад пути нет.

Кстати, Минские соглашения составлены таким профессиональным дипломатическим языком, что нынешний киевский режим выполнить их просто не может. Он и не выполняет их. Время работает на Россию. Думаю, что большая и справедливая Новороссия ещё будет создана. Сейчас меняется ситуация в мире. Россия вопреки экономическим трудностям и западной пропаганде становится всё более влиятельной страной в мире. Мы ищем и находим новых союзников. Нас поддерживают в самых разных странах и частях света. И даже в западном обществе число людей, объективно оценивающих роль нашей страны в мире, растёт. При этом Запад слабеет. В этой связи, возможно, не стоит спешить с тем, чтобы разрубить гордиев узел в Донбассе.

Кстати, нам сегодня есть чему поучиться у людей, живущих в непризнанных донбасских республиках. Это люди — ценой

больших жертв отстоявшие своё право оставаться с Русским миром. И это сказывается на их мировосприятии. Это чувствуется на примере отношения к тем же олигархам. Мы в России привыкли к тому, что существует гигантское социальное расслоение, что бедным за небольшие деньги приходится работать на богатых. А там теперь всё это воспринимается гораздо более остро. То есть Новороссия — это некий не столько территориальный, сколько духовный плацдарм Русского мира, который будет сильно влиять, в том числе, и на возрождение России.

— *Вы сказали, что в мире у России всё больше союзников. А вот наш ближайший союзник Белоруссия ведёт себя довольно противоречиво. Нет ли опасности, что постепенно она повторит путь Украины, дрейфуя в сторону Запада и русофобии?*

— В Белоруссии, действительно, в политической элите идут довольно противоречивые процессы. Исподволь у жителей республики формируется националистическое сознание, идёт некоторая коррекция истории. Крепнут различные общности, пропагандирующие «великую Беларусь» в пику России. Это опасно. С этого всё начиналось на Украине.

Но всё же Александр Лукашенко и в целом политическая элита страны пока сохраняют адекватность. Они, возможно, в чём-то потакают националистам, но в случае чего, думаю, они смогут быстро приструнить их. К тому же и в России внимательно наблюдают за процессами, происходящими в Белоруссии. Потерять эту республику для России было бы даже опасней, чем потерять Крым в своё время.

Если вспомнить Бжезинского, он говорил, что с потерей Украины Россия перестанет быть великой державой. Вот у нас и пытаются её отнять. А потеря Белоруссии будет означать гибель России. Поэтому я не исключаю в ближайшие годы или десятилетия самых разных потрясений в Белоруссии. В том числе аналогичных тем, что происходят сейчас на Украине. Но Белоруссию мы не отдадим ни при каких условиях. Вскоре после распада СССР я сказал тогдашнему министру иностранных дел только что возникшей республики Беларусь, что русский народ, пока он жив, будет стремиться к воссоединению. Это естественный процесс. И пример тому — немцы, восстановившие своё единство. И только от политиков зависит — раньше или позже произойдёт объединение русского народа. Такого же мнения я придерживаюсь и сейчас.

Беседовал Алексей Полубота

Сайт «Свободная пресса»

Всеволод ТРОИЦКИЙ,
доктор филологических наук, академик РАН, профессор

ВОССТАНОВИТЬ РАЗРУШЕННОЕ

О словесности в современной школе

Нынешнее реальное состояние русского языка и уровень его преподавания вполне отвечают условиям оккупированной страны. В последние десятилетия катастрофически ухудшилось качество языковой среды, ибо имеющие власть с лёгкостью отдали телевидение и другие СМИ в руки антинациональных сил и нарекли это «свободой слова», хотя на самом деле это есть не что иное, как подавление слова национально-патриотического.

Словесность в школе «сократили» под стать программам школы колониальной страны, сократили так, чтобы народ (в массе) не владел свободно русским литературным языком, как это по преимуществу было в лучшие для школы годы XX века. Сократили так, чтобы у окончивших школу не могло сформироваться должного для свободного человека запаса культурной памяти в виде знания традиционного объёма произведений русской классики, того «школьного литературного канона», который был «не вся классика, но ворота в неё»

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

(А.В. Фёдоров). Одновременно увеличили программы по английскому и другим иностранным языкам. Всё это, если исходить из нынешних задач и интересов школы независимой державы, — очевидно антипатриотично, противоречит интересам народа, формированию национального культурного сознания, здоровому органическому развитию личности и бережному отношению к традиционным духовным ценностям нации.

Особенно ощутим этот удар по молодым поколениям граждан — в области родного языка. Речь значительной части молодёжи бедна, примитивна, невыразительна. Она, в сущности, не достигает уровня, необходимого для приобщения к культуре. Удивляться нечему: враги русского слова, невежды и предатели постарались основательно...

Изменилось содержание лексики, которой насыщены наши учебники: из них почти исчезли многие основополагающие слова, дающие возможность верно осмыслить картину мира, сформировать позитивное мировоззрение (народ, Родина, Бог, святыня, народность, справедливость, а также — служение, верность, честь, достоинство, долг, гражданственность, ответственность, национальное самосознание, самобытность, идейность, доблесть, преданность и др.). В XX веке эти слова осваивались при изучении русской классики. При злонамеренном сокращении изучаемых литературных текстов и катастрофическом снижении уровня изучения литературы в школе учащимся неоткуда заимствовать понятия, необходимые при формировании любого положительного мировоззрения.

Не находят места в сознании учащихся и иные слова, без которых нельзя сложить первоначальное мировоззрение, то есть целостный образ мира и систему стратегических к нему отношений (подчеркну: в объёме и на уровне, необходимом для нормального развития современного молодого человека). Такой необходимой для школьного образования лексикой современная школа во многом не обеспечена. Тем самым подорвана языковая основа нормальной мировоззренческой составляющей школьного образования.

За годы разрушения образования, получившего официальное название «реформы»:

1) разрушена высококачественная научная и методическая система изучения словесности;

2) повреждены и во многом уничтожены плодотворные методы традиционного научно и педагогически обоснованного обучения грамоте;

---

3) недопустимо обеднено содержание осваиваемой лексики, необходимой для нормальной жизнедеятельности и здорового языкового мироощущения;

4) губительно сокращено количество текстов классики, на которых только и можно утвердить знание литературного языка;

5) выведена за рамки изучения языка коренная задача — овладение ясным и точным смыслом слов, оттенками их значений; практически отсутствуют как жанр уроки по развитию речи;

6) изъята, а затем фактически заменена суррогатом основная форма обучения письменной речи — сочинение;

7) пагубно деформирована направленность обучения: значительно сужена сфера получаемых знаний; систематическое изучение предмета подменено формированием механических навыков для выполнения типовых заданий по предлагаемым моделям;

8) совершенно неосновательно и поистине вредительски сокращено количество часов по русскому языку и литературе;

9) старые учебники и пособия заменены новыми, не выдерживающими критики ни с научной, ни с методической стороны, но активно внедряемыми через систему официального механизма разного рода «надёжных» рецензентов, весьма часто не исполняющих своих прямых обязанностей на должном уровне;

10) никак не учитывается современное состояние языковой и культурной среды, испытавшей в последние 40 лет катастрофические изменения. СМИ и современная реклама весьма часто только отучают от грамотной речи. Ибо несут ложь посредством искажения и подмены смысла слов, неточного толкования их смысла, через «опустошение» смысла слов, изменение истинного значения слов, через ложное их употребление.

Нормальное изучение в средней школе русского языка включает:

1) первоначальное представление о сущности слова (языка) и достоинствах родной речи;

2) достижение норм орфографической и пунктуационной грамотности;

3) овладение ясным и точным смыслом слов (запасом слов), необходимых для нормальной жизнедеятельности, здорового мировосприятия и культурного развития современного человека;

4) умение устно и письменно владеть родным словом на уровне, обеспечивающем возможность самообразования и нормального культурного развития.

---

5) воспитание любви к родному языку.

Решение этих задач было в целом достигнуто в XX веке в период расцвета образования. Ныне преподавание языка подменено формальным и механическим, часто бессмысленным ознакомлением с основами орфографии и пунктуации. В рамках программы школьники лишены возможности познавать богатство содержания и смыслов русской речи. За формализацией обучения и тестово-дрессировочными методами «освоения» родного языка следует естественная скука и нелюбовь к родному слову. Наверное, чиновники от образования стараются, чтобы так и было. Например, из прежних стандартов средней школы на определённом этапе, как известно, были выброшены такие разделы (вдумайтесь: каково!): «Богатство, красота, выразительность русского языка», «Роль церковнославянского языка в развитии русского языка», «Однокоренные слова», «Этимологические словари русского языка», «Основные толковые словари русского языка», «Принципы русской орфографии», «Орфографические словари» и проч.

В настоящее время ни одну из названных мною первоначальных задач обучения языку массовая школа, как должно, не решает. В этой области нормальное образование в целом уничтожено. Задача состоит в том, чтобы восстановить преподавание предмета на научной основе (с восстановлением утраченного содержания) и решительно увеличить количество учебных часов.

Восстановление грамотно и научно выверенного изучения родного языка требует на первоначальном этапе решить коренную педагогическую задачу: вернуться к осмысленному изучению слова. Здесь нелишне напомнить, как определяли нормальные условия для преподавания родного языка выдающиеся филологи. «Родной язык, — писал академик Ф.И. Буслаев, — должен стать центром всего преподавания во всей школе... в том отношении, чтобы всякий урок и притом по всякому предмету был в то же время уроком и упражнением в правильном употреблении родного языка. Язык этот должен быть воздухом, которым дышит и живёт вся школа. При этом, само собою разумеется, преподавание основных предметов должно быть поставлено в самую тесную связь с преподаванием родного языка. По твёрдому нашему убеждению, это единственно возможный путь к глубокому и серьёзному изучению родного языка и к достижению столь необходимого процветания родной речи...» Это и есть нормальный взгляд на преподавание русского языка.

Выработка осмысленного и грамотного отношения к слову обязывает иметь общие представления о его сущности. О том, что слово —

форма мысленного и духовного бытия народа и человека,
воплощение жизни духа,
способ сообщения мысли, чувства и духа,
среда общественного и духовного бытия,
путь к вере и нравственности,
кладовая памяти,
незаменимое средство образования, науки, культуры,
собственно — памятник культуры,
в своём «золотом фонде» — национальная святыня.

Учитель, не воспитавший в своих учениках чувства слова, уважение к слову, благоговения перед ним, не сумевший подвести к мысли о сущности слова, — не выполнил своей основной задачи.

Положим, публичное употребление непечатной брани — явный признак недопустимого невежества школьников. Сквернословие — не просто оскорбительно и недопустимо по отношению к святыням, но и «вещественно» пагубно, ибо наносит внешне незаметный, но реальный вред не только духовному миру произносящего и окружающих, но их «материальной сущности». Словесник обязан растолковать всё это... Ученики должны знать об исследованиях волнового генома речи нашего соотечественника П.П. Гаряева, должны отдавать себе отчёт, что озвучивание названного рода слов разрушает биополе человека, значительно увеличивая возможность негативного воздействия на организм внешней среды, и даже вызывает генные мутации, способствующие вырождению. Они должны услышать от нас о том, что духовный вред публичной непечатной речи значительно превосходит многие известные негативные воздействия на личность. Ибо, говоря словами Ф.Я. Шипунова, «слово произнесённое или событие запечатлевается во всех точках Вселенной и навсегда». Массовое сквернословие — мощное средство подрыва духовных сил народа и культуры, оно неизбежно разрушительно отзывается на его судьбе. Кстати, иногда наглядно — и на судьбе кощунника-сквернослова. Наверное, филологи знают об И.С. Баркове. Талантливый поэт истратил свой незаурядный дар на скабрёзно-непечатную поэзию. Его конец удивительно символичен: в пьяном угаре провалился в выгребную яму и захлебнулся нечистотами...

Задача владения родным словом сегодня, в сущности, не решается. Практически ликвидированы уроки по развитию речи, сознательно «забыто», что владение литературным язы-

---

ком обеспечивается только чтением классики, преступно сокращённой «реформаторами». Языковая среда (СМИ), играющая в овладении грамотной речью определяющую роль, при глобальном отсутствии контроля в рамках информационной безопасности — ныне недопустимо низкого уровня. Низким уровнем грамотности и ненужной усложнённостью языка отличается массовая педагогическая литература, как научная, так и учебная...

Владение языком прямо пропорционально уровню образованности, а в конечном счёте — успехам науки и бытию культуры. Состояние речи — это состояние мысли, состояние мысли — это состояние сознания, состояние сознания — это предпосылки поступков, поступки — это сущность поведения людей, сущность поведения людей — это судьба народа. Поэтому языковой уровень носителей языка — это в целом вопрос стратегический и политический. Здесь всё предстоит восстанавливать.

Человек и народ имеют право на жизнь в здоровой, соприродной им языковой среде. Насильственное повреждение такой среды — преступно. Оно должно быть пресекаемо законом. И в этом, несомненно, состоит защита прав человека и информационная безопасность России. Поэтому нужно сказать: языковое насилие над личностью и народом в России продолжается.

Одна из важных причин такого положения — отсутствие должного закона о русском языке. Отсутствие защищающего язык закона не случайно: это одна из долговременно осуществляемых интриг соответствующих информационных спецслужб международной закулисы, поддержанных пятой колонной и сонмом законотворцев-невежд, а иногда и мало-квалифицированными консультантами.

За четверть века квалифицированного и системного разрушения, преступно осуществляемого через командные образовательные учреждения, мы потеряли литературу как научный предмет школьного изучения. Тем самым, снижая уровень образования, мы отодвинули самую возможность восстановления нормальной школы в нашем Отечестве. В созданных «реформами» условиях в школе невозможно научить главному: вчитываться в книги, верно и полноценно осознавать художественный мир и смысл произведения, наконец — ценить и любить литературу...

В школьные годы ученики знакомятся с очень разными сочинениями, и это естественно, но изучать нужно — классику, произведения, обладающие высокой художественной ценностью. Это создаёт предпосылки для воспитания истин-

---

ного вкуса и непрременных качеств нормальной, духовно и нравственно здоровой личности. Нельзя стать образованным человеком в России, не зная достойно русскую классическую литературу.

Значение классики понимали и представители противостоявшей нам «закулисы». Полстолетия назад верховный советник по делам образования США Морис Стерлинг, оценивая гуманитарные достижения школы в России XX века, писал: «Сила нации заложена в её искусстве, музыке и литературе в такой же степени, как в её физике и электронике. Тот, кто полагает, что великая поэзия или знание классической литературы не являются существенными не только для качества, но и для жизнеспособности нации и её культуры, пренебрегает уроками прошлого». Всё это отлично понимали наши недруги. Умный Отто фон Бисмарк заявлял: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя...»

«Победа» самих себя и началась с «выдавливания» из школьных программ русской классики. В статье академика РАО Ю.Г. Круглова, опубликованной во 2-м выпуске Трудов «Филология и школа» (2008 г.), показано, что «всяческими способами (и прежде всего — финансами) поддерживаемые инновации, активно внедряемые в учебный процесс, уничтожают существующую уже два столетия плодотворную традицию в школе... Суть же этих «экспериментов» в российских условиях (может быть, о ней не догадываются сами экспериментаторы) — вытеснить из литературного образования основополагающую для школы классическую русскую литературу». Известный учёный Н.Н. Скатов в то же время писал: «Тесня русскую классику, мы лишаем доверенное нам молодое поколение не только прошлого, мы лишаем его и будущего».

Нелишне напомнить, что вся русская классика — одухотворена идеями «разумного, доброго, вечного», в ней отражается характер народа: волевая духовная энергия его соборности, остро переживаемое чувство чести-совести, сострадания, милосердия, жертвенная готовность стоять за справедливость, неистребимая убеждённость в окончательной победе правды и добра, беззаветная любовь к Родине.

Классика отличается сокровенным чувством слова. Только читая отечественную классику, можно достойно овладеть русским литературным языком. Иного пути нет...

Классика умеет говорить о жизни всё как есть, передаёт глубины потрясающей правды, не нарушая эстетических

границ подлинно человеческого видения. Русская классика утверждает истинное и человеческое, гнушается «художественной» мерзости, вульгарности и пошлости. Поэтому невольно отвращаются от неё кощунники и нечестивцы.

Классика (даже в её явно «светских» произведениях) имеет несомненным истоком сокровища православного мировидения. Она непременно и неизменно утверждает радость бытия.

Классика учит благоговению перед святыней и святостью. Ведь иному современному человеку, не потерявшему способности по-человечески мыслить, всё ясней, что зачастую он живёт без святыни. Но у нас есть путь к спасению. Путь этот — вдумчивое чтение классики: она поможет обрести подлинное счастье, ощущение духовной высоты, силу благодатного стояния в истине, спокойную совесть и проникающее-одухотворённое видение мира.

Классика — наше духовное отечество!

«Русская литература, — писал известный филолог С.А. Венгеров, — всегда была одной из тех святынь, в общении с которой человек становился чище и лучше... Русская литература — центральное проявление русского духа, фокус, в котором сошлись лучшие качества русского ума и сердца». Классика служит истине и красоте, утверждает прекрасное, высоко почитаемое, что освящено созидательной любовью и служением добру (для жизни всех и каждого), человеку, Богу.

Русская классика проникнута истинной всепроникающей красотой, отзывающейся в окончательном смысле каждого из принадлежащих ей произведений, если только присмотреться к ним и в них вникнуть.

Истинная красота — не дань вкусу, но объективный идеал прекрасного. Прекрасное же — это согласованность с законами мироздания, с его гармонией, оно — естественно, соприродно миру; оно — духовно, то есть устремлено к надобыденному идеалу; оно — проникнуто любовью; оно имеет свои закономерные пределы в содержании и форме, то есть определённо (бесформенное — уродливо, безобразное — безобразно); оно — целостно-совершенно, то есть воплощает органическое единство содержания и формы, цельность и завершенность. Но главное: прекрасное — следствие любви, которую создан и держится мир.

Классика наследует национальные идеалы и традиции, она всегда «связана с почвой» и потому — плодотворна.

Классика вечна!.. Классике во многом обязаны мы тем, что есть хорошего в нас, в нашем народе с его добродетелями и его победами. И, конечно, — самой большой победой XX

века: разгромом фашистских орд в Великой Отечественной войне. Победу в этой войне одержала и русская классическая литература, занимавшая в то время достойное место в образовании...

Нормальная школа призвана к высокой миссии сохранить и передать знание названного ключевого литературного канона.

Сегодня школьные программы по литературе не просто ущербны, они неграмотны: лишены основополагающих литературоведческих понятий, должным образом не связаны с отечественной историей и историей русской литературы, не учитывают многих важнейших историко-литературных явлений и т.д. Количество часов, отводимых на литературу, вредительно сокращено. Кроме того, в программы внесён материал, снижающий их содержательный и художественный уровень.

«Перестройщики» варварски разрушили созданное предшественниками, не внося ровно ничего ценного и полезного в изучение родной словесности. Задача нормальной школы — восстановить разрушенное в школьном обучении во имя защиты Отечества, во имя достойной свободной жизни будущих поколений!

ЦИРК ШАПИТО

Путин одобрил строительство «Диснейленда» за 4 млрд. долларов. При этом тут же пришла новость, что программа по обеспечению продовольственной помощью малоимущих россиян переносится с 2016 г. на 2017 г. Участниками программы должны были стать до 16 млн. граждан России, однако, судя по всему, в федеральном и региональном бюджетах так и не нашлось 240 млрд. руб. на эти цели. Я напому, что 4 млрд. дол. — это 250 млрд. руб., четыре с половиной бюджета Омской области, огромные деньги. 250 млрд. руб. — это суммарно годовые расходы на всё сельское хозяйство. А самое главное, аттракцион «Рашаленд» этими деньгами, конечно, не ограничится.

Новая «мега-стройка» — это лицемерие, плевок в лицо всей стране — в то время, когда у нас закрываются сотнями, тысячами предприятия в России, сокращенные рабочие недели введены на многих крупных предприятиях, в том числе на АвтоВазе. По всей стране — просто вал скрытой безработицы, увольнений, неоплачиваемые отпуска, сокращенная трудовая неделя, неполная занятость, усеченная ставка и так далее. Народ реально беднеет, причем высокими темпами — таких темпов

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

не было с 1992 г. и с 1998 г., со времен «шоковой терапии» Гайдара. И нам на это что предлагают? Нам предлагают построить «цирк шапито» и карусель. Аналог «Диснейленда». Вам не хватает денег на питание? Катайтесь на карусели!

Власти наши ни у кого ничего не спросили, решили, объявили — строим. Спросите у людей — что они хотят получить: этот аттракцион или надбавку к пенсии? «Диснейленд» или отмену сборов за капитальный ремонт? «Американские горки» или бесплатные школы и садики?

Еще один важный момент — руководители финансового блока нам постоянного говорят, что вливать деньги в крупные инфраструктурные объекты нельзя — будет инфляция. А вот 250 млрд. руб. «впаять» в иностранных «партнёров» — от этого, конечно, инфляции не будет.

Самое печальное, что заявленными суммами инициаторы проекта, находящиеся в коридорах власти, не ограничатся. Я просто напомним, как происходил «распил» «Газпром-арены» в Питере. Изначальная смета была 5 млрд. руб., строительство идет девятый год подряд — за это время смета выросла уже до 40 млрд. руб. Итого — затраты выросли более чем в 7 раз. То же самое по Керченскому мосту — его три года назад только авансировали за 25—30 млрд. руб. В итоге наш Керченский мост стоит уже 220—230 млрд. руб., если не больше. Не удивляюсь, если «Диснейленд» будет стоить не 4 млрд., а 7—10 млрд. долларов, потому что техника будет импортная, комплектующие импортные, облицовочные работы — тоже, землеотвод дорожущий, возникнут проблемы с климатом — то, что было в Сочи.

Вместо того чтобы создать точки роста, снизить налоги для бизнеса, для промышленности, провести налоговый маневр, чтобы бензин, газ, дизельное топливо были дешевые для наших аграриев, вместо того, чтобы сократить количество плановых и внеплановых проверок, инвестировать в образование, здравоохранение, в человеческий капитал, вместо того, чтобы дать людям возможность зарабатывать — у нас средства отбирают, нам повышают налоги, закручивают гайки, закрывают сельские, поселковые школы... Зато строят «Диснейленд».

Меж тем в стране кризис, третий год подряд падают инвестиции, 15 месяцев подряд падает промышленное производство, обрабатывающая промышленность, 17 месяцев падают реальные зарплаты, 8 лет permanently вывозят из страны капиталы — компании, банки вывезли больше 650 млрд. дол. Бюджет сыплется, повышаются налоги, вводятся торговые сборы — «Платон», «Меркурий», растет кадастровая оценка недвижимости, утилизационные сборы, акцизы на топливо.

Всё делается «для народа», и при этом — «пипл хавет». Люди хлопают в ладоши и радуются — мы проводим Олим-

---

пиады, саммиты АТЭС, Формулы-1, чемпионаты мира по футболу, «шахматные межгалактические трансвселенские чемпионаты» в Васюках. То есть в принципе всё абсолютно правильно с точки зрения создания некой положительной, красивой картинки, которую можно было бы продемонстрировать электорату, особенно в предвыборный период: вместо доступных продуктов — зрелища.

Параллельно решается задача прокорма приближенных к власти крупных олигархов, крупного капитала — свои «правильные» ребята занимаются этими «проектами века» — ротенберги, ковальчуки и тимченки, которые и получают госзаказы и господряды на триллионы рублей без конкурсов.

Крупные олигархи, которые являются первыми друзьями руководства страны, — они же и недовольны происходящим в стране — они хотят ездить к женам, к детям в Монако, в Лондон, в Брюссель и Лос-Анджелес, а вынуждены сидеть в России, в Сочи, в Крыму.

Парадокс: чем сильнее в России кризис, чем дешевле цены на нефть, чем меньше денег в бюджете, чем выше налоги для нас с вами — для населения, бюджетников, малого бизнеса, несырьевого сектора экономики, — тем больше будут отхапывать люди с «правильными» фамилиями, потому что этих волков надо кормить, а то они друг дружке глотки перегрызут. Поэтому, как полагает власть, их надо подкармливать подобными проектами, ведь они привыкли хорошо питаться. У них кризиса нет. Война войной, а делёжка — по расписанию.

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА

ПОРЧА

Христиане и римско-католическая церковь должны попросить прощения у гомосексуалистов за прошлое отношение к секс-меньшинствам. Об этом, как передает Рейтер, 27 июня заявил папа римский Франциск после визита в Армению.

Когда в 2008 году была принята декларация Генассамблеи ООН о правах человека, сексуальной ориентации и гендерной идентичности, то Ватикан ответил на это своей резолю-

---

цией, которой практически поддержал данную резолюцию. Затем Ватикан начал лукаво обсуждать проблему содомских браков. Католические иерархи вслед за понтификом стали повторять, что есть разные формы брачного союза. А дальше появилась знаменитая формулировка Франциска — кто я такой, чтобы осуждать гея, если он верующий. Фактически он открыто содомский грех не признал грехом.

Иезуиты работают маленькими шагами. Они специалисты по тому методу-способу, который у нас известен как Окно Овертона. О нём у нас только теперь заговорили, а иезуиты так с XVI века работают. Все серьёзные трансформации внутри католической церкви — фактически их рук дело. Переворот, который произошёл ещё на Втором Ватиканском соборе — тоже дело рук иезуитов. Самое главное то, что они тогда уже изменили учение о церкви и полностью изменили фразеологию. Они заявили, что иудеи остаются избранным народом, т.е. произошёл отказ от христианского учения о церкви. И в дальнейшем эти изменения только накапливались.

Уже абсолютно ясно, что католическая церковь отошла от христианства. Но оставалась последняя сфера, где христианская догматика в папском католичестве еще сохранялась — этика. Но когда Франциск пришел к власти, пошла атака против последней системы ценностей — против нравственности.

У Святых Отцов всё сказано. Мы созданы по образу и подобию Господа. И есть грехи против естества — противоестественные грехи. Это бунт против человека, каким он был создан. Нет мужчины и женщины — утверждают содомиты. То есть они создают новое существо. Поэтому многие Святые Отцы считали содомию самым страшным грехом. Причём некоторые из них считали, что этот грех не прощается, даже если человек кается. Потому что остаётся духовная порча, потому что закрывается путь общения с Богом.

И всё, что заявляет сегодня папа римский, — это не лукавство, это позиция, и даже более глубоко — духовный строй этого человека. Иезуиты, как писал Юрий Самарин, соединили зло и добро, они уничтожили грань между добром и злом. Такое иезуитское «богословие» приспосабливается к любой меняющейся реальности, иезуитская мораль может оправдать абсолютно любой грех.

Иезуиты — специалисты по ассимиляции, по мимикрии, поэтому они могут установить контроль над сознанием любого сообщества, куда они внедряются. Именно потому, что они приспосабливаются к его требованиям, опускаются до его уровня. Если православие сохраняет истину в меняющемся мире, то задача иезуитов — изменить истину, приспособ-

---

бить к меняющейся реальности. Они не христиане. Они уничтожают христианское богословие и христианскую мораль.

В наше время иезуит пришёл к власти в Ватикане, и происходит переход к завершающей стадии разрушительного процесса, потому что всё теперь делается уже авторитетом папы римского. А Франциск — не христианин по своему мировоззрению, он гностик, оккультист. Открыто он об этом говорить пока не может, хотя, судя по всему, скоро уже и это будет заявлено. Нынешние шаги — это подготовка общественного мнения. С тех пор, как встал вопрос о создании Организации объединённых религий, во главе которой должен встать Франциск, он и реализует эту миссию. Сейчас папа выходит на позицию духовного лидера человечества. Задача его — создание единой мировой религии. Он размыкает христианскую этику, для того чтобы на ее осколках создать глобальную этику. Это этика терпимости ко всему и вся, которая действительно может объединить людей разных этических взглядов. И вопрос о содомитах — не вопрос медицинский, антропологический, но вопрос политический. Поскольку для сильных мира сего, входящих в различного рода оккультные общества, которые сегодня управляют миром, грех — это форма посвящения. Если мы возьмём католическую верхушку — для них это тоже норма. И о педофилии громко говорят именно для того, чтобы скрыть факт педерастии, которая там наличествует довольно широко.

Сейчас сильные мира сего создают единую содомскую антицерковь. Чем страшен содомский грех. Он настолько извращает людскую природу, что человек духовно умирает. И после этого он открыт любому греху. Если этот грех совершается — всё, человек фактически полностью теряет нравственную ориентацию. Во многих масонских структурах, в оккультных ложах педерастия является формой посвящения, потому что после этого человек духовно перестраивается. Сейчас у них задача полностью перестроить человеческое сообщество, потому что после этого им совершенно спокойно можно управлять, ибо разрушается человеческая природа, изначально созданная Творцом. Поэтому для них это не некий символ, а некий ритуал, с помощью которого ломают человека, человеческое сообщество и полностью подчиняют себе. То есть происходит полный мировоззренческий хаос, в котором человек уже не может сориентироваться.

Уже сегодня, если кто-то на Западе настаивает на традиционной системе ценностей, то на него смотрят как на белую ворону. И вот уже собираются ввести уголовную ответственность за т.н. «гомофобию». Действительно, создаётся глобальный электронный содомский концлагерь.

НАСЛЕДСТВО ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Июль 1945 года. Потсдамская конференция. Большая часть Европы освобождена Красной армией, можно диктовать практически любые условия — и их примут. И мы их, конечно, ставим, однако не так много, как можно было бы ожидать. Себе не берём ничего, оставляем только земли Российской империи, возвращённые в 1939—1940 годах. А также часть Восточной Пруссии вместе с Кёнигсбергом — давней прусской столицей. Зачем?

Прежде чем стать столицей Пруссии, Кёнигсберг был одним из опорных городов Тевтонского ордена. В том числе отсюда направлялась экспансия на земли Польши и Литвы (в ходе которой прекратили своё существование собственно пруссы, родные братья литовцев и двоюродные славян). В XV веке их совместными усилиями наступление ордена было остановлено, а сам орден во второй половине столетия после длительной войны даже стал вассалом Польши почти на 200 лет. К тому времени Тевтонский орден успел стать объединённым Бранденбургско-Прусским государством, а затем и просто Пруссией (1701 г.).

Смена характера власти (модная для орденов, подвергшихся реформации, — с теократии на светскую монархию) не сделала Пруссию более миролюбивым образованием. Так, прусский король Фридрих II превратил совершенно рядовую войну Франции с Англией во всеевропейскую бойню «Все против Пруссии» (Семилетняя война 1756—1763 годов). Кстати, именно тогда Кёнигсберг впервые ненадолго стал российским (1758—1762) вместе с остальной Восточной Пруссией. Пока Пётр III не отдал всё обратно.

В XIX веке Пруссия — государство с давней военной и экспансионистской традицией — стало точкой сборки Германской империи. Не сказать, чтобы это стало причиной обеих мировых войн. Но точно определило их характер.

По итогам Первой мировой Восточная Пруссия стала полувэкславом: часть Померании вплоть до побережья Бал-

---

тийского моря, так называемый Польский коридор, была передана возрождённой Польше. С остальной Германией Восточная Пруссия оставалась связанной либо через него, либо морем. Ликвидация этого коридора и воссоединение сухопутного сообщения с Восточной Пруссией были одной из формальных причин нападения Германии на Польшу в 1939 году.

Послевоенную судьбу Восточной Пруссии Сталин обсуждал с союзниками уже в 1941 году. Те, кто пишет, что он ещё в начале войны вынашивал планы на эти земли, правы лишь отчасти. Иосиф Виссарионович лишь принял пас Черчилля, который вполне чётко высказался по этому поводу: *«Основная задача состоит в том, чтобы раз и навсегда ликвидировать германскую опасность. Для этого необходимо полное разоружение Германии, по крайней мере на целое поколение, и раздробление Германии на части, прежде всего отделение Пруссии от остальных частей Германии»*.

В целом высказанная тогда формула (разделить Восточную Пруссию между СССР и Польшей) мало изменилась, подтверждаясь на встречах союзников в 1943—1944 годах. Министр иностранных дел Британии Антони Иден, 1943 год: *«Мы хотели бы разделения Германии на отдельные государства, в частности, мы хотели бы отделения Пруссии от остальной части Германии»*. Председатель Совнаркома СССР Сталин, 1944 год: *«Мы претендуем на то, чтобы северо-восточная часть Восточной Пруссии, включая Кёнигсберг как незамерзающий порт, отошла к Советскому Союзу. Это единственный кусочек германской территории, на который мы претендуем»*.

Окончательно это решение как общая и заранее согласованная позиция союзников было зафиксировано на конференции в Потсдаме (17 июля — 2 августа 1945 года). Примерно треть Восточной Пруссии отошла СССР, остальное (включая вольный город Данциг/Гданьск) получила Польша. В октябре 1945 года Кёнигсберг и Кёнигсбергская область были включены в состав СССР. А в июле 1946 года после смерти в июне «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина эти названия сменили на Калининград и Калининградскую область соответственно. Ещё через год всё было урегулировано формально. Союзный контрольный совет (оккупационная администрация союзников) в Германии принял закон «О ликвидации прусского государства».

Но вернемся к вопросу «Зачем?». Союзники единогласно кивали на угрозу прусского милитаризма, иначе Черчилль и Рузвельт ни за что не одобрили бы территориальные приобретения СССР сверх того, что он уже получил перед войной. Однако это лишь формулировка.

Если выразить суть опасений более доступно, то опасения связывались с очередным восстановлением польской государственности. Возврат к довоенным границам мог означать восстановление Польского коридора и соответствующие попытки его ликвидации с воссоединением Восточной Пруссии с остальной Германией. А значит, угрозу новой войны, как минимум всевропейской.

Известно также, что история ещё не знала такой всевропейской войны, которая обошлась бы без участия России. То есть наш интерес не столько в землях, сколько в предупреждении конфликтов. Через 700 лет после Ледового побоища опорная база Тевтонского ордена стала нашей.

Но всего через пару лет после войны многие представления об архитектуре безопасности Европы поменялись кардинально. План Маршалла и создание НАТО — обе эти части единого плана сдерживания СССР девальвировали прежнее отношение к прусскому милитаризму. Если бы эти планы были сформулированы несколько ранее, то скорее всего наши союзники по антигитлеровской коалиции не поделили бы так охотно Восточную Пруссию между СССР и Польшей.

И дело даже не столько в том, что Калининградская область стала нашим вторым непотопляемым авианосцем (после Крыма), а в том, что через десять лет после раздела Восточной Пруссии появились МБР — новый вид стратегических вооружений. Первой западной базой их дислокации стала Восточная Германия, однако к началу 1960-х ракеты переместили в Калининградскую область. Сегодня обсуждается возможность возврата в Калининградскую область «Искандеров», а также размещения ракет «Калибр» подводного базирования.

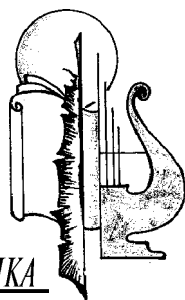
С тех пор прошло немало времени. Прусский милитаризм окончательно потерял актуальность, сменившись милитаризмом американским. Выход США из договора о ПРО (2003 г.), заключённого в период разрядки, и планы размещения в Польше одного из элементов глобальной системы противоракетной обороны расширили военное значение Калининградской области. Кроме МБР теперь здесь находится дивизион С-400, а также РЛС дальнего обнаружения «Воронеж».

Таким образом, даже сотни лет истории и технический прогресс в военном деле не в силах поменять значения этого региона. Он одинаково удобен для провоцирования войны и для её упреждения — всё зависит от того, в чьих руках он находится.

ВПЕРЕД К ПУШКИНУ!

(Перед кем предстоит писатель?)

Оглядываясь на прошедший век, оценивая масштабные произведения советской литературы, признавая преемственность ее с произведениями русских классиков от Пушкина до Чехова, зададимся, однако, вопросом: почему даже в лучших своих проявлениях она всё же не смогла встать с ними в один ряд? Пожалуй, единственным исключением является эпопея «Тихий Дон». То, что именно великий шолоховский роман достоин быть в этом ряду — тема отдельная, и ниже мы ее коснёмся, но исключение, как водится, подтверждает правило и, если угодно, заостряет постановку вопроса. Ведь по мастерству, владению словом проза, скажем, Виктора Астафьева не уступает прозе Сергея Аксакова, а напряженный драматизм повестей Валентина Распутина, их великолепный язык не проиграет в сравнении с повестями Тургенева. Ответ, думается, заключается в том, что русские писатели XIX столетия ставили своего героя перед Богом. В жизненных испытаниях, в критические минуты, в моменты высшего напряжения душевных сил они выносили судьбоносные для него решения, соотносясь с Еванге-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

лием, с заповедями Нагорной проповеди, с нравственными максимами христианской веры. Соотнесенность эта могла быть полемичной или — как у Льва Толстого — даже конфликтной, но она не просто присутствовала, она заключала в себе главный нерв их творчества.

«Солнечный центр нашей истории»

Стояние перед Богом героя отечественной классической литературы было, конечно, наследием многовековой православной традиции, восходящей к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона, но путь к этому наследству был непростым. Он лежал через преодоление практики Петра Первого и его наследников, направленной на слом генетического кода православной русской культуры и замены его протестантским; требовал нейтрализации влияний — эпохи Просвещения, масонской идеологии, европейского позитивизма. Возьмем две великие пьесы, созданные до пушкинского «Бориса Годунова»: «Недоросль» и «Горе от ума».

Над тем, что связано с православной церковью, Фонвизин посмеивается. Дьячок Кутейкин, недоучившийся семинарист, «убоявшийся бездны премудрости» и жадноватый, противопоставлен трудолюбивому, щепетильно честному отставному сержанту Цифиркину, отказывающемуся от платы за уроки Митрофанушке, ничему не научившемуся. Положительные герои Фонвизина индифферентны к вере, тем более Скотинин и Простакова. Но если Стародум, принадлежащий поколению, читавшему книгу «Юности честное зеркало», воспитательный пафос которого не противоречит христианским заповедям, а с ним Правдин и Милон твердо придерживаются этических норм, то о героях комедии «Горе от ума» этого уже сказать нельзя. Общество всё дальше уходило от Христа. Вспомним, какое раздражение в Чацком вызывает исповедь подвыпившего Репетилова: «Все отвергал: законы, совесть, веру»: «Послушай, ври, да знай же меру: есть от чего в отчаянье прийти!» Вслушаемся в монологи и реплики Александра Андреевича: любовь бессмысленна, семья — обуза, вера не нужна. Противостоящие Чацкому консерваторы фамусовского общества в вопросах отношения к Христовым заповедям с ним отнюдь не спорят: «Будешь горе горевать, за святыми зевать», — грозит Фамусов Софье. «Грех не беда, — говорит своей молодой госпоже служанка Лиза, — молва нехороша». Ловкая и умная субретка поняла, что религиозное ханжество стало общественной нормой.

Связать обрубленные Петром концы, восстановить традиционный ход русской жизни, вернуть его к православному миропониманию было предназначено великому Пушкину, «солнечному центру нашей истории», по определению Ивана Ильина. Другой замечательный русский философ — Александр Панарин — в статье «Пушкинская парадигма как кредо философии», писал: «Пушкин, без преувеличения, может быть назван основателем новой российской нации петербургского («постмосковского») типа. Вся новая империя, созданная Петром Первым, поначалу была, по большому культурному счету, ходульной военно-бюрократической конструкцией, созданной по «немецким» чертежам. Доказательством этому служат последовавшие за смертью основателя дворцовые перевороты, бироновщина, полный отрыв правящей камарильи от собственного народа. Только Пушкин вдохнул жизнь в эту умозрительную конструкцию, натурализовал ее на национальной почве, дал ей язык, разделяемый всей нацией».

Как случилось, что поэт, воспитанный на европейской культуре, в юные годы благоговевший перед Вольтером, незадолго до написания «Бориса Годунова» получивший «уроки чистого афеизма», преодолел западное влияние и открыл свой гений для органичного, национального восприятия отечественной действительности — есть творческая тайна автора бессмертной трагедии. Но факт остается фактом: драма, в основу которой был положен взгляд Карамзина на события, позволившие Лжедмитрию занять московский престол, знаменовала собой крутой разворот русской литературы от Запада на Восток, к себе, поворот, смысл которого выразил сам Пушкин: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков».

В пьесе два главных героя: царь-преступник и народ, попустивший избрание Бориса на царство. Но сопротивление царя Высшей правде, старания заглушить в себе Ее голос попытки оттянуть неизбежное предстояние перед Богом, ведут лишь к победам Самозванца. Валентин Непомнящий в посвященной Пушкину работе «Удерживающий теперь», пишет: «Во всех шести сценах, где появляется Борис, его главное действие — замкнуть слух от голоса совести (раздается ли он в собственных мрачных предчувствиях, или в известии о появлении Самозванца, принесенном Шуйским, или в монологе Патриарха и т.д.), — и каждый раз после (в результате?) этого Самозванец делает очередной шаг к успеху, а все действие — к краху Годунова и к безмолвию, в котором заго-

---

ворит совесть народа». Трагедию завершает потрясающая немая сцена: «Народ безмолвствует»...

От «Ревизора» к «Мертвым душам»

«Немой сценой» завершается и великая комедия «Ревизор», сюжет которой, как известно, подсказал Гоголю Пушкин. В этой пьесе есть и свой Лжедмитрий — Александр Иванович Хлестаков — сначала самозванец невольный, но быстро входящий в эту роль. И Городничий, и весь чиновный народ губернского города NN (да и народ, заполнивший зрительный зал, к которому обращается Антон Антонович: «Чему смеетесь? над собою смеетесь!..») — тоже хотят уйти от встречи с Высшей правдой: «Грешен, во многом грешен, — вздыхает Городничий. — Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску». Но Неподкупный «есть грозный судия: он ждет», напоминал современникам Лермонтов, «самый верующий русский поэт», по мнению Валентина Непомнящего. И «грозный судия», в конце концов, приходит в губернский город в лице подлинного ревизора...

В нынешнем году исполнилось 180 лет со дня первой постановки бессмертной комедии. 1 мая 1836 года она с триумфом прошла в Александрийском театре. На премьере присутствовал сам Николай I, во время представления император хохотал от всей души, часто аплодировал и покинул ложу со словами: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне — больше всех!» И только один Гоголь считал, что «Ревизор» провалился.

Дело в том, что пьеса была сыграна как веселый фарс. Актеры стремились рассмешить публику. Им это удалось, но, как отмечает исследователь гоголевского творчества Владимир Воропаев, *«при карикатурной манере игры сидящие в зале воспринимали происходящее на сцене без применения к себе, так как персонажи были утрированно смешны. Между тем замысел Гоголя был рассчитан как раз на противоположное восприятие: вовлечь зрителя в спектакль, дать почувствовать, что город, обозначенный в комедии, существует не где-то, но в той или иной мере в любом месте России, а страсти и пороки чиновников есть в душе каждого из нас. Гоголь обращается ко всем и каждому».*

Особенно недоволен был драматург тем, как сыгран Хлестаков. В «Отрывке из письма одному литератору» он пишет: «Главная роль пропала. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков. Хлестаков сделался чем-то вроде... целой шерен-

---

ги водевильных шалунов». Николай Дюр выступал в водевилях, где исполнил 250 ролей. Актер, заточенный на фарсовые жанры, конечно же, не мог понять, какой смысл Гоголь вкладывал в образ «мелкого чиновника из Петербурга». А смысл-то совсем не комичный. Снова предоставим слово Владимиру Воропаеву: *«Хлестаков не просто фантазер. Он сам не знает, что говорит и что скажет в следующий миг. Словно за него говорит некто, сидящий в нем, искушающий через него всех героев пьесы. Не есть ли это сам отец лжи, то есть дьявол?.. Герои пьесы в ответ на эти искушения, сами того не замечая, раскрываются во всей своей греховности. Искушаемый лукавым Хлестаков сам как бы приобретал черты беса»*.

Можно только предполагать, что бы произошло, сыграй актеры пьесу так, как хотел Гоголь, как бы это изменило судьбу великого писателя и даже судьбу самой России, ибо театр был тогда самым мощным средством воздействия на общество. Но ни при жизни Николая Васильевича, ни после его смерти вплоть до сего дня «Ревизор» не сыгран надлежащим образом — по-гоголевски. Видимо, дело не в том, что драматург поставил перед актерами невыполнимую задачу. Дело в нас, зрителях, 180 лет смеющихся над Городничим и его окружением и не желающих понять, что в комедии речь идет и о нас, даже в первую очередь о нас, не желающих, как и чиновники уездного города NN, встречи с «грозным судией» — подлинным ревизором.

Общество в своем большинстве хотело видеть в Гоголе пасечника Рудого Панька, рассказчика веселой «Сорочинской ярмарки», или создателя легенд, полных мистических страхов, на которые так щедра земля Малороссии, или обличителя существующих порядков — а в России они почти всегда были плохи, — но только не писателя, ставящего проблему совести, решающего нравственные вопросы, поднимающего тему предстояния перед Высшей Правдой. Инертное, косное по отношению к Православию, оно не хотело искать в себе причину бесчисленных зол, а выносило ее вовне — в социальную сферу. Оттого не поняло оно «Ревизора», не приняло «Выбранные места из переписки с друзьями» и в массе своей было полностью солидарно с «Письмом к Гоголю» Виссариона Белинского. К сожалению, и наша церковь даже в лице ее лучших представителей не смогла тогда в должной мере оценить значение «Выбранных мест», не заметила совершаемого писателем подвига, цель которого состояла в том, чтобы повернуть русское общество ко Христу. Этой цели писатель оставался верным, создавая поэму «Мертвые души».

Существует устойчивое заблуждение, что при написании второго тома Гоголя постигла неудача, что сама идея привести Чичикова от зла к добру была обречена. Но о втором томе мы судим по черновикам — объектам дальнейшей работы писателя. Друзья же Гоголя — А.О. Смирнова-Россет, М.А. Максимович, С.П. Шевырев, Л.И. Арнольди, которым он читал поэму в законченном виде, единодушны в ее высокой оценке. Смирнова, собеседница Пушкина, Жуковского, Лермонтова, говорила о том, что первый том совершенно побледнел в ее воображении перед вторым. «Здесь юмор был возведен в высшую степень художественности и соединялся с пафосом, от которого захватывало дух» («Н.В. Гоголь и Православие» Москва, «Отчий дом», 2004, с. 142). Оценка Арнольди: «Удивительно, бесподобно... Тут везде слышится жизнь, как она есть... Гораздо ближе к действительности, чем в первом томе» (там же). Свидетельство С.Т. Аксакова: «Теперь я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу, о которой так самонадеянно и дерзко, по-видимому, говорит в первом томе... Да, много должно сгореть жизни в горниле, из которого истекает чистое золото» (там же).

Мало знают и о том, что автор «Мертвых душ» не думал сжигать готовую рукопись второго тома. «Вообразите, как силен злой дух! — жаловался он А.Н. Толстому. — Я хотел сжечь бумаги, давно уже на то определенные, а сжег главы «Мертвых душ», которые хотел оставить друзьям на память после своей смерти» (стр. 148). Об этом признании писателя вспоминал и лечивший его доктор Тарасенков.

Почему не принимаются во внимание свидетельства в пользу второго тома и слезные сожаления Гоголя по поводу сожженной рукописи, почему муссируется тема болезни писателя и его якобы творческого бессилия в конце жизни? Заявленная Белинским в упомянутом письме тема возможной душевной болезни Гоголя («*mania religiosa*») была активно поддержана атеистической критикой советского периода, стремившейся доказать, что путь христианского подвига, который проходил автор «Мертвых душ», оказался для него бесплодным и в конце концов губительным.

Эта критика вкупе с нынешним либеральным литературоведением не замечает и православный фундаментализм автора «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Капитанской дочки», «Странника»... Она игнорирует тот факт, что Гоголь — вместе с Пушкиным и вслед за ним — возвращал Россию на предначертанный Богом путь.

Для автора «Ревизора», «Выбранных мест», «Мертвых душ» смысл и цель литературы заключается в том, чтобы вести

людей к Спасителю. Этот смысл воспринял Достоевский. Великий наследник Гоголя, продолжатель его дела, он всей мощью своего гениального дарования звал Россию ко Христу. Исследуя добро и зло в человеке, показывая человеческое сердце как поле битвы Бога с дьяволом, Достоевский сделал русскую литературу явлением всемирного масштаба. Велик талант Льва Толстого, и тоже признан всеми, но всё же о России, о русском человеке мир судит, в первую очередь, по произведениям автора «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых»..

С вершины в пропасть

Русская литература XIX века закончилась Чеховым. Споры о религиозности писателя, его отношении к Богу идут не одно десятилетие, но несомненно то, что автор повести «Дуэль», рассказов «Архиерей» (по некоторым сведениям, любимого чтения Святейшего Патриарха Алексия II), «Студент» (любимого рассказа самого Чехова), «Святая ночь» не свидетельствовал прямо о Христе, не знал миссионерского энтузиазма Гоголя и Достоевского. Его герои не чужды духовного поиска, но «настоящей правды», по мнению писателя, не знает никто.

Со смертью Толстого и Чехова угас «золотой век» русской литературы — на смену пришел «серебряный». Ему стало тесно в стенах отечественной художественной традиции, опиравшейся на христианский фундамент, он захотел автономии. Истина в глазах авторов начала двадцатого столетия стала, по меньшей мере, двоиться. Зло получило в лучшем случае те же права, что и добро: «Мне с Морозовою класть поклоны/С падчерицей Ирода плясать» (Ахматова). Манихейское равновесие добра и зла — «Концы соприкоснутся / Проснутся «да» и «нет» / И «да» и «нет» сольются/ И смерть их будет свет» (Гиппиус) — не могло продержаться долго. «Нежной рукой отведу нецелованный крест, /В щедрое небо рванушь за последним приветом» (Цветаева). За приветом к кому? Известно, что сторожат душу на воздушных путях бесы. Уже не перед лицом Бога ставил литературного героя автор, а перед дьяволом. Поэтому практика творцов серебряного века в своем итоге вела многих литераторов в салоны, где служились черные мессы, к откровенному сатанизму. Станислав Куняев справедливо пишет: «Дети Серебряного века очень любили в своих стихах намекать или говорить прямо, что они играют с адскими силами, что они накоротке с «владыкой тьмы», что их притягивают тёмные бездны зла. Такие игры

даром не проходят. Игра в ад закончилась настоящим адом. Ад петлюровских погромов, ад рассказывания, ад Белого и Красного терроров, ад голода, холода и продрозвёрсток, ад эпидемий тифа, ад чекистских застенков и белогвардейских контрразведок... «Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода» («В борьбе неравной двух сердец», «Наш современник», 2012, № 1—4).

Эпоха социалистического реализма заморозила своеволие служителей муз. В стране победившего атеизма оказалось невозможным устраивать дионисийские игрища, вести спиритические сеансы, служить черные мессы на животе блудницы... «Обезбоженные дети Серебряного века не сразу поняли, что новая власть взяла на себя все обязанности высших сил, испепеливших Содом и Гоморру» (там же). Она принудила стать реалистами ведущих мастеров «Серебряного века», таких как Пастернак, Мандельштам, Ахматова. Советская Россия в тот период дает плеяду молодых авторов, сказавших правду о своей эпохе. Среди них поэты Александр Твардовский, Николай Заболоцкий, Ярослав Смеляков, Дмитрий Кедрин... В прозе ведущее место занял Михаил Шолохов. Его «Тихий Дон» стал выдающимся явлением не только советской, но и мировой литературы.

Мелехов тоже ищет «настоящую правду». Но в отличие от чеховских героев, он не праздно рассуждает о ней, для него этот поиск — жизнь, кровь и судьба. Метушийся между белыми и красными в вихре Гражданской войны, он платит за свою жажду справедливости всем, что у него есть. Единственное, что остается, — малолетний сын, но их встреча в финале похожа на последнее свидание: дальнейшая участь Григория ясна, сам Шолохов, по свидетельству супруги писателя Марии Петровны, ее оплакивал:

«Он отвернулся от окна, показал на письменный стол и, сквозь слезы, сказал: «Я закончил». Я подошла к столу и перечитала последнюю страницу:

«Григорий подошел к спуску, задыхаясь, хрипло окликнул сына:

— Мишенька!.. Сынок!..

Это было всё, что осталось у него в жизни. Что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Сияющий холодом мир, **холодное** солнце... Когда Григорий схоронил Аксињу, он увидел над собой черное солнце. Григорий искал Правду, искал с ней встречу, но ее Солнце не от мира сего. Ее образ мы встретим в эпизоде, которым заканчивается вторая книга эпопеи: «Вскоре (после расстрела

белыми красного казака Валета. — В.С.) приехал с ближайшего хутора какой-то старик, выкопал в головах могилы ямку, поставил на свежеструганном дубовом устье часовню. Под треугольным навесом ее в темноте теплился скорбный лик Божьей Матери (прямая связь с «Молитвой» Лермонтова, где Божья Матерь названа «теплой заступницей мира холодного». — В.С.), внизу на карнизе навеса мохнатилась черная вязь славянского письма:

*В годину смуты и разврата
Не осудите братья брата.*

Старик уехал, а в степи осталась часовня горюнить глаза прохожих и проезжих извечно унылым видом, будить в сердцах невнятную тоску.

Но вернемся к развязке романа — сцене смерти Аксины, наверное, самом трагичном эпизоде во всей мировой литературе. «Уже в могиле он крестом сложил на груди ее мертвенно побелевшие смуглые руки, головным платком укрыл лицо, чтобы земля не засыпала ее полуоткрытые, неподвижно устремленные в небо и уже начавшие тускнеть глаза. Он попрощался с нею, твердо веря в то, что расстаются они ненадолго»...

Метания Григория в поисках справедливости, мучительная борьба за то, чтобы «в годину смуты и разврата» сохранить в себе человеческое, отстоять любовь, закончилась предстоянием перед Богом, актом смирения и твердой веры: «...расстаются они ненадолго».

Нельзя не обратить внимания на то, что Шолохов по отношению к своим героям находится в той же позиции, что и авторы «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», «Мертвых душ», «Войны и мира». Он летописец и в своем эпическом повествовании рассказывает о роковых событиях, вооружившись оптикой пушкинского Пимена. Писатель не судит тех, кто оказался между жерновов Гражданской войны. Это не равнодушная отстраненность, это христианское — «не осудите братья брата». Передача сложнейших лирических переживаний героев, точность описаний природы, напрямую включенной в их судьбу, — всем этим Шолохов участвует в эпопее, подобно тому, как неразрывно вплетены в канву своих произведений авторскими отступлениями Пушкин и Гоголь. Создатель «Тихого Дона» показал себя достойным наследником классиков русской литературы XIX века, продолжателем реалистической традиции, начатой Пушкиным.

Что сожжём во имя очередного «нашего завтра»?

Октябрьская революция явилась второй после петровских реформ попыткой переделать Россию. Пришедшие к власти в Октябре 1917 года поманили потребителем раем коммунизма, с тем чтобы перекроить духовный уклад, катком репрессий расплющить культурное многообразие страны. «Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы» — писал первый председатель Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей В. Кириллов. С первых лет существования новой власти возникла прямая угроза существованию Русского народа — его объявили шовинистом и реакционером по определению. Вот образчики репрессирования национального сознания тех лет: «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?/Что же! Вечная память тебе» (В. Александровский, «Правда» 143.8.1925); «Бешено, неумно бешено/колоколом сердце кричит: /Старая Русь повешена, /и мы ее палачи» (В. Александровский); «О, скоро ли рукою жестокой/Рассеюшку с пути столкнут? (А. Безыменский, журнал «30 дней», М. 1925). Луначарский носился с идеей заменить кириллицу латиницей. Деятели Наркомпроса хотели запретить Пушкина, Толстого и Достоевского и всю остальную «непролетарскую культуру» и литературу. «Запрет не состоялся потому, что в партии нашлись люди, понимающие, что если авангард будет разговаривать с народом на сектантском языке научного талмудизма, дело кончится его полной национальной изоляцией. Талмудисты-максималисты были в конце концов изолированы и нейтрализованы, и народу разрешено было приобщиться к сокровищам великой русской литературы. И случилось настоящее чудо: национальный гений Пушкина заново создал нацию из такой неопределенности, как «советский народ» с его «двумя классами и одной прослойкой». Научившаяся читать, ставшая поголовно грамотной нация (первоначальной целью образования было научиться читать классиков марксизма-ленинизма — так буквально говорила Н.К. Крупская) обратилась к своей высокой литературной классике и душой почувствовала — это ее родное, кровное» (Александр Панарин «Православная цивилизация»). С государственным размахом как праздник всего СССР было отмечено столетие со дня смерти Пушкина. Сталин вернул страну к художественно-эстетической максиме, на которую раньше были ориентированы не только русский, но и все народы Российской империи и которую олицетворял собой Пушкин, сделал его вождем советской культуры.

Итак, после революции Александр Сергеевич еще раз пришел нам на помощь. Но сегодня мы стали свидетелями третьей попытки свернуть Россию с ее исторического пути, начатую Горбачевым, продолженную Ельциным и его нынешними наследниками. Строительство «потребительской империи добра» по западным чертежам оказалось губительным как для экономики страны, так и для ее культуры, причем культурный кризис оказался глубже и опаснее экономического: с начала перестройки прошло уже более тридцати лет, но все это время мы можем следить лишь за упадком культуры, которая не дала стране ни нового Шолохова, ни Свиридова, ни Рубцова. «Тоталитарный советский режим» оказался не в пример плодотворнее. Причем, если Сталин и последующие руководители относились к искусству и литературе как важнейшему фактору идеологического воспитания (разумеется, это имело и негативные стороны, но, во всяком случае, «инженеры человеческих душ» никогда не были обделены вниманием со стороны правительства), то государство постсоветской России «отпустило» культуру. Место советского агитпропа тут же заняли западные специалисты по России, они стали определять «кому быть живым и хвалимым, кто должен быть мертв и хулим».

Кстати, о тех, кто должен быть мертв. Теперь, в условиях распада страны, литераторов не обязательно убивать физически. Заинтересованные в гибели русской культуры могут и не продолжать мартиролог русских поэтов, ведущийся от Пушкина. Этот список, наверное, можно закончить именем Бориса Примерова, который вслед за Юлией Друниной («Как летит под откос Россия / Не хочу, не могу смотреть») свел счёты с жизнью («Меня позвала Юлия Владимировна Друнина»). Да, это два самоубийства, но они на совести тех, кто разрушил страну. Как точно сказал поэт Владимир Лисовой в предисловии к книге Анатолия Передреева «Родина внутри нас» (составитель А.И. Баженова — Москва, «Здравие», 2013 г.): «Трудно нынче жить русскому человеку в своем отечестве. И как легко умереть. Находясь, по сути дела, в резервации».

Поэта, а шире — русского писателя теперь убивают нуждой, крошечными тиражами книг или полной невозможностью их издать. Зато тем литераторам, кому чужды традиции русской и советской культуры, Запад обеспечил «раскрутку» и щедрые премии. Прославившаяся русофобией Людмила Улицкая получила премии Медичи (Франция), Джузепе Ачерби (Италия), Симоны де Бовуар (Франция), Гринцаны Кавур (Италия), Премию Пенне (Италия), стала кавалером Ордена Почетного Легиона (Франция). Ольга Седакова,

---

чьи стихи ничего не говорят русскому сердцу и напоминают каких-то диковинных рыб, на которых любопытные смотрят через стекло в океариуме, получила Парижскую премию русскому поэту, Премия Альфреда Тёпфера, Европейскую премию за поэзию... Любопытно, что финансирует переводы современных авторов на иностранные языки, их публикации в иностранных изданиях Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ. Его возглавляет Сергей Филатов, в 1993—1996 годах руководивший администрацией Ельцина. Как сообщил в декабре прошлого года сетевой литературный журнал «Камертон», на слушаниях в Общественной палате РФ «Об итогах Года литературы», глава фонда выпалил: «...мы выбираем не тех писателей, чьи имена вам ласкают слух, а тех, которые требуются за рубежом». А за рубежом понятно, кто требуется...

Процесс раскультиуривания страны привел к тому, что «толстые журналы», со времен пушкинского «Современника» определявшие литературные вкусы читающей публики, практически перестали существовать. Зато открылись шлюзы для всего низкопробного. «Функцию литературы, — пишет известный историк и политолог Андрей Фурсов, — начинает выполнять антилитература (акунины-донцовы), культуры — антикультура (от «Дом-2» до версии «Руслан и Людмила» в «режиссуре» Д. Чернякова)». Затянувшийся третий социальный эксперимент, имеющий целью построить Россию в «цивилизованный мир», грозит потерей культурной идентичности прежде всего русского народа, а затем и других народов, входящих в Федерацию.

Веленья Божие и муза

Как бороться с бедой, как отстаивать отечественную литературу? Поэты и прозаики патриотического лагеря пытаются противостоять губительному напору «мягкой силы», посредством которой Запад с помощью нашей либерально настроенной творческой интеллигенции стремится задушить всё русское. Однако исход нашей борьбы отнюдь не очевиден: слишком раздроблены силы. Не только об организационном, но и о духовном единстве, увы, говорить не приходится. Что же делать? Не призвать ли снова на помощь Пушкина?

Поэт поможет нам и в третий раз, если мы останемся верны его завету: «Веленью Божию, о муза, будь послушна». А вот здесь как раз камень преткновения. Век победившего атеизма миновал, но очень немногие — буквально единицы — ставят своих героев, свое творческое «я» перед Богом. А ведь

именно это значит возвратиться к Пушкину, к великой русской литературе. Первый призыв «вернуться к тому образу мира, который Пушкин унаследовал от духовной культуры Руси, который он сообщил в качестве основы светской культуре России» раздался 20 лет назад в упомянутой ранее статье ведущего нашего пушкиниста Валентина Непомнящего «Удерживающий теперь» («Новый мир», 1996, №5). Через три года в «Российском писателе» (2003, №10) и в журнале «Молодая гвардия» (2003, №11-12) была опубликована статья Валерия Хатюшина «Без божества». Ее главная мысль: «Искусство, если оно искусство, а не баловство, не игра, принципиально должно быть подчинено высшим религиозным задачам... Выше Бога нет ничего, и хотя бы только по этой причине религиозное чувство в человеке и в конечном счете в художнике выше и важнее чувства эстетического».

Но призыв автора к собратьям по перу служить Высшей правде услышан не был. Больше того, статья вызвала резкую отповедь известных критиков Владимира Бондаренко и Олега Дороганя. Поводом для возмущения послужил содержащийся в ней анализ поэм Юрия Кузнецова «Путь Христа» и «Сошествие в ад». Едва ли стоит вникать в детали давнего спора, но нельзя не сказать о его сути. Если В.Хатюшин говорил об ответственности автора, о служении Истине, то его оппоненты заняли противоположную позицию, отстаивая право Кузнецова и, следовательно, любого литератора на неограниченную свободу самовыражения. Талант якобы дает на это право.

Разумеется, индивидуальность, творческий почерк — признак таланта, неотъемлемое его свойство, необходимое условие создания художественного произведения. Но разница между русской классической литературой и неклассической, по-видимому, состоит в том, что для поэта и прозаика XIX века одного авторского видения было недостаточно, чтобы выйти к читателю. Достаточным условием было служение Истине. Поэт золотого века не ставил себя, свое поэтическое «я», свое «я так вижу» выше правды: правды жизни (социальной правды), правды красоты, наконец, Божьей правды. Служба Истине была долгом и призванием поэта. Серебряный век, по существу, отменил творчество как служение. Творческая индивидуальность стала не только необходимым, но и достаточным условием литературного процесса. Позднее, в атеистические советские годы, вопрос об ответственности художника перед лицом Высшей правды был попросту снят. Даже земная правда стала для него необязательной, а нередко и опасной, если шла вразрез с директивным пони-

---

манием действительности. Видение, выражение своего «я» становилось главным критерием достоинства произведения. Такой подход создавал питательную среду для развития в литературном обществе тщеславия, самолюбия, гордыни. Но после падения советской власти, которая всё же заставляла автора не выходить за определенные морально-нравственные рамки, отвязанное от ответственности самовыражение пустилось во все тяжкие и стало синонимом постмодернизма. Автор-постмодернист ставит читателя не перед Богом, а перед собой.

Стоит заметить, что свобода самовыражения у автора двух упомянутых поэм достигла своих экстремальных значений: Юрий Кузнецов произвольно интерпретировал евангельские тексты, не страшась их «подправлять» там, где ему это казалось необходимым, использовал апокрифы или другие сомнительные источники в духе *a la Renan*. И это не могло не вести к прямому кощунству. Подобное «вдохновение» довело сочинителя до того, что он уподоблял себя Христу: «Встань и сияй надо мною, звезда Вифлеема!» Публикация поэмы «Путь Христа» в «Нашем современнике» вызвала протест члена редколлегии журнала священника Ярослава Шипова. Он предупредил, что произвольное обращение с текстом Нового Завета грозит оказаться хулой на Святого Духа, которым эта Книга написана, и отказался от лица Церкви благословить публикацию поэмы. Редакция предпочла расстаться с членом редколлегии и прекрасным писателем отцом Ярославом Шиповым, но свою позицию не изменила.

В дальнейшем Ю. Кузнецов дал поистине неограниченный простор фантазии в поэме «Сошествие в ад», пытаясь соперничать с Данте. Но если поэта вводит в ад Вергилий, который, по существу, служит ему гидом, то Юрия Поликарповича — сам Спаситель. Это был опасный приём. Во-первых, он граничит с магией, принцип которой — эксплуатация в своих целях сверхъестественных сил, во-вторых, постмодернистская фантазия искажает евангельскую Истину. Вот один из примеров. Благоразумный разбойник, которому Христос на кресте сказал: «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю» (Лука. 23, 43), в поэме попадает сначала в ад и идет по нему вместе с Христом и автором поэмы. То есть, согласно Кузнецову, если он попадёт в рай, то лишь на третий день, после Воскресения Сына Божия. Читал ли поэт «Часы Святой Пасхи»? — «Во гробе плотски, во аде же с душею, яко Бог, в раи же с рабойником, и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй...» Непостижимая и прекрасная диалектика Пресвятой Троицы авторским произволом

попросту отброшена... Данте, с которым соперничает Кузнецов, хорошо знал богословие и на подобные вольности не решился.

Продолжая соревнование с великим флорентийцем, автор «Сошествия в ад» живописал мучения попавших в преисподнюю. Во-первых, надо сказать, что православие издавна находилось под влиянием христианских апологетов первых веков (св. Иустина Философа, св. Игнатия Богоносца, Феофила Антиохийского и др.), учивших об апокатастасисе — всеобщем спасении — и не дерзало предавать на вечные муки кого-либо, во всяком случае, поименно. Суд — исключительная прерогатива человеколюбивого Бога. Св. Иосиф Волоцкий писал в Волоколамском патерике: «Преблагой человеколюбец Бог хочет, чтобы все спаслись, и никто не грешил. Как радуется и веселится Преблагой Господь о том, что никто не погибнет» (цитирую по работе историка И. Дронова «Утопия и Устав»; «Наш современник, 2012, №3»). Во-вторых, великий флорентиец среди грешников в аду увидел всего десять известных ему фигур, к которым отнюдь не чужд сострадания. Вот он видит мучения Франчески да Римини и Паоло Малатеста:

*Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрывла смертным потом;
И я упал, как падает мертвец.*

Кузнецов же безо всякой жалости отправил на вечные муки многих. Мучаются в пекле политики и военачальники: Ленин, Сталин, Корнилов, Махно, Деникин, Тухачевский. Поэт обрек адскому пламени мыслителей и ученых — Кампанеллу, Декарта, Гегеля; великих деятелей мировой культуры: Данте и Шекспира; не пожалел Гёте и Белинского. Не пощадил и ребенка — Павлика Морозова. Поместил в огненную преисподнюю сожжённую на этом свете англичанами католическую святую, мученицу Жанну д'Арк. Расправился с русскими классиками. В вечном огне горят Герцен, Тютчев (вместе с Денисьевой). Гоголь летает в пылающем гробу! Пушкина, правда, Юрий Поликарпович не решился казнить вечной мукой, но он расправился с ним раньше: «Пень иль волк, или Пушкин мелькнул?» («Выходя на дорогу, душа оглянулась»). Этот вызов литературе XIX в. литераторы предпочли не заметить — не захотели плыть против мейнстрима, поскольку люди весьма авторитетные называли и продолжают называть Ю. Кузнецова ведущим русским поэтом.

Кстати, Хатюшин и не думал отрицать его как художника: «Восьмидесятые годы — это несомненно поэтическое время Кузнецова». В статье «Во имя истины» («Российский писатель», 2003, №18) он объяснял, что не ставил целью развенчать автора двух поэм. Его задачей было показать, что «Путь Христа» и «Сошествие в ад» служат «красноречивой иллюстрацией *отрицательной* творческой энергии, в угоду нашему беспринципному времени активно реализуемой современной русской литературой под маской религиозности».

Осторожно — религия!

Сегодня представители нашей творческой интеллигенции, как правило, не чураются Церкви, многие называют себя верующими, во всяком случае — не атеистами. Разумеется, это не может не внушать определенную надежду на то, что и само их творчество озарится чистым пламенем веры, станет служить Высшей Истине. Но для этого надо ограничить авторское своеволие, отказаться от сознания исключительности искусства, понять, что художественное видение не имеет самодовлеющего значения и что эстетические ценности не доминируют над духовными.

К сожалению, такое понимание встречается далеко не всегда. Показательна в этой связи реакция литераторов на создание возглавляемого Святейшим Патриархом Кириллом Общества русской словесности. Светские СМИ в своем большинстве достаточно осторожно отнеслись к новой общественной структуре, но удивительно, что явные претензии к ней раздались из стана, казалось бы, патриотов — от главного редактора газеты «Завтра» А.Проханова и главного редактора газеты «День» В.Бондаренко.

Можно по-разному относиться к некоторым лицам, вошедшим в это общество. Непонятно, например, почему проблемами русской словесности озаботились кинематографисты Станислав Говорухин и Никита Михалков, причем последний, как известно, призвал изменить Закон о государственном языке, запрещающий использование матерных выражений на экране и сцене. Но Александр Андреевич по этому поводу не высказывается. Его интересует, *«как общество будет воспринимать грандиозную культуру Серебряного века, в которой для церкви хватает богопротивного. Культура Серебряного века — это драгоценная, уникальная «Инония» Есенина, творения символистов, которые во многом могут истолковываться как куртуазные, эротические, что проти-*

воречит представлениям церкви». Он опасается, как бы «церковная опека не вылилась в жесткую цензуру» («Завтра», 2016, №11).

Во-первых, такое опасение, мягко говоря, наивно. Не успела Церковь сделать первую робкую попытку защитить нашу родную речь от царящего в стране культурного беспредела, как в общество посылается сигнал: «Внимание, нам снова грозит цензура!» Во-вторых, что же, по мнению уважаемого писателя, Церковь должна благословить духовные безумства авторов «Серебряного века», практиковавших садомазохизм, суицид и сатанизм? Проявить благосклонное отношение к «Инонии»? Но ведь большего кошунства над верой во Христа наша литература просто не знает. Чем же она «драгоценна» — богоборчеством?

«Почему во главе Общества русской словесности встал наш уважаемый Патриарх? — возмущается Владимир Бондаренко. — Я сам с детства православный человек, хожу регулярно в храм, но при этом Божий Храм с писательской вольницей не путаю. Знаю, что среди самых уважаемых русских писателей немало и убеждённых атеистов, и еретиков того или иного рода, и мусульман, иудеев, католиков. Куда им деваться? Значит, изгоним из русской словесности и моего покойного друга Равиля Бухараева, и Чингиза Айтматова, вычеркнем католиков Петра Чаадаева и Бориса Ширяева, не допустим знаменитых иудеев... Куда тогда деть и еретический роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова... Да и вообще в русской литературе изначально присутствуют некая фронда и вольнодумие, мистика и язычество, недопустимые для Патриарха» («День литературы». 24.03.2016).

Непонятно, чему возмущается Владимир Григорьевич. Разве Церковь не имеет права высказывать свою точку зрения на состояние русской словесности и доносить ее обществу? Или институт Церкви, по мнению критика, не совместим с демократией? Мы, кстати, это уже проходили, когда Хрущев запретил священству любую деятельность за оградой храма. А насчет того, что в русской литературе **изначально** присутствует вольнодумие, мистика и язычество, позвольте не согласиться. Едва ли корректно экстраполировать практику «Серебряного века» на древнерусскую литературу, на литературу XIX столетия, да и на советскую литературу. Разумеется, всегда были исключения, объясняемые творческим поиском авторов, их становлением, воспитанием, мировоззрением и т.п., но «по плодам узнаете их»: говорить об изначальном мистицизме русской литературы не приходится.

И отчего это критик решил, что Общество русской словесности, не имеющее никаких директивных функций, будучи «изгоняем» тех или иных писателей? Для чего нагнетать в обществе неприязнь к Церкви? И, наконец, задам такой вопрос. Что важнее для критика, называющего себя православным: писательская волница или Высшая правда? Верность этой правде позволила русским писателям создать творения, в сравнении с которыми тот же роман «Мастер и Маргарита» не столь уж и велик. Разве не цель русского критика способствовать возрождению нашей литературы во всем ее былом величии? Или ересь и язычество дороже веры во Христа?

«Я не отрицаю божественной связи духа и плоти, таинственного сопряжения родственных чувств с матерью-землею, тоски и мук, не исчезающих и после смерти. И поэтому покойники постоянно приходят к живым, напоминая о нерасторжимости двух миров... Тут ни знания не помогут, ни церковь. Ведь никто не видел Бога, но и никто не может сказать, что Его нет». Трудно поверить, что эти слова одного из ведущих писателей патриотического лагеря Владимира Личутина («Завтра», 2016, №18) принадлежат христианину. Неужели он не знает, что Господа во время Его земной жизни видели тысячи и тысячи людей. Что по Своем Воскресении Он являлся апостолам. Что после Вознесения видеть Его удостоивались великие святые. А вот мертвых к живым Господь не отпускает, о чем свидетельствует притча о богаче и Лазаре (Лк. 16.19-31). Покойники приходят на землю в соответствии с языческими верованиями.

Увы, смешение язычества с христианством в нашей патриотической периодике — явление нередкое. Часто это происходит не по умыслу, а просто по религиозной безграмотности. В очерке Ивана Вишневского «Его негасимая Русь», написанном к столетию Георгия Свиридова («Завтра», 2015, №50), читаем: «Вообще сатанизм — это то, с чем Свиридов реально боролся во всех своих ипостасях — и как язычника, и как коммуниста, и как православного». Здесь нельзя не возразить: во-первых, Свиридов не исповедовал язычество; во-вторых, как может язычник бороться с сатаной, если языческие «божества» и есть бесы. Автор, видимо, не знает из «Повести временных лет», что когда князь Владимир крестил народ в Днепре и в Киеве были свергнуты языческие идола, «дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогнан я отсюда!.. И поставил Владимир церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна».

В том же очерке содержится такой пассаж: «Я видел правку Свиридовым текста знаменитого 103-го псалма, с которо-

---

го начинается одно из главнейших священных действий нашей церкви. Там выкинуто, вырезано, уничтожено всё, что касается известного государства на Ближнем Востоке. Вот так. С точки зрения канонического православия — это просто грех, но Свиридов иначе не мог». Читая эти строки, приходишь к выводу: сотрудники уважаемой газеты, пропустившие их в печать, в церковь действительно не ходят. Каждое вечернее богослужение начинается с чтения 103 псалма (он потому и называется предначинательным), но в этом гимне мирозданию ни о каком государстве речи нет и быть не может: псалом посвящен красоте мира, сотворенного Богом.

Незнание азбучных истин в вопросах веры тем более небезобидно, когда оно тиражируется массовыми тиражами: доверчивые читатели примут ошибки или авторские фантазии за чистую монету; например, поверят Владимиру Бондаренко, что поэзия Лермонтова «была наднебесной», потому что вся она пронизана «мистическим космизмом» (следовательно, «наднебесный» космос выше Горнего Иерусалима) и якобы глубинно связана с Ницше, потому что оба родились под знаком Весов. Удивляешься широте взглядов «с детства православного человека»: в одном абзаце и эзотерика, и астрология, и ницшеанство...

Православная Церковь учит: без благоговения нет общения с Богом. Ну, здесь не о благоговении речь, а о том, чтобы хотя бы не было кощунства и неправды. Лермонтов сказал о себе: «И в небесах я вижу Бога». Встать перед Богом — вот задача! И если мы ее осознаем, мы сможем выполнить задачу, которую предельно четко сформулировал Валентин Непомнящий: «Заново постигнуть себя, обрести целостное понимание феномена русской культуры как такого явления, которое вне религиозной своей природы и традиции не имеет смысла, а значит, и необходимости существовать».

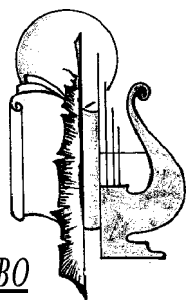
РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЕ
(1831 — 1894)

Николай Николаевич Ге был настолько увлекающимся человеком, что многих приводил в недоумение. Он даже в Академию художеств поступил как-то вдруг: учился в Петербургском университете на математическом факультете, но увидел брюлловскую «Помпею» — и прощай университет! За несколько месяцев из благополучного юноши превратился в художника, имеющего одно пальто на все времена года.

Сын воронежского помещика, всегда при больших деньгах, Ге отдавал их неимущим друзьям, сам питался в грошовой кухмистерской, а одежду довел до такой степени ветхости, что иные знакомые не желали показываться с ним на улице.

Когда в 1857 году Николай Ге окончил учебу, у него был один Бог — Брюллов. Мудрено ли? Все классы, коридоры, лестницы Академии были заполнены Брюлловым: этюдами, суждениями, изречениями Брюллова, рассказами о Брюллове, анекдотами о Брюллове... Один бог восседал на Олимпе — Карл Павлович Брюллов!

ИСКУССТВО

Ему хотелось взлететь подобно своему кумиру. Начал несколько картин, но ничего значительного не вышло. Уехал в Италию. Однако и там ничего не получалось. Тогда решил бросить живопись, вернуться в Россию и заявить, что у него нет таланта, ошибся...

И вот, когда казалось, что впереди беспросветно — ему вдруг *открылось!* Ему читал Евангелие: всем известную и много раз замеченную художниками сцену тайной вечери — последней встречи Иисуса Христа со своими учениками, когда Иисус произнёс роковые слова: «Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст меня».

Предательство Иуды было традиционным академическим сюжетом на евангельскую тему. Один из учеников Христа, Иуда Искариот, за 30 сребреников предал своего учителя его врагам, сообщив, что Христос с остальными учениками должен быть ночью в Гефсиманском саду, и там Его можно задержать. Иуда сам вызвался указать путь страже.

«...Ах, какая то была страшная ночь! До чрезвычайности унылая, длинная ночь! Во время тайной вечери апостол Петр сказал Иисусу:

— С Тобой я готов и в темницу, и на смерть.

А Господь ему на это:

— Говорю тебе, Петр, не пропоет сегодня петух, как ты трижды отречешься от меня.

После вечери Иисус смертельно тосковал в Гефсиманском саду и молился, а бедный Петр истомился душой, ослабел, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал. И в ту же ночь Иуда поцеловал Иисуса, поцелуем указав Его мучителям. Связанного Иисуса вели к первосвященнику и били, а Петр, изнеможенный, замученный тоской и тревогой, не выспавшийся, предчувствуя, что вот-вот на земле произойдет нечто ужасное, шел вслед... Он страстно, без памяти любил Иисуса и теперь видел издали, как его били.

Пришли к первосвященнику. Иисуса стали допрашивать, а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял Петр и тоже грелся. Одна женщина, увидев его, сказала:

— И этот был с Иисусом, — то есть, что и его, мол, нужно вести к допросу.

Все работники, что находились возле огня, подозрительно и сурово поглядели на Петра, он смутился и сказал:

— Я не знаю его.

Немного погодя кто-то снова узнал в Петре одного из учеников Иисуса и сказал:

— И ты из них.

Но он опять отрекся.

И в третий раз кто-то обратился к нему:

— Да не тебя ли я видел сегодня с ним в саду?

Он третий раз отрекся. После этого запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора, и горько-горько заплакал.

И все же апостол Петр, трижды за одну ночь отрекшийся от своего учителя, не свернул с Его пути. Пошел дальше. Позорная кличка предателя навеки осталась за Иудой.

Ее взволновало не предательство, а *разрыв*. Иуда — не мелкий негодяй, который со страху или из корысти предал своего учителя. Такого Иисус не сделал бы своим апостолом — посланником для распространения нового учения. В том-то и трагедия Иисуса, что Иуда был доселе учеником и верным Его спутником, одним из двенадцати избранных, таким же, как Иоанн или Петр. Нужно очень верить, когда идешь по воде. Иуда усомнился — надо ли идти до конца? — и пошел ко дну.

Николай Николаевич в своей картине решил представить момент тайной вечери, когда Христос сказал ученикам:

— Один из вас предаст меня.

Иуда спросил:

— Уж не я ли?

— Что делаешь, делай скорее, — ответил ему Иисус.

Ее вдохновенно взялся за работу. Он, который вчера только отбрасывал кисть и повторял слова Брюллова: «Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего», теперь горел, как в лихорадке. А все потому, что увидел там, где и не искал! Вылепил глиняных персонажей картины, нашел нужный угол обзора, и «Тайная вечеря» была подмалевана за неделю. Ее словно увидел минутой позже тех, кто писал этот эпизод до него. Роковые слова не только произнесены, они уже пройденный шаг. Совершается роковое действие. Близ Иисуса лежит Иоанн: он все понял, но не в состоянии поверить возможности такого разрыва. Вскрикивает Петр, он тоже понял и пришел в негодование — он горячий человек. Остальные апостолы думают, что Учитель просит Иуду сходить и прикупить еще еды. Уход Иуды незаметен.

Художнику некогда было даже остановить мгновение — рассказать о каждом из учеников Христа. Да и нужно ли? Через час, когда придут арестовывать Иисуса, апостолы разбегутся со страху.

Николай Николаевич писал запойно. Приходил в мастерскую, садился напротив картины, крутил папироску, искося

разглядывал холст, дымил... Потом резко вставал; обжигая пальцы, гасил папиросу и, теряя туфли, спешил к холсту.

По ночам ему снилась его картина, он просыпался от страха: *так* ли делает? Бежал в мастерскую, и однажды случайно оставил лампу-лючерню возле глиняной композиции. Когда оглянулся, был поражен неожиданностью освещения! Ничуть не боясь испортить почти готовое полотно, художник переписал его заново.

Когда картина была выставлена в Петербурге, всех поразила драматическая взволнованность и смелая постановка философско-этической проблемы. Ге нашел в «Евангелии» отклик *своим* мыслям, *своим* чувствам и ближе всех подошел к воплощению трагедии последних дней земной жизни Христа.

За десять тысяч рублей «Тайную вечерю» купил Александр II. Руководство Академии художеств, несмотря на разрыв Николая Ге с академическими канонами, присвоило ему звание профессора.

Прожив в Италии еще несколько лет, Ге наконец вернулся в Санкт-Петербург, поселившись на Васильевском острове. Темой для нового произведения он выбрал трагический эпизод русской истории — столкновение двух правд: правды отца и правды сына.

Отношения Петра I и его сына Алексея не отличались теплотой — Петр был охвачен идеей создать из боярской Руси мощное европейское государство, а сын был привержен старым устоям. Но Алексей — наследник, и с семнадцати лет отец давал ему разные поручения, чтобы тот понемногу вникал в дела. Слабая душа царевича страшилась могучей воли Петра, он выполнял его указания добросовестно, но без рвения.

Укрепляя международный авторитет России, Петр женил Алексея на принцессе Шарлотте — близкой родственнице императора Священной Римской империи. Однако уже через год сам обвенчался с бывшей наложницей Мартой Скавронской (при крещении названной Екатериной).

Екатерина надеялась родить Петру сына, для чего умышленно толковала всякое слово царевича вкривь и вкось. Сообщала Петру, что царевич его ненавидит, слушать не желает, а хочет бежать за границу.

Гром над головой Алексея прогремел в 1715 году. Шарлотта родила мальчика (будущего императора Петра II), но заболела и вскоре скончалась. Буквально через несколько дней, родила сына и Екатерина (ребенок прожил не полных четыре года). В день погребения Шарлотты Петр публично вручил Алексею письмо, начинающееся словами: «Объявление сыну

моему». В письме царевич обвинялся в полнейшей неспособности к государственным делам, царь требовал, чтобы он исправился либо постригся в монахи, в противном же случае обещал ему поступить как «с злодеем».

Алексей согласился уйти в монастырь, хотя они понимали оба — монашеский сан не лишит царевича быть законным наследником трона. Кто бы ни стал во главе государства, живой царевич будет ему помехой.

При активной поддержке начальника Санкт-Петербургского адмиралтейства Алексей тайно уехал в Вену, забрав и любовницу — дворовую девушку Вяземских — Ефросинью. С того момента участь его была решена.

В Вене царевич просил защитить его от Петра, был даже не против вступления в Россию австрийских войск, однако Австрия не решилась. «Для нас не является возможным добиться определенного успеха в землях самого царя, и нам в действительности известно, что этот царевич не имеет ни достаточной храбрости, ни достаточного ума», — писал вице-канцлер императору Карлу.

Алексея тайно перевезли в Неаполь, где под защитой римского императора он стал дожидаться смерти отца, сильно болевшего в эту пору. Но Петр пока умирать не думал. Он вел активные поиски сына. Наконец русская разведка выследила местоположение Алексея, потребовав выдачи царевича. Римский император категорически отказался, но разрешил допустить к Алексею Петра Толстого. Тот отдал ему письмо: «Я тебя обнадеживаю и обещаюсь Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься», — обещал сыну Петр.

Письмо не заставило Алексея вернуться домой, он не верил отцу. Тогда хитроумный Толстой решил на подкуп одного из австрийских чиновников, чтобы тот «по секрету» сказал Алексею, что его выдача русскому государю — вопрос решенный.

Морозным январским утром 1718 года чёрный возок переехал русскую границу. Тайный советник Петр Андреевич Толстой был доволен. Что ж, не зря говорил ему царь: «Голова, голова, кабы не так умна ты была, давно бы я отрубить тебе велел». 31 января Алексея доставили в Москву. Отец его ждал.

Петру Толстому «за показанную так великую службу не токмо мне, но паче ко всему отечеству» было пожаловано поместье в Переяславском уезде. Царевичу Алексею обещанного прощения не дали — учинили допрос:

— Всех, всех открой, кто замышляет против царя! Здесь и за границей!

Хватали виновных и подозрительных, пытали в застенках. Казнили. При пытках узнавали всё новые имена: одних висящие на дыбе называли сами, других — потому что судьи того хотели. Постриженную в монахини царицу Евдокию — мать царевича Алексея, законную свою жену — Петр приказал сослать в Ладожский монастырь. Близких ее людей — казнить.

Алексея повезли в Успенский собор и заставили подписать отречение от наследства. Петр не отпускал его с глаз. Покончив с трудными и жестокими московскими делами, увёз сына в Петербург. Там царевич валялся в ногах у государыни Екатерины, обещал, что уедет в деревню, молил, чтобы дозволила обвенчаться с возлюбленной Ефросиньюшкой, которую при дворе брезгливо называли «девкой Ефросиньей». Но ведь и та, что сейчас занимала на троне место его матери, тоже была девка — пленная немецкая девка. Царевич просил ее слёзно, а она посмеивалась.

Ефросиньюшка приехала из-за границы 20-го апреля, и прямо с дороги ее завернули в Петропавловскую крепость. Через три дня начался допрос. «Нетвердою рукою» отвечая на вопросы, она удивительно твердо и точно сообщила всё, что желали от нее знать. Да, царевич на отца беспрестанно жаловался, говорил, что хочет лишить его жизни. И еще (самое страшное!) говорил, что как только станет царем, всё будет иначе. «Я-де старых всех переведу, а изберу себе новых, и тогда буду жить в Москве, а Петербург оставлю просто город».

Петр видел своей задачей обновление России, а это — дело движущееся и развивающееся. Раз, начав его, останавливаться нельзя. Он не боялся, что сын свергнет его с престола, он боялся, что после смерти некому будет продолжить начатое им дело. Да, Алексей — противник! Петр взял царевича в Петергоф и допросил сам.

Николай Николаевич Ге из всей истории петровского царствования выбрал для своей картины эпизод едва ли не самый мрачный и драматический. Царь-убийца, сыноубийца! И не в порыве бешенства убил, не пришел в безумство от содеянного, не каялся иступленно. Убил расчетливо. Неверными посулами вывез сына из-за границы, сам допрашивал, сам предрешил судьбу, открыто — через особый суд — приговорил к смерти, а после приговора опять пытал! И не каялся. Хоть страдал, наверное, но не желал никому выказывать тяжкую отцовскую скорбь.

В набросках картины Ге прожил с Петром момент, пред-

шествовавший тому, который потом передал на холсте. Уже все решено для Петра, для Алексея. Слова сказаны и судьбы определены. В бумагах, брошенных на столе (наверное, это страшные для царевича показания «Ефросиньюшки»), ошущима ненужность. Один исписанный лист упал на пол, к ногам Петра. Бумаги кончили говорить. Люди кончили говорить. Говорят глаза. Отец поднял голову, до того опущенную в мучительном поиске решения, взглядывается в сына. Тяжелая кроваво-красная скатерть подчеркивает отдельность этих трагически связанных жизнью людей.

28 ноября 1871 года в Петербурге открылась Первая выставка художников-передвижников. «Мы открыли выставку, и она имеет успех, по крайней мере, весь Петербург говорит об этом, — сообщал Крамской художнику Васильеву. — Это самая крупная городская новость, если верить газетам».

На выставке среди множества превосходных полотен была картина Ге «Петр I и его сын Алексей». Картина произвела на зрителей громадное впечатление! Александр II тут же заказал для себя ее повторение. Газеты писали, что «всякий, кто видел эти две простые фигуры, должен будет сознаться, что он был свидетелем одной из тех потрясающих драм, которые никогда не изглаживаются из памяти».

Николай Николаевич искренне верил в воздействие искусства на человека: «Я художник, — говорил он, — а этот дар не для пустяков». Но Ге не был бы Ге, если бы изменил своей натуре. Через четыре года после триумфа картины «Петр I и Алексей» он вдруг усомнился в своих способностях живописца, без сожаления бросил Петербург и уехал на хутор в Черниговскую губернию заниматься сельским хозяйством. Искусно клал печи в мужицких домах, разьяснял нищим Евангелие — и делал все с таким же подъемом и удовольствием, с каким раньше вел в Петербурге светские беседы и устраивал выставки.

Живопись он забросил, лишь изредка писал для заработка портреты, при этом стоимость их едва окупала расходы на кисти и краски. И только в 1882 году, познакомившись с Львом Николаевичем Толстым, увлекшись его личностью, Ге возвратился к палитре, став кумиром художественной молодежи России.

Свою живопись Николай Николаевич посвящал теперь исключительно библейской тематике, воспринимаемой им как вечная борьба Добра со Злом при неизменном торжестве Зла. Неприглядность этого торжества он изображал на своих полотнах, не боясь преступать границы художественности, миную всяческие нормы и условности.

В 1890 году на Восемнадцатой передвижной выставке Ге представил картину «Что есть истина?» В Евангелии от Иоанна говорится, что на другой день, после того как Иуда предал Иисуса, первосвященники и старейшины Израиля постановили предать Иисуса смерти. Связали Ему руки и отвели к Пилату — римскому наместнику в Иудее.

— В чём вы обвиняете этого человека? — спросил Понтий Пилат.

— Он развращает народ. Он проповедует ересь.

«Не собирай себе сокровищ на земле, но собирай себе сокровища на небе, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше»;

«Не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас: не будет вам награды от Отца Небесного»;

«Как хотите чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»;

«Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель».

Пилат спросил Христа, почему Он это проповедует? Христос ответил:

— Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.

Пилат принадлежал к той категории римлян, которые постоянно видели вокруг себя лицемерие и презрение к справедливости, поэтому, удаляясь для решения участи Христа, с циничной усмешкой бросил ему на ходу:

— Что есть истина?

Христос промолчал. Давать ответ было бессмысленно: истина не «что», а «Кто». Она живая, она стояла перед Пилатом, но ему это и в голову не приходило.

Не усмотрев в поведении Христа ничего, за что стоило бы казнить, Пилат вернулся к иудеям, объявив о своем решении отпустить его. Но иудейский народ, столпившийся у претории, закричал:

— Смерть ему! А отпусти Варавву! (убийцу).

На выставке картина «Что есть истина?» стала сенсацией. Толпы людей осаждали ее. Голоса разделились. Одни зрители были в восторге, другие — в гневе. Все привыкли к красивому облику Христа, а здесь он — избитый, оплеванный, униженный после ночного глумления над ним, но непоколебимый.

— Это первый Христос, которого я понимаю, — признался писатель Лесков.

Ге считал, что во встрече Пилата с Христом нельзя писать «красивого» Христа. Он верил в историческое суще-

---

ствование Христа и трактовал его как живого, страдающего человека.

Александр III назвал картину отвратительной, приказав убрать с выставки. Один из поклонников Ге повез картину в Европу, но ее тонкий, чисто русский психологизм оказался Западу неинтересен. Л.Н. Толстой написал Третьякову: «Лет через сто иностранцы попадут, наконец, на ту простую, ясную и гениальную точку зрения, на которой стоит Ге».

Николай Николаевич шел в искусстве совершенно самостоятельно, отыскивая в сюжетах *свою* мысль, *свое* чувство. Увлекаясь работой, незаметно для самого себя стирал границу между искусством и психологией. Судьба его художественных полотен была драматична, как его собственная судьба. Картина «Выход Христа с учениками с тайной вечери в Гефсиманский сад» — одно из лучших произведений русской живописи — подверглась критике церковной цензуры. «Что есть истина?» была снята с выставки за кощунство в изображении Христа. Картина «Повинен смерти!» не была допущена на академическую выставку, и публика увидела ее лишь после смерти Ге. Он скончался в 1894 году у себя на хуторе.

Дорогие наши читатели!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2017 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге Роспечати подписной Индекс «МГ»: 70544 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Людмила САТАРОВА,
доктор филологических наук

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СУДЬБЫ

В конце 2015 года вышла в свет новая книга липецкого писателя Владимира Петрова «Имена». Читателя, который её открывает, ждёт чрезвычайно актуальное, полезное, интересное, живое приобщение к судьбам писателей, философов, политиков и богословов, имеющих отношение к Липецкому краю.

Автор с поистине энциклопедическим размахом сумел дать картину напряжённой духовной жизни многих деятелей русской культуры, которые целью своего труда имели одно: благо родной страны, стремление сохранить её неповторимый бытовой и религиозный уклад, соборную душу народа. В книге даны портреты св. Феофана Затворника, о. Афанасия (Медведева), М. Лермонтова, И. Бунина, Л. Толстого, А. Грибоедова, В. Розанова и многих других.

Несколько работ посвящено Лермонтову. И не только потому, что его род укоренён в нашей липецкой земле. Л. Толстой как-то заметил, что если бы Лермонтов развился далее, то в литературе не были бы нужны ни он, ни Достоевский. Поэтому столь пристален интерес к книге.

Владимира Петрова интересует в творческой судьбе поэта главное — тема России и русского человека. Многие исследователи отмечали, что у Лермонтова было какое-то врождённое чутьё, по-

КРУГ ЧТЕНИЯ

нимание своеобразной эстетики народной, «низовой» культуры. Без органической причастности к народному мировоззрению было бы невозможно создание таких шедевров, как «Бородино», «Песня про купца Калашникова», «Казачья колыбельная» и других произведений. Поэт сам признавался в любви к Родине, которую называл «странной», ибо его трогала не парадная, блестящая и по-своему чарующая державная мощь Императорской России, а её сокровенная сущность, скрытая в повседневности. Поэту так милы и близки «дрожащие огни печальных деревень», «дымок спалённой жнивы», «пляска с топаньем и свистом под говор пьяных мужичков». Такой образ России — открытие Лермонтова, он знал её с детства, поэтому так задушевно рисует картину мужицкого благополучия:

*С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...*

Каким же образом, задаётся вопросом автор «Имён», вкралась в наследие Лермонтова фальшивка, где облик России предстаёт прямо противоположным — «немытой страной рабов и господ»? Писатель спрашивает: «И кто «немытый» в ней — народ?»

Ведь если это не пасквильная подделка, то поэтическое сознание Лермонтова следует признать безнадежно двойственным. А между тем вектор творческого развития гения как раз и состоял в обретении целостности и глубокой психологической зрелости, отразившейся впоследствии в романе «Герой нашего времени», где «лишнему» дворянину Печорину противостоит простой, нравственно-цельный Максим Максимыч. В аргументированной работе Петрова блестяще развенчивается сам «механизм» внедрения в общественное сознание фальшивки (с 1961 года — обязательной в школьном изучении). Трудно не согласиться с его выводом: «...мнимый «лермонтовский» шедевр, явившийся из глубин инфернального мира, — провокационный акт психологической войны против России и её народа». И недаром он так активно обсуждается в интернете русофобами всех мастей. В книге называется и подлинный автор «творения» — пародист-либерал Дмитрий Минаев.

В краткой рецензии невозможно проанализировать весь корпус «имён», вошедших в книгу, поэтому рассмотрим некоторые опорные точки в рассуждениях автора, позволяющих раскрыть его концепцию. В этом плане весьма удачным следует признать поворот к проблеме отцовства в работе, посвящённой роману Бунина «Жизнь Арсеньева», к образу отца Ивана Алексеевича.

Тема России, воскрешение её прошлого во всём богатстве и разнообразии жизни — центральная в этом дивном творении. Нельзя не согласиться с автором: «Без этого гениального рома-

---

на, шедевра русской и мировой литературы, я убеждён, невозможно почувствовать Россию второй половины прошлого века, а без любовно и щедро выписанного портрета отца — увидеть русского человека, дворянина, изживавшего трагедию своего сословия к концу века».

Образ отца в романе связан с борьбой полярных начал в русском национальном характере, который до конца дней волновал писателя. Владимиру Петрову удалось в своём анализе точно обозначить основное ядро, нерв противоречий «суходольской» души Алексея Николаевича. С одной стороны, живой, образный ум, «энергический» картинный язык, порывистый, решительный, открытый и великодушный характер, простота и доброта. А с другой — роковая страсть к самоистреблению (вино, карты), которая обернулась полным оскудением дворянского гнезда.

Мать писателя, Людмила Чубарова, однажды бросит упрёк: «Ты разорил детей!» Алексей Николаевич схватится за ружьё... Никто из детей не осудил отца, а Бунин всегда вспоминал его с «несказанной любовью», мучился вопросом до конца дней: как примирить эти антагонистические начала в русской душе, как снять их противостояние? В своём творчестве Бунин разрешил эту проблему лишь отчасти. Но ответ на этот вопрос, на наш взгляд, есть в книге Петрова, и он связан с двумя очерками, посвящёнными русскому духовенству.

Настоящим открытием стало жизнеописание о. Афанасия (Медведева), покойного настоятеля Успенской церкви на Монастырке, православного подвижника, просиявшего на липецкой земле. Портрет о. Афанасия основан на черновом наброске «Автобиографии», написанной им самим. О. Афанасий в молодости сочинял стихи, работал литсотрудником в газете, учителем русского языка и литературы. Посещение Свято-Троицкой Сергиевой лавры стало судьбоносным в его жизни, он становится священником и многие годы сотрудничает с Издательским отделом Московской Патриархии.

Особо значимым является Крымский период его пастырского служения, плодом трудов которого стала книга «Благословенный лик Тавриды» (1993 г.). «Таврия — всегда начало» — эта строка из авторского предисловия является ключом ко всему сборнику.

«Богом был установлен для Тавриды великий удел: быть рассадником святых для всей Руси, её славной крестильницей или крестной матерью... И вот в 988 году князь Киевский Владимир, занявший 20 городов и 30 сёл Тавричины, принял крещение в Херсонесе, там же обвенчался с византийской царевной Анной, а затем и крестил всю Русь. С огромной святыею отправился в Киев равноапостольный князь, имея великую цель — просветить всю землю русскую светом Христовым. За это он был тепло назван народом Святым Владимиром Красное Солнышко».

Надо ли говорить, что Крым вновь возвращён России промыслительно, ибо эта земля — её колыбель, начало духовного пути крестоношения, от которого отказались «укры», предавшие русское имя и вновь распинающие Христа!

После возвращения в Липецк о. Афанасий задумывает ещё более масштабный труд — издание трудов под общим названием «Благословенный лик Придонья». Завершены лишь первая и вторая части труда. В последней дано описание монастырей Липецкого края. А ведь это — бесценное сокровище в нашем общем культурном наследии, и поэтому нельзя не согласиться с выводом автора «Имён»: «Два тома трудов о. Афанасия поэтому нужны многим, их надо бы переиздать, направить в каждую школу, техникум, институт. Не на полки библиотек, а с тем, чтобы хоть малое зерно западало в сознание молодого поколения».

Завершить свою рецензию мне хотелось бы кратким рассмотрением ещё одного «портрета» — св. Феофана Затворника (Вышенского). Вехи земной жизни Георгия Васильевича Говорова общеизвестны. Он — уроженец села Чернава Елецкого уезда Орловской губернии, в юности испытал сильнейшее воздействие трудов и дел св. Тихона Задонского, совершил паломничество в Задонск, хотя мощи св. Тихона тогда ещё не были прославлены. В 1841 году принял постриг с именем в честь Феофана Исповедника.

Владимир Петров подчёркивает, что св. Феофан был образованнейшим человеком своего времени, его лекции по богословию были признаны выдающимися, их высоко ценил св. Игнатий (Брянчанинов). Св. Феофан посетил святые места Палестины, Сирии, Египта, монастыри Александрии и Каира. С началом Крымской войны он возвращается в Россию и через некоторое время назначается ректором Санкт-Петербургской духовной академии. Затем — хиротония во епископа Тамбовского и Шацкого. За эти годы служения им написан труд «Письма о христианской жизни», в котором содержится учение о законах духовного устройства человека и даются советы о стяжании Духа Святого. Св. Феофан участвует в торжествах открытия мощей св. Тихона Задонского. Главный итог его жизни — шесть томов «Добротолубия», над которыми он работал четверть века.

В работе о св. Феофане («Ревнитель веры»), в его образе и трудах разрешены все «проклятые» или «вечные» вопросы русской жизни. Перед нами — идеал русского человека, образец святости, которой достиг уроженец липецкой земли, потому что он знал, что такое истинная духовная жизнь и как обратиться к ней. Он верил, что смысл человеческого существования — спасение души, а путь к нему — аскетические подвиги, которые единственные могут обуздать страсти и уничтожить тягу к саморазрушению личности, которая так мучительно переломилась всей русской литературой.

В заключение хочется поздравить всех читателей с ценным литературным трудом — книга «Имена» написана прекрасным русским языком и той гибкостью интонации, которые отличают писательскую индивидуальность Владимира Петрова.

г. Липецк

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Течение жизни в современной России лучше всего отслеживать в провинции, где каждый маленький городок, посёлок, деревня — это микромодель социума. Порой кажется, что время здесь замерло, остановилось в пространстве, особенно после остановки и разграбления градообразующего предприятия, как произошло это в моём родном посёлке Юго-Камск Пермского края. И тут на первый план выдвинулась проблема человека.

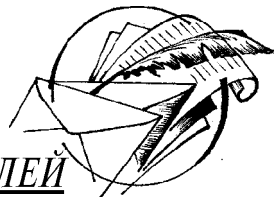
В летнюю жару молодые люди свободно разгуливают по посёлку обнажёнными по пояс, без рубашек и маек, в аляповатых цветастых трусах-шортах, напоминая собой папуасов. Не лучше их выглядят и девушки в коротких — до «развилки» — шортиках и с сигаретами в зубах. Подлинно русских женщин и девушек — скромных, пристойно одетых, женственных — я вижу только в церкви да в исторических фильмах.

Нецензурная брань слышна отовсюду: мат звучит на улицах, в общественных местах, доносится из машин и окон квартир. Сквернословят все: дети, взрослые и старики. Нужна экология не только природы, окружающей нас среды, но и человеческих душ. По словам известного публициста, причиной морального растрепания молодёжи и отсутствия перспектив у большей части народа является захват власти в России воровскими и предательскими по отношению к своей стране кланами.

Что происходит в России? Раскол сверху донизу по духовно-нравственным, национальным, социальным, религиозным, экономическим, политическим и прочим параметрам. Как избежать его и выстоять в предстоящих испытаниях? У русского народа должна быть сверхзадача: её обозначил Творец с момента крещения Руси.

Духовно-нравственная проблема, иными словами — дело спасения человека должно стать, прежде всего, важнейшей задачей Православной Церкви. России надлежит вернуться к спасительной для народа симфонии церкви и государства, а церкви — к практике нестяжательства, провозглашённой ещё Нилом Сорским и его сподвижниками.

В нынешнем году довелось мне прочесть книгу Майи Кучерской «Приходские истории». Околоправославная по своей направленности книга запомнилась мне одной-единственной главкой

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Царское дело. О нестяжании», где автор привела прекрасный пример того, каким должен быть подлинный пастырь: *«Недавно в Сербии хоронили патриарха Павла. Хоронили в старенькой мантии, заплатанном саккосе и митре пятидесятилетней давности, которую он получил ещё при рукоположении в епископы.*

Все истории про патриарха, которые в Сербии передают из уст в уста, примерно в таком же духе. О выброшенных кем-то ботинках, которые он зашил и начал носить, о том, как он сам варил себе кашу, как любил ходить по городу пешком, один, без охраны. Подобных историй десятки, и все они — об удивительной скромности этого человека и его доступности. Но не менее удивительно и то, до какой степени именно эти качества привлекают людей. Если так очевидно, что простота и доступность пленяют, — сколько очков могли бы заработать на них наши политики, тем более церковные иерархи... Сними российский патриарх дорогие часы, пересядь на машину попроще, заяви публично о нестяжательстве как ключевой добродетели для епископов — сколько душ притекло бы в церковь!

Увы, в России другие традиции. У нас слишком любят две поговорки: «Не царское это дело» и «Положение обязывает». Именно так: обязывает. Но вот к чему? Об этом как раз и напомнил патриарх Павел».

Долг писателей, публицистов, журналистов, всех работников культуры — повернуть вспять мутный поток растления человека, показать ценность и неповторимость каждой человеческой жизни.

Национальная проблема является второй по степени важности. Термин «советский народ» не выдержал проверки историей, как не выдержит его и нынешний ярлык — «россияне». На данном историческом этапе необходимо строительство сильной национально-объединительной державы. Единственно верной основой для её объединения является государствообразующий русский народ. И это должно быть прописано в Конституции. Необходимо вернуть в паспорта графу «Национальность»: каждый житель России вправе гордиться лучшими, вершинными достижениями своей нации.

Национальные республики и автономии должны быть сохранены на базе их традиционных религий, с расцветом всех их национальных культур. Но — с надлежащим представительством русских во всех властных структурах при равноправии всех наций по Конституции. Теория и практика «плавильного котла», слияния всех наций воедино так же губительна, как и идея национального превосходства.

Поэтапно с первыми двумя проблемами надлежит незамедлительно решать и третью — социальную. Приведу ещё один пример из жизни. В моём родном Юго-Камске Общественный совет решил было вместе с выборами в Госдуму провести референдум о самообложении жителей к 270-летнему юбилею по-

---

сёлка. На каждый собранный рубль мы могли бы получить ещё пять рублей из краевого бюджета да потратить эти деньги на благоустройство. Ан не тут-то было! Замысел самообложения с треском провалится. На предложение сдать в разовом порядке хотя бы сто рублей мы, инициативная группа, слышали в ответ: «В стране разворовываются миллиарды олигархами, губернаторами, чиновниками всех мастей, а вы хотите собирать с нас последние копейки!» Что тут возразить? Как говорится, нечем крыть.

В этом плане особенно характерно недавнее сообщение в СМИ о «царь-квартире» вице-премьера Игоря Шувалова. Он приобрел в знаменитом высотном доме на Котельнической набережной в Москве десять квартир на четырнадцатом этаже. Сумма сделки составила около 600 миллионов рублей. Процесс покупки квартир еще не завершён — в планах у Шувалова приобрести все семнадцать квартир на этаже и объединить их в одну огромную общей площадью около одной тысячи квадратных метров. Ранее «Аргументы недели» писали о недвижимости, в том числе и о квартире в 500 кв.м., которой владеет семья Шувалова в Лондоне. Шувалов не одинок в своих гиперматериальных притязаниях. И это правительство «правит» Россией! Разрыв между богатыми и бедными увеличивается с каждым днём.

До сих пор не преодолена пассивность и социальная апатия ограбленного и бесправного народа. Хорошим примером для нас могла бы послужить многотысячная акция протеста на японском острове Окинава, прошедшая в конце июня сего года. В митинге приняли участие шестьдесят пять тысяч человек, они требовали срочно убрать с острова американскую военную базу из-за многочисленных преступлений морпехов США — насилие, убийств, ограблений — по отношению к японцам.

Навряд ли нынешним политическим партиям удастся решить задачу перераспределения захваченных олигархами природных ресурсов и не нажитой ими собственности в пользу народа. Нам может помочь лишь широкое народное движение с объединяющей идеей: «Всё для победы социально справедливой России!» Действовать оно должно мирными, но эффективными средствами: просветительская работа, сбор подписей, митинги, статьи в СМИ и социальных сетях — иначе не видать нам хорошей жизни в ближайшем обозримом будущем.

Решение экономической проблемы лежит на путях создания правительства народного доверия и кадровой революции. Тут актуален лозунг сталинских времён: «Кадры решают всё!» К счастью, талантливые экономисты ещё не перевелись в России.

Геополитическая проблема, соби́рание Русского мира реальна лишь при решении вышеуказанных проблем и задач, при скорейшем формировании подлинно духовного человека-гражданина и коренного улучшения жизни народа.

Галина ЧУДИНОВА, г. Пермь